Управление культуры
Администрации г. Екатеринбурга
Объединенный музей
писателей Урала

Российская Академия наук
Уральское отделение
Институт истории
и археологии

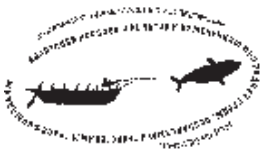
Литературная жизнь Урала XX века

Литературоведческая концепция музейной экспозиции

Екатеринбург
2008

ББК Ш5 (2=Р) 6-3
УДК 821.161.1 (091)
Л 642

Исследование проведено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

Ответственные редакторы: д. филол. н. Т. А. Снигирева,
д. филол. н. Е. К. Созина

Рецензенты:
д. филол. н. В. В. Абашев (Пермский гос. ун-т),
д. филол. н. Е. Н. Эртнер (Тюменский гос. ун-т)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории
и археологии УрО РАН и Ученым советом
Объединенного музея писателей Урала

Л 642 Литературная жизнь Урала XX века: литературоведческая концепция музейной экспозиции / Отв. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. – Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала; УрО РАН; Изд-во Урал. ун-та, 2008. – 152 с.

ISBN

Предлагаемая книга преследует цель ориентации сотрудников Объединенного музея писателей Урала, учителей и учащихся, а также всех людей, интересующихся родным краем, в современном состоянии филологического знания в области изучения духовной культуры Урала, в частности, ее словесности. Литературная жизнь Урала XX века прослеживается в исторической динамике, с учетом контекста общероссийской литературы и специфических для региона форм литературного процесса и собственно литературной жизни.

ББК Ш5 (2=Р) 6-3

© Коллектив авторов, 2008
© Объединенный музей писателей Урала, 2008
© Институт истории и археологии УрО РАН, 2008
© Издательство Уральского университета, 2008

ISBN

Содержание

Введение
(Т. А. Снигирева, Е. К. Созина) 4

Глава первая. Периодизация литературы Урала XX века
(Т. А. Снигирева при участии З. С. Антипиной) 11

Глава вторая. Литература рубежа XIX – XX веков
(Серебряный век). Основные события культурной и
общественной жизни на Урале
(И. В. Козлов, Е. К. Созина при участии З. С. Антипиной,
Л. П. Быкова, Т. А. Снигиревой) 15

Глава третья. Литература и литературная жизнь на Урале
1917–1941 годов
(И. Е. Васильев, Н. С. Журавлева, Т. Н. Маркова,
Ю. С. Подлубнова) 29

Глава четвертая. Литература периода Великой
Отечественной войны (1941–1945) и послевоенного
десятилетия
(Ю. В. Клочкова, М. А. Литовская, Т. Н. Маркова,
А. М. Меньщикова, А. Г. Прокофьева,
Л. М. Слобожанинова) 67

Глава пятая. Литература Урала периода «оттепели»
(Т. А. Снигирева) 94

Глава шестая. Литературная жизнь Урала в 1970–1980-е годы
(В. П. Лукьянин) 114

Глава седьмая. Литературная ситуация и литература
рубежа веков (1990– 2000 годы)
(Л. П. Быков, В. А. Блинов при участии Е. В. Гарник,
Ю. Н. Серго, Т. А. Снигиревой, Л. И. Стрелец) 136

Заключение
(Л. П. Быков, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина) 148

Введение

Имея историко-литературный, аналитико-литературоведческий характер, предлагаемая работа преследует цель ориентации сотрудников Объединенного музея писателей Урала в современном состоянии филологического знания в области духовной культуры Урала. Ни в какой степени не претендуя на советы в области визуальной концепции экспозиции (все авторы – филологи), данный труд очерчивает основные закономерности историко-литературного процесса литературы XX в. в их регионально-специфичной проекции.

Из чего исходили авторы предлагаемой модели рассмотрения литературной жизни Урала XX века?

1. Одной из самых болевых проблем литературы провинции является, как известно, проблема провинциальности литературы нестоличной. Поэтому одним из важнейших постулатов изучения региональной литературы становится для нас принцип контекстуальности: «региональная литература 'имярек' и общероссийский процесс». Соответственно, важнейшим признаком состоятельности того или иного явления регионального масштаба является контакт с центральной прессой и общероссийским литературным процессом.

В первой, вызванной острой практической необходимостью книге, предлагающей системное описание литературы Урала, авторским коллективом декларируется: «Какими принципами мы должны следовать при изучении литературы в школе? Прежде всего, очень важно изучать литературу Урала в контексте общероссийского литературного процесса. Это значит необходимость достаточно отчетливого установления, во-первых, того, какие произведения мест-

ных авторов создавались под влиянием художественных тенденций общероссийского масштаба или в очевидной связи с ними, во-вторых, в чем уральские книги углубляли и развивали эти общероссийские тенденции и, в-третьих, в чем литературный процесс на Урале опередил и инициировал искания современной ему отечественной литературы»[1]. Очевидно, что указанные здесь принципы сохраняют свою важность и сегодня, они достаточно универсальны.

2. Принцип контекстуальности и опоры на общероссийский литературный процесс в применении к региональной литературе требует тонкого и бережного отношения к специфике развития литературы именно в данном регионе, иначе говоря – учета и сохранения ее целостности и цельности, в определенном смысле (несмотря на унифицирующее давление советского строя в XX веке) уникальности. В 1926 г. к такому подходу в описании культурных единств разных краев и областей России призывал один из «пионеров» отечественной геокультурологии, складывавшейся в русле советского краеведения, И. М. Гревс: «Край – это именно живое целое: это особого рода организм – так же, как в более широком горизонте – область, страна, земля (расширяющиеся "ландшафты", индивидуальные комплексы природных и культурных свойств, черт, соединений); таковы же равным образом, с другой стороны, – человек, группа людей, народ, человечество»[2].

Вероятно, для литературы региона характерны такие обычно постулируемые, в том числе и хронологические, формы взаимодействия с общероссийской культурой, как ученичество, запаздывание, но в то же время следует иметь в виду, что чаще всего это «…процесс взаимодействия, и

---

[1] Лейдерман Н. Л., Созина Е. К., Литовская М. А. Как изучать литературу Урала в школе? // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. Екатеринбург, 1998. С. 661–662.

[2] Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. Т. 2. 1926. № 4. С. 488.

в некотором отношении уральские или сибирские авторы могли опережать соответствующие линии движения центральной литературы: общерусское, а уж тем более общероссийское, слагалось из многих целостных компонентов»[3]. Найти и выделить эти целостные компоненты в региональной литературе, актуализировать взаимосвязь оригинального и общего в ее развитии, и стремились авторы данной концепции

3. В отличие от истории литературы, для которой основным понятием обычно выступает литературный процесс, регистрирующий движение литературы в истории, при создании музейной экспозиции центральным и исходным понятием становится литературная жизнь. В 1920-е гг. это понятие наполнил содержательным смыслом П. Н. Сакулин. Он полагал, что объектом истории литературы являются «не только художественные произведения и сами художники слова, но и весь комплекс явлений, которые неразрывно связаны с фактом существования литературы. <…> …вокруг произведений и писателей образуется особая атмосфера, особая жизнь, которую и можно назвать литературной жизнью»[4]. Основными «ингредиентами» литературной жизни ученый считал четыре компонента: писатель, читатель, критик, теоретик. А следовательно, в дискурсное пространство литературы, понимаемой через развитие разнообразных форм ее жизни, ее динамическое взаимодействие с историей и текущим моментом, с социумом и политическим режимом, входит творчество писателей самой разной степени дарования (вспомним знаменитый лозунг – «история литературы – это не история генералов»), и для региональной литературы важен,

---

[3] Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Коллективная монография. Екатеринбург, 2006. С. 297.

[4] Сакулин П. Н. Наука о литературе, ее итоги и перспективы. XV. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925. С. 24.

быть может, не столько уровень талантливости, сколько, подчас, культуртрегерская составляющая творческой личности и деятельности художника – его «вклад» в создание и «питание» культурной среды региона.

Немаловажно также помнить, что литературная жизнь, тем более в провинции, непредставима без ее социальных компонентов, без социокультурных, в том числе и материальных, «носителей» и «проводников» литературы в обществе, т. е. без издательств и изданий, без журналов и газет (при учете, что количество и качество СМИ сегодня более чем разнообразно), без литературных объединений, обществ, кружков и других институций, которые, собственно, и задают координаты существования литературы в мире, обеспечивают ее продолжение и воспроизведение.

Наконец, в пространство литературной жизни, тем более при учете ее музейной экспликации, мы вводим явления литературного быта, а в определенную пору в качестве таковых воспринимались даже газеты и журналы, которые сегодня – часть литературного процесса. Как писал Ю. Н. Тынянов, применительно к литературной эволюции «факт быта оживает своей конструктивной стороной»: к примеру, «журнал то является безразличным фактом быта, момент монтировки в нем не играет роли, то вырастает в литературный факт»[5]. В литературе XX в. трудно назвать «факт быта», который не стал бы «литературным фактом», будь это «ящик у станка», на котором стоит работающий ребенок (кодифицирующая роль литературы, сделавшей этот факт военного быта не просто литературным фактом, но емким образом-символом времени, раскрывается в четвертой главе этой книги), записные книжки и дневники, лозунги и плакаты и т. д. Думается, работники музея смогут опредметить виртуальный процесс, скрывающийся в этой цепочке, и вернуть литературным артефактам их вещно-бытовой статус, не теряя при этом их культурно-эс-

[5] Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М., 1993. С. 134.

тетической содержательности. Авторы данной концепции руководствовались центральной позицией именно литературной жизни, хотя достичь полного единства взглядов и подходов им, по-видимому, удалось не всегда.

4. Советская эпоха – эпоха жесткой централизации литературного процесса и литературной жизни: на протяжении почти целого века был задействован чрезвычайно удобный для любого тоталитарного государства принцип строгой иерархической конструкции, своеобразной пирамиды власти, облегчающий контроль за писателями и управление литературой, которая, как еще помнит старшее поколение гуманитариев, «должна стать частью общепролетарского дела». «Партийное руководство литературой» В. П. Лукьянин справедливо назвал «пятым ингредиентом» литературной жизни[6].

В связи с обозначенной спецификой культурной ситуации советской эпохи исследование региональной литературы XX в. продуктивно осуществлять с опорой не столько на методику «областных» или «местных» «культурных гнезд», предложенную Н. К. Пиксановым и одобренную другими учеными, сколько на характерное явление, определяющее культурную жизнь провинции в последние две трети века: своеобразный «выброс», «протуберанец» культуры региона в общесоюзную культуру. Регион или его представитель (культурный герой) становится одним из героев масштаба страны. Здесь возможна аналогия с литературами национальных республик. Например, в 1960–70-е гг. на авансцену искусства выходят такие явления, как «литовская графика», «прибалтийский психологический роман», «грузинский лирический кинематограф», «армянская притчевая проза» и т. п. В

---

[6] Лукьянин В. П. Структурирование литературной жизни Урала под влиянием организационных форм, привнесенных партийными и государственными органами // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. С. 42.

различные годы в литературоведении появлялись такие понятия, как «смоленская школа», «проза сибиряков», «уральский сказ», «одесская школа» и даже «расстрелянное украинское Возрождение».

Литература Урала в XX столетии заявила о себе подобным образом несколько раз: в 1930-е гг. – сказами П. П. Бажова, в 1960–70-е – романтико-дидактической прозой для подростков В. Крапивина, в 1980–90-е – комплексным уральским бумом: от «уральского рока» до поэзии Б. Рыжего, которого называют последним поэтом классической русской поэзии.

Одновременно с яркими «выходами» на авансцену культурной жизни, когда регион заявляет или напоминает о себе, внутри собственного географического формата развивается свой литературный процесс, связь которого с общесоюзным, во-первых, безусловно, должна быть обнаружена, во-вторых, обнаружена с учетом тех особенностей, которые обусловлены спецификой материального и духовного ландшафта. Этот тезис – соотнесенность/несоотнесенность с общероссийским (общесоюзным) литературным процессом с учетом характерологической специфики литературы Урала, во всей «плоти» литературной жизни региона – может стать одним из магистральных сюжетов музейной экспозиции.

5. Необходимо помнить также о том, что в отношении литературы Урала проблема характера литературного ландшафта усложняется тем, что уральский регион разнообразен этнически, и литература в его рамках создается на разных языках. Здесь всегда должна иметься в виду та национально-этническая специфика, в которой сведущи специалисты, занимающиеся башкирской, татарской, удмуртской, коми литературами и литературой народов Уральского Севера. К сожалению, самих авторов данной концепции не вполне устраивает территориально-этнический охват литературы «Большого Урала», осуществленный в предложенной работе. Различные геокультурные и этнонациональные регионы

края получили здесь разную степень освещения, но мы надеемся, что эти пробелы восполнимы, и теоретический «ингредиент» литературной жизни Урала доведет начатое до более приемлемого для всех результата.

Таким образом, структурное содержание литературоведческой концепции музейной экспозиции «Литература Урала XX века» подчинено главным задачам: обрисовка основных закономерностей историко-литературного процесса, характеристика своеобразия литературной жизни в ее региональной уральской специфике. Именно поэтому принципом изложения материала стал хронологический принцип, и предваряет анализ отдельных этапов развития литературы Урала в XX веке раздел, связанный с проблемой периодизации данной литературной эпохи.

Глава первая.

Периодизация литературы Урала XX века

1. Литература Серебряного века. Конец 1890-х–1910-е гг.

Уникальность литературной ситуации эпохи «серебра» характеризуется как взаимообогащающее одновременное существование трех различных художественных парадигм: реалистической, модернистской (в нашем регионе – прежде всего футуризма) и искусства, которое позже будет принято называть «социалистическим реализмом». Поскольку на Урале доминантой литературы традиционно была повышенная социальность, то ведущим (но, конечно, не единственным) направлением является реализм, подпитываемый и сугубо региональными корнями – творчеством Д. Н. Мамина-Сибиряка и Ф. М. Решетникова.

2. Литература 1917–1930-х гг.

Становление новых форм литературной жизни (УЛИТА, изд-во Уралогиз, литературное приложение к газете «Уральский рабочий» – «Товарищ Терентий» и т. д.), утверждение соцреализма с совершенно неожиданным результатом – творчеством П. П. Бажова, предложившего свою, ставшую официальной и одновременно национальной и региональной, мифологию края. Общесоюзная проблема формирования в этот период трех форм литературной жизни (официальная литература, литература духовного сопротивления, литература русского зарубежья) применительно к Уралу выглядит редуцированно. Литература эмиграции – М. Осоргин и несколько вновь открывающихся имен (К. Жаков, В. Емельянов). Существование неподцензурной литературы духовного сопро-

тивления пока не подтверждено никакими значительными историко-литературными фактами.

3. Литература периода Отечественной войны и послевоенного десятилетия.

Уникальное пятнадцатилетие в развитии всей культуры региона, поскольку Урал в годы войны стал одним из основных мест эвакуации.

4. Литература «оттепели».

Литература «шестидесятничества» на Урале со всей очевидностью продемонстрировала существенность тех результатов «глотка свободы», что был дарован стране в середине 1950-х и 1960-е гг. В литературу вошло новое поколение писателей («детей оттепели»), которое предложило свою художественную концепцию мира и человека, порой решительно отличающуюся от официальной.

5. Литература 1970-80-х гг.

Специфичной для Уральского региона стала пролонгированность тех демократических устремлений, что принесла с собой эпоха «оттепели». Одновременно, для этого периода вновь, как и в 1930-е гг., характерно распадение литературного процесса на три различные формы существования: 1) официальная, подцензурная литература; 2) литература, целенаправленно создающаяся «в стол» или не прошедшая цензуру; 3) литература третьей волны эмиграции, представленная крайне редуцированно в сравнении с общероссийским процессом.

6. Литература конца XX – начала XXI в.

В отличие от общероссийской литературы, конец литературного столетия не датируется 1995/96 гг. (И. Бродский: «Кончается XX век, но прежде кончусь я»). Напротив, вторая половина 1980-х гг. – начало 2000-х осмысляется как особый и весьма креативный для литературы Урала

период. В этом аспекте концептуально важной является мысль о том, что в эпоху глобализации, активно вырабатывающей и утверждающей два стандарта существования литературы («гипертекстуальность» и массовая культура), им противостоит «активизация региональных литератур, которые выдвигают иные ориентиры и создают иную возможность развития искусства. Именно региональные литературы прежде всего являются пластом искусства, который сохраняет в себе национальное своеобразие как в форме, так и, особенно, в содержании – в ценностных ориентирах: в осмыслении назначения человека, устройства жизни, соотношения духовного и материального, красоты и пользы, свободы и долга, совести и греха и др.»[7].

Одним из путей характеристики второго рубежа отечественной словесности может стать анализ соотношения фундаментальной и массовой культур в эпоху глобализации.

Пермский музей, следуя логике своего литературного материала, в 2001–2002 гг. предложил следующую периодизацию региональной литературы (по тематической структуре):

1. Фольклор Прикамья. Жанры: эпос, сказка, несказочная проза, песня, пословица. Исследователи фольклора (В. Татищев, А. Зырянов, Р. Зеленин, В. Шишонко, П. Богословский; В. А. Кустов, К. Э. Шумов, И. Подюков, А. Черных и др.).

2. Литература в Перми в XVIII – начале XIX в. Пермь в контексте общероссийской литературы (И. И. Панаев, Е. Вердеревский, А. Попов, И. Бахтин). Первые литературные опыты пермяков (В. Феонов, П. Размахнин).

3. Пермская литература второй половины XIX в. Демократическое направление в творчестве провинциальных

---

[7] Гурленова Л. В. Ментальность современной русской литературы (региональный аспект) // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Екатеринбург. 2006. С. 69.

писателей (Ф. Решетников, А. Кирпищикова, Е. Словцова, А. Сигов-Погорелов и др.).

4. Рубеж XIX–XX вв. Становление профессионального авторства. Периодическая печать и публицистика. Семья Ильиных (монографический комплекс). Активизация поэтической жизни (духовная лирика, женская лирика, сборники произведений семинаристов и гимназистов, переводы, эпигоны символизма). В. В. Каменский (монографический комплекс).

5. Литература края в 1920–1930-е гг. Пермский вариант авангарда. Начало организованного литературного движения (литературное объединение «Мы», литературный кружок ПГУ, группы «ПАПП», «Леф», «Перевал»). Создание областной писательской организации.

6. Литература Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Фронтовая лирика (В. Занадворов, А. Бычков, И. Гагарин, К. Мамонтов, Б. Ширшов).

Тема войны в творчестве эвакуированных писателей (В. Панова, А. д`Актиль, А. Первенцев, Е. Полонская, М. Слонимский, В. Каверин).

7. Литературная жизнь Прикамья в 1950–1960-е гг. Поэзия: преобладание так называемой «тихой» и «женской» лирики. А. Решетов (монографический комплекс). Проза – «деревенская проза» и военная тема. В. Астафьев (монографический комплекс). Детская литература Прикамья (Е. Трутнева, Л. Давыдычев, Л. Кузьмин, В. Воробьев).

8. Литература края в 1970–1980-е гг. Доминанта художественной литературы – соцреализм. Усиление цензуры. Протест против догм в литературе. Новые литературные имена (Л. Юзефович, В. Соколовский, М. Крашенинникова, Ю. Беликов, В. Кальпиди).

9. Литературная жизнь Прикамья рубежа XX–XXI вв. Создание альтернативного Союза писателей России, литературных групп, объединений (Фонд «Юрятин»: «Ротонда», «Сигнальный экземпляр», «Пенаты», «Одекал», «Монарх», «Литературная Пермь», «Тропа» (ДТЮ), «Пилигрим»).

Глава вторая.

Литература рубежа XIX–XX веков (Серебряный век). Основные события культурной и общественной жизни на Урале

Конец XIX – начало XX в. традиционно определяется как переломная литературная эпоха, давшая уникальную по интенсивности развития и многообразию художественных индивидуальностей литературу. Катастрофизм протекающих социальных процессов, значительное изменение мироощущения человека в истории, новые философские веяния, новая концепция личности, своеобразный духовный ренессанс, начавшаяся научно-техническая революция – все эти разноуровневые факторы повлияли на изменение культурной ситуации как во всей России, так и в Уральском регионе.

Явным знаком интенсификации культурной ситуации на Урале рубежа веков стало оживление издательской и журнальной жизни. За двадцатилетие – с 1895 по 1916 гг. – в Екатеринбурге издается достаточно много для культурного центра журналов и газет. Среди них «Урал» (1896–1908), «Рудокоп» (1897–1904), «Уральская жизнь» (1901–1916), «Вечевой колокол» (1904–1905), «Голос народа» (1906), «Знамя» (1907), «Слово Урала» (1908), «Голос Урала» (1912), «Екатеринбургский обыватель» (1914). Эти газеты печатали как уральских писателей, так и авторов из других регионов Российской империи. Тот же процесс характерен и для других областей Большого Урала. А. Г. Прокофьева в статье «Этапы развития литературы в Оренбургском крае» замечает: «В конце XIX – начале XX в. литературная жизнь в Оренбуржье еще более ожи-

вилась в связи с появлением новых газет и журналов, сыгравших немаловажную роль в творчестве ряда известных русских писателей, таких, как С. И. Гусев-Оренбургский, А. И. Завалишин, Л. Н. Сейфуллина, М. П. Герасимов, А. В. Ширяевец, Ст. Щипачев и др. Начало литературной деятельности перечисленных авторов связано с газетами "Оренбургский листок", "Тургайская газета", с оренбургскими журналами и литературными сборниками "Степь" (1916, 1917), "Серый труд" (1913), "Севы" (1913), "Зарево степей" (1922), "Степные зори" (1923) и др.»[8].

В уральской периодике большое место занимают стихотворные и прозаические фельетоны как один из самых популярных жанров «газетной» поэзии. Как правило, у каждой из этих газет был «штатный» фельетонист, произведения которого появлялись почти в каждом номере. Например, в газете «Голос Урала», выходившей ежедневно, под псевдонимом «Никто не» публиковался Вячеслав Петрович Чекин (1868–1925). Судя по публикациям в газетах, его творческая жизнь, была очень насыщенной и продуктивной. Его перу принадлежат прозаические фельетоны «Жертва телефона», циклы стихотворных фельетонов «Цветные осколки». Вот один из характерных для данного автора текстов:

Катится «жизни телега»
Русским просёлком. Куда?
Цель бестолкового бега
Так неясна, господа:
Может быть, это канава
(Вывалит пьяный ямщик,
Круто свернувши «направо»).
Может быть, к станции права
Лихо подкатит старик.

---

[8] Прокофьева А. Г. Этапы развития литературы в Оренбургском крае // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 92.

Тройка, как птица, летит;
Пёстрые вёрсты мелькают:
Кола, Якутка, Амур...
Гиблые тундры встречают,
А седоки повторяют:
– Силы нечистые – чур!

В № 188 газеты «Уральская жизнь» был опубликован фельетон, обращающий внимание общественности на то, что детям не следует гулять в Харитоновском саду: «И эта жизнь кафешантана / В себя их втягивает рано, / Давая сильно знать себя, / Невинность юную губя». Так осуществлялась одна из основных задач поэтической фельетонистики – задача непосредственного участия в повседневной жизни конкретного «места» – города, района и т. д.

Помимо господствовавших в периодике тех лет произведений сатирических жанров в ней появлялась и интимная лирика. Один из авторов ее – Павел Яковлевич Блиновский (1870–1922). Весьма характерными для него являются следующие строки:

Бледные тени скользят и колышутся...
Листья опавшие всюду устлали
Пёстрою грудой аллеи песок...
В воздухе жалобы грустные слышатся,
Отзвуки грусти и томной печали.
(«Осенние элегии»)[9].

В предреволюционное время и после революции 1917 г. получает дальнейшее развитие агитационная поэзия. Здесь следует упомянуть творчество Фёдора Фёдоровича Сыромолотова (1877–1949). Поэт занимал активную гражданскую позицию, его стихи исполнены революционного пафоса и призывов к борьбе:

[9] Уральская жизнь. 1902. № 260.

В дыму и пламени восстаний
Куётся пролетарский меч…
Пора от выспренних мечтаний
От охов, вздохов, воздыханий –
Кругом звенит картечь…
Сомкнув ряды, рука с рукою,
На буржуазно-злую рать –
Готовься к бою!

(«Готовься к бою»)[10].

В стихотворениях поэтов звучат предзнаменования грядущей катастрофы:

Мы накануне грозных дней –
Мы накануне битвы –
Оставьте тихие молитвы!
Земля полна огней.

(«Мы накануне грозных дней…»)[11].

В 1917 г. публиковал свои элегические стихи «последний символист» (так он называл себя сам) Владимир Владимирович Буйницкий (1881–1937), стихотворные опыты которого – образец проникновения мотивов надсоновской «школы», совмещенных с тематикой раннего символизма, в массовую поэзию Екатеринбурга:

Вновь картины встают пред усталой душой,
Грусти новые дни вновь воскресли опять…
Мозг горит, как в огне; мысли мчатся как рой.
Сердце в скорби немой снова жаждет приять
Всю тоску прошлых лет… Очи снова в слезах…
Сердце плачет с пургой, что метёт за окном,
Об умерших, красивых мечтах.
(«Вновь картины встают пред усталой душой…»)[12].

---

[10] Уральский рабочий. 1917. 9 ноября.

[11] Аникина Е. Уральский рабочий. 1917. 18 октября.

[12] Вольный Урал. 1917. 8 декабря.

Для крупных культурных центров характерна та ситуация, что сложилась в пермской поэзии рубежа веков. Ее создавали авторы из разных сословий, выделялись направления крестьянской, женской и духовной лирики. В периодике появляется множество переводов, в том числе из классической зарубежной поэзии (прежде всего немецкой) и современников (Р. Демель). Отношение к символистам менялось: сначала пародии («Зеленой надежды зеленые складки прикрыли собою сомненья мозоль…»), потом, в 1910-е гг., – подражание («Синие сумерки. Свет фиолетовый…»). В Перми было принято издавать литературные сборники учащихся. Эта традиция сохранялась до начала 1920-х годов.

В начале XX в. книжная культура на Урале, по сути, только начинала своё развитие. Если в 1887 г. в Екатеринбурге насчитывалось всего 6 типографий, в 1910 г. – 10, то к 1915 г. их было уже 19 (сведения торгово-промышленного адрес-календаря изд-ва Ершовой. Екатеринбург, 1915). В их числе – типографии частных предпринимателей. Перед напечатанием книги приходилось отправлять в Москву для прохождения цензуры. Из книг уральских, и не только, писателей, вышедших в Екатеринбурге, можно назвать: Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотая лихорадка. Екатеринбург, 1900. Баранцевич К. С. В чём правда? Рассказы. Екатеринбург, 1901. Туркин А. Г. Уральские миниатюры. Екатеринбург, 1902. Птицы небесные: Сборник. Екатеринбург, 1903. Казанцев Н. В. Повести и рассказы. Б/г. Колотовкин И. В. За горами и другие рассказы. Екатеринбург, 1905. Галецкий Э. Ф. Урал. Екатеринбург, 1911.

Любопытна и по-своему показательна книга «Птицы небесные», которая была издана в 1903 г. в типографии газеты «Уральская жизнь». Наряду со стихотворениями знаменитых поэтов прошлого («Жаворонок» Жуковского, «Мальчик и птичка» Плещеева, «Освобождённыя птичка» Туманского) в этом сборнике напечатаны стихотворения Елизаветы Гадмер. Ей же принадлежит прозаическое вступ-

ление «Птицы – друзья наши»: «Птицу по справедливости можно назвать любимейшим, после человека, творением Бога. Только ей одной Он отдал в пользование всю землю. Другим животным отмежёваны сравнительно небольшие пространства, где они могут проводить свою жизнь; а перелётной птице принадлежит весь земной мир: весну она встречает в одном полушарии, зимует в другом». Сборник стихов адресован детям, отсюда его открытая дидактичность: Е. Гадмер призывает детей заботиться о птицах, не сажать их в клетку, кормить зимой:

Дохнула осень над полями, –
Убор их пышный помертвел;
Она дохнула над лесами, –
И лист увядший отлетел.

Печальны гнезда опустели,
Не слышно в роще пенья птиц:
Они далёко улетели
Рядами шумных верениц.

Законодатель мирозданья
Воздушный путь им начертил.
И в сердце слабого созданья
Инстинкт могучий утвердил:

С надеждой в счастье лучшей жизни
Края родные покидать
И за пределами отчизны
Весны грядущей ожидать.

(«Перелётные птицы»)

В начале века выходит книга А. Г. Туркина «Уральские миниатюры» (1902). Исследуя характер взаимодействия национального и социального начал, отразившийся на типологии героев в его произведениях, Л. Н. Житкова замечает, что А. Г. Туркин «во многих чертах своей личности, жизненной судьбы и творчества повторяет то, что харак-

терно для большинства уральских писателей. Демократ по убеждениям, хорошо знающий жизнь социальной низовой среды уральских деревень, заводских поселков, небольших городов, он сам принадлежал этой среде по рождению и жизни, многие годы служа конторским служащим на Уфалейских заводах, неоднократно выступая ходатаем по делам башкир и т. д. Туркин посвятил свое творчество описанию этой жизни как нескончаемой драмы – без каких-либо проблесков надежд, обнаружив исключительную способность к состраданию»[13].

В книге «Уральские миниатюры» писатель выступает как мастер небольшого рассказа, психологической зарисовки. Для него характерна традиционная реалистическая манера письма. В рассказе «Страничка из прошлого» мальчик крадёт дома хлеб и ходит в гости к бедной Насте, отдаёт её семье еду и читает им книгу про мучеников: «Я чувствовал, как дрожал и звенел мой детский голос. Что-то сладкое, что-то щемящее подступало к горлу... Мне казалось, что я маленький волшебник, который силою своих чар заставляет и дрожать, и плакать моих слушателей».

Но одновременно с переживанием этого краткого мгновения счастья, когда герой чувствует, что у него есть слушатели, люди, для которых он делает доброе дело, возвращаясь домой, мальчик остро ощущает своё одиночество: «И вдруг моё маленькое тело задрожало. Судороги сдавили мне горло, и слёзы, так долго и упорно сдерживаемые, полились рекой. <...> Я плакал о том, что я один, и что меня никто не любит. Я плакал о том, что я вор, что я гадкий, скверный мальчишка... И мне казалось, что в саду, заглушая шорох ночи, вдруг зазвенела скрипка и начала рассказывать и звеня, и плача о молодой погибшей жизни...».

---

[13] Житкова Л. Н. Типология персонажей в произведениях А. Г. Туркина: социальный и национальный аспекты // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 287.

Однако изображение внутреннего драматизма в жизни героев не часто встречается в рассказах Туркина. Зачастую это просто зарисовки, иллюстрации к каким-либо мыслям автора (например, лесник Алексей Иванович из рассказа «На берегу» рассказывает о своей встрече с оленем, а затем рассуждает о патриотизме и любви к Уралу).

Размышляя о творчестве писателя в целом, Л. Н. Житкова констатирует: «Выводя в тупиковую перспективу идею социальной борьбы, Туркин по существу дискредитирует саму концепцию социологическо-просветительско-народнической антропологии, поскольку оказывается, что человек, согласно ей намертво закрепленный за своим социальным статусом, фатально детерминированный им, не может быть способным к какой-либо эволюции или трансформации»[14].

В 1913 г. Ф. Ф. Филимонов, печатавшийся в уральской периодике под псевдонимом Гейне из Ирбита, издаёт в Санкт-Петербурге книгу стихов «За прошлые годы» уже под своим настоящим именем. В ней он собирает стихотворения, написанные в 1890–1900-е гг. Чаще всего они изображают уральскую или сибирскую природу («Весной», «На Енисее», «Природа»), жизнь простого русского человека, труженика, просветителя («Сельским учительницам», «На фабрике»). В выборе тем и стихотворной техники Филимонов следует некрасовской традиции, трансформированной поздненароднической и неоромантической поэзией конца XIX в.:

Взгляни в эту бездну, взгляни на минуту одну,
Там царствует смерть, тишина там немая царит.
Лишь камни порой, отрываясь, летят в глубину,
И глухо бездонная пропасть в ответ им звучит.
И сердце твоё та же пропасть.
Безумные страсти смирив,

[14] Там же. С. 291.

Оно не клокочет, не рвётся, как бурное море.
В нём царствует смерть
и на мой вдохновенный призыв
Я слышу лишь стоны глухие давно затаённого горя.

Книга рассказов И. Ф. Колотовкина «За горами и другие рассказы» (Екатеринбург: тип. Словцова, 1905) написана в русле реалистической традиции. Герои произведений Колотовкина путешествуют по Уралу. Встречают местных жителей, приглядываются к быту, но с жалостью смотрят на их мечты и устремления: найти белое золото, разбогатеть и т. п. Автор недвусмысленно намекает на то, что весь край находится в глуши и безвестности, а ростки нового и прогрессивного настолько робки и редки, что их трудно заметить. Но так же, как в некоторых рассказах И. Шмелёва («Пугливая тишина») и путевых очерках М. Пришвина («В краю непуганых птиц»), в рассказах Колотовкина можно увидеть надежду на то, что уральский край вскоре достигнет уровня просвещённой жизни. Так, например, один из героев, Мишутка – мальчик, едва выучившийся читать, плачет из-за того, что «чужак» (ссыльный) уезжает и больше ничему его не научит («Ночные тени»); Степан – «здоровенный детина», по происхождению наполовину вогул, мечтает выращивать пшеницу в суровом северном краю и, когда у него отнимают полосу земли под золотодобычу (во время золотой лихорадки люди готовы перекопать всю окружающую их землю в поисках золота), сжигает «огромный корпус промывки на новом прииске» со всеми машинами («За горами»).

Величавый и несколько затруднённый стиль при описании природы Урала: «Как полный жизни, огня и блеска волшебный праздник, промелькнуло очаровательное горное лето, миновала прекрасная и грустная, как улыбка больного дитяти, ранняя осень, и нет уже следов минувшей суровой и своеобразной красоты гордого, угрюмого Урала. Всё умирало, наполняя душу безотчётною тоскою о чём-то

дорогом и потерянном, о чём-то затаённом и несбывшемся» («На отлёте»), – сменяется живым разговорным языком героев: « – Мишутка! Чего ты, полуночник, до энтой поры пялишься-то? – вдруг окликнул проснувшийся дед, и, охая и зевая, заскрипел нарами, нащупывая в темноте кисет с табаком и трубкою. – Погода больно играет... – как просыпаясь, вздрогнув, отзывается внучек, торопливо кидая в печку хворост. – Ну, и пускай играет! Тебя, я чай, здесь не знобит ведь... Сну на тебя нету, неусон! – лениво ворчит старик, доставая горячий уголь мозолистыми пальцами. – Ишь ведь, лесной завывает, с нами крестная сила...» («Ночные тени»).

В 1908 г. в екатеринбургской типографии М. М. Доброхотовой был напечатан сборник стихов Павла Ивановича Заякина-Уральского (1877–1920) «Северная муза», вскоре конфискованный и уничтоженный полицией. Заякин был активным членом РСДРП(б), участвовал в издании «Омского телеграфа», газеты «Урал и Кама» (Пермь, 1909), сотрудничал в столичной газете «Правда». Выступал в печати не только как поэт, но и как прозаик, создавший в своем творчестве оригинальный «миф» о заводе. Как пишет Н. В. Барковская: «Завод <в прозе Заякина> выполняет мирообразующую функцию, подобно космогоническому центру. Поселок, рудник, лесозаготовки, пруд – все расположено вокруг завода и ради завода»[15].

Несмотря на достаточно средний уровень дарования большинства уральских авторов рубежа веков, важно отметить, что многие из них обращались к изображению именно «малой родины», Урала: шел активный поиск уральской – региональной, культурной, этнической – идентичности, недаром же П. Заякин берет себе псевдоним «Уральский», Григорий Ларионов – «Белорецкий» (по месту своего рож-

---

[15] Барковская Н. В. Образ завода в творчестве П. И. Заякина-Уральского // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 277.

дения – г. Белорецк на Южном Урале, ныне в Башкирии), Ф. Филимонов становится Гейне, но – «из Ирбита». Им чрезвычайно важно показать укорененность уральцев на своей земле, выразить глубинные, а потому неизбежно уходящие в мифологию представления заводчан о мироустройстве (где завод и все, что его окружает, – действительно центр вселенной), передать оригинальный характер мироощущения человека, осваивающего этот трудный для жизни край с его суровой и вроде бы невзрачной, но затрагивающей душу природой. «Можно согласиться с замечанием В. Курицына, – пишет Н. Барковская, цитируя стихотворение Заякина «Уралу», – что писатель противопоставляет Урал человеку»[16], и сама эта оппозиция идет издавна – с того времени, когда русские переселенцы заселяли уже не только Приуралье, но и восточный склон хребта, устремляясь дальше – в немеряные просторы Зауралья и Сибири. Тогда Урал грозил человеку – теперь, по мысли поэта, он сам оказался в роли разоряемого гнезда.

Как чуден ты, родной Урал,
В короне серых грозных скал!
И в недрах у тебя немало
Камней и звонкого металла.
И ты, блистая красотой,
Века таишь их под землей.
<…>
Мне жаль тебя, родной Урал:
Ты, щедрый. Много людям дал,
Но люди будут в недрах рыться,
И жадность их не утолится,
И ты едва ль насытишь их –
Всех разрушителей своих!
<…>

[16] Там же. С. 278.

Не менее значимой особенностью литературы, создававшейся в регионе на рубеже веков и в начале нового столетия, следует признать ее направленность на отражение многонационального характера населения родного края, т. е. на поиск и утверждение разнообразных этнонациональных корней и составляющих «Большого Урала». С позиции русского человека проблема существования на Урале и в примыкающих к нему областях и регионах представителей коренных народностей (тема, в конце XIX в. неоднократно звучавшая в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка) затрагивается в очерках и рассказах и Колотовкина, и Туркина, и Заякина-Уральского, и Г. Белорецкого, но наиболее ярко и репрезентативно, наиболее массовидно эта проблема и тема была поднята Порфирием Павловичем Инфантьевым (1860–1913) и Константином Дмитриевичем Носиловым (1858–1923). Первый выступал популяризатором и просветителем, рассказывая читателям о жизни самых разных – не только уральских и сибирских – народов России: он автор более 200 книг и брошюр, выходивших в центральных издательствах, но также и в Екатеринбурге. Будучи уроженцем Оренбургской губернии (с. Варнаково Челябинского уезда), последние годы жизни Инфантьев провел в Новгороде, где в 1901 г. опубликовал первый в России фантастический роман о путешествии на Марс «На другой планете», в 1912 г. редактировал известный петербургский журнал «Заветы». Воззрения его носили гуманистический, демократический характер, а в юности он был причастен к деятельности социалистической партии, группы Д. Благоева. «Всякий мыслящий гражданин, желающий знать и понимать истинные нужды и потребности своей родины, должен прежде всего хорошо ознакомиться с теми народностями, которые входят в состав ее населения. <…> Без этого знания нет гражданина, а лишь один бесправный обыватель», – писал Инфантьев в предисловии к своим «Этнографическим рассказам из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов» (СПб., 1909).

К. Д. Носилов – известный не только в регионе, но и в масштабе всей России путешественник, естествоиспытатель (член УОЛЕ и Русского географического общества), географ и геолог, особо много сделавший для освоения уральского и сибирского севера. Очерки Носилова публиковались в журналах «Русская мысль», «Вокруг света», «Детское чтение», «Современный мир», «Естествознание и география», «Горный журнал», в газетах «Новое время», «Московские ведомости», в ученых трудах различных научных обществ и сборниках. Он также автор множества книг для детей и взрослых, где описываются его путешествия в труднодоступные уголки страны (к вогулам, самоедам, бурятам и др.). Выступал защитником малых народностей и их культуры, а вместе с тем активным пропагандистом просвещения и научно-рациональной формы знания.

Активный социальный пафос большинства уральских писателей, их стремление к деятельному участию в общественной жизни страны и личная заинтересованность в судьбе «малых сих» (социальных и национальных «низов» общества) – это также неотъемлемая черта литературы региона. Подчас эти качества становились причиной трагических финалов личных судеб: в 1913 г., в день трехсотлетия дома Романовых, Г. Белорецкий самовольно ушел из жизни.

Вероятно, указанными обстоятельствами, сопрягаемыми с контекстом общего состояния журнального и книжного «рынка» в регионе на рубеже веков, хотя бы отчасти можно объяснить, почему в целом «первый рубеж» не дал литературе Урала того уникального эстетического эффекта, который ныне принято называть «серебряным веком» русской литературы. Тенденции просветительства и социальности, в эпоху «столичного» Серебряного века ставшие архаическими и даже смешными, в регионах были по-прежнему сильны. Однако этот период в нашей региональной проекции можно расценивать как своеоб-

разную «почву», основу, обеспечившую основные направления развития художественной мысли последующих десятилетий XX века.

Глава третья.

Литература и литературная жизнь на Урале 1917–1941 годов

Литература периода революции, гражданской войны, двадцатых и тридцатых годов ныне чаще всего рассматривается как эпоха становления новых форм литературной жизни, свойственных тоталитарному государству, и определения литературы в качестве литературы советской, с характерным для нее приоритетом идеологического догматизма и прагматичным пониманием назначения искусства слова. Между тем, реальное содержание литературной жизни и литературного процесса много сложнее названной тенденции, что позволяет, во всяком случае применительно к уральской литературе, выделить в ней три этапа: 1) 1917–1925 гг., 2) 1926–1932 гг., 3) 1933–1941 гг.

1. 1917–1925 гг. – этап становления советской литературы. Это время относительной свободы эстетических поисков писателей, время самоутверждения и борьбы литературных кружков, групп, объединений.

Примечательно, что первыми объединить свои усилия в рамках новых организационных структур попытались деятели так называемого «чистого искусства». По примеру знаменитой петроградской «Бродячей собаки» в 1917 г. екатеринбуржцы создали «Общество утонченного вкуса». Именно это общество часть исследователей с формальной точки зрения считает первым объединением литераторов на Урале после революции. Но все-таки первой заметной после 1917 г. организацией уральских литераторов стал екатеринбургский кружок «Синь-камень». Его создание инициировало Временное областное правительство Урала

под патронажем министра просвещения В. М. Анастасьева. Он полагал, что объединение художественной интеллигенции города позволит сформировать более масштабную поддержку новому режиму. Действительно, «Синь-камень» вобрал в свои ряды многих ярких представителей уральской интеллигенции.

Но кратковременная и малопродуктивная деятельность кружка «Синь-камень» не изменила сложившейся на Урале ситуации. В начале 20-х гг. литературное дело приходилось здесь начинать почти заново. Из числа писателей, сформировавшихся на Урале до революции, в регионе не осталось почти никого. Ряды уральской интеллигенции за первые послереволюционные годы существенно изменились. Немногочисленная и до революции творческая интеллигенция Урала в это время понесла большие потери. Многие представители старой интеллигенции погибли в годы гражданской войны, уехали в другие регионы страны или за границу. Отсутствие ярких лидеров нередко приводило к распаду коллективов, к творческой непродуктивности и бездеятельности.

С 1917 приблизительно по 1920 год в литературе еще сильны тенденции предшествующей эпохи и ее модернистской художественной системы. В литературе Урала наблюдаются запоздалые следы символизма и малоуспешные попытки распространения футуризма. Символизм присутствует в журналах «Лесное эхо», «Уральский печатник», «Крестьянское хозяйство», газетах «Зауральский край», «Уральская жизнь», «Наш Урал», шадринской «Народной газете» (Е. Радомирский, Е. Виноградова, А. Шубин, К. Аристов, В. Шумский, Е. Медведева, Ф. Юграк-Краснов и др.). Пожалуй, самым ярким и на сегодняшний день известным поэтом, продолжающим в своем творчестве традиции символизма, стал В. Буйницкий (сб. «Осеннее», «Я – распятый», «В предвечерний час»), разгромленный пролетарскими критиками во второй половине 1920-х гг.

Футуризм на Урале имел более сложную судьбу. В Ека-

теринбурге, Кургане, Тюмени футуристов откровенно не любили, зато тепло принимали в Перми и Челябинске. Уральский футуризм во много связан с деятельностью и творчеством В. Каменского. Выступления В. Каменского и Д. Виленского, вечера футуристов с приглашенными из Москвы гостями всегда становились яркими событиями в литературной жизни Урала. Кроме того, в разговоре об уральском футуризме нельзя обойти вниманием выпуск журнала «Сдвиг» (Челябинск, 1923), в котором были напечатаны произведения Н. Бутрова, Г. Вольного, В. Игната, Э. Лескова, А. Мориссона, Дм. Попова и др.

Наряду с эстетской литературой на Урале активно развивается литература на злобу дня. Политические, экономические события, быт становятся расхожей тематикой агиток, фельетонов, дневников, заметок и юморесок. Литература белого движения, равно как и красного, полна ненависти к врагу, о чем свидетельствуют произведения, опубликованные в журнале «Вестник Западно-Уральской ж.д.» или газете «Отечественные ведомости» (например – Диомида Иванова). Общими для того и другого политического лагеря стали агитстихи с призывами беспощадно бить врага (примечательна серия «красных» агиток, подписанных псевдонимом Пулемет, в «Уральском рабочем») и воспоминания о военных походах, красном/белом застенке, зверствах противника («В красноармейском плену. Рассказ прапорщика» С. Малмыгина, «В коммунистической тюрьме. Записки арестованного» Б. Ф.; из «красных» – воспоминания Голубых, П. Дорохова, А. Бибика, А. Баранова и т. д.). Наряду с агитстихом основным жанром литературы с 10-х по конец 20-х гг. становится фельетон, который главенствует во всех основных изданиях Урала. Авторы-фельетонисты – П. Блиновский, В. Чекин, Н. Иванов и др. – редко подписываются настоящими именами, в истории зачастую остались псевдонимы: Слово, Глаз, Грамен, Блик, Смехач, Григо, Никто не, Немо, Молот, Рашпиль, Старый Юс и др.

Между Февралем и Октябрем 1917 г. на Урале произошло резкое размежевание старых литераторов и новой творческой молодежи. С возобновлением издания органа областного комитета РСДРП (б) газеты «Уральский рабочий» здесь получили возможность печататься не только опытные, но и начинающие авторы. Развитие журналистики на Урале начинает обеспечивать консолидацию литературных сил края. Здесь надо упомянуть такие издания, как «Приуральский большевик» (1918) — орган Челябинского комитета РКП(б), в котором печатались произведения Г. Никифорова, М. Селивановой, Р. Протасова, Г. Морозова, а также еженедельник «Красный труд» (1920–1921) – орган Челябинского губернского Совета профсоюзов. Наряду с публикациями местных авторов появляются публикации А. М. Горького, А. Гастева и других. Литературная жизнь в крае набирала обороты.

Большинство возникавших в России в начале 20-х гг. творческих объединений или литературных изданий базировались на программе, в той или иной форме повторяющей платформу Пролеткульта. Многие из них считали его «культурно-творческой классовой организацией пролетариата». Зарождение пролеткультовских организаций на Урале было напрямую связано с установлением советской власти в регионе. Тогда при рабочих клубах и заводах возникли первые секции, студии, литературные коллегии, объединявшие пролетарских поэтов и прозаиков. Позже с движением стали активно сотрудничать местные отделы народного образования. Костяк пролеткультовских организаций в стране, как правило, составляла молодежь.

В Пермской губернии Пролеткульт возник в первый год советской власти, причем он не ограничился созданием студий. Здесь в 1918 г. был создан филиал Всероссийского Союза рабочих-писателей – один из первых в стране. Характерно, что у его истоков стоял профессиональный литератор Г. К. Козьминых. В основу деятельности союза закладывались такие задачи, как «выработка в массах

коллективистского мировоззрения, пропаганда коммунистических идей, выявление истинных талантов среди пролетариата»[17]. Показательно, что в отличие от Екатеринбурга и Челябинска, куда в 1920 г. для организации Пролеткульта прибыли уполномоченные из центра, в Перми инициатива исходила от местных творческих сил.

Пролеткульт значительно оживил жизнь многих уральских городов. В частности, благодаря этой организации в Челябинске в 20-е гг. был «положен первый зародыш пролетарского творчества в рабочие массы»[18]. Литературная жизнь Челябинской губернии приобрела новые организационные очертания, получив дополнительный импульс развития в 1920 г. после прибытия из Петрограда уполномоченного Пролеткульта И. В. Шувалова. Возникла Ассоциация поэтов и беллетристов. Уже в марте 1920 г. эта группа, сконцентрированная при газете «Советская правда», наметила издание литературного журнала «Кузница». Но, в силу разных причин, он так и не был выпущен.

До сих пор значение Пролеткульта для развития провинции многие исследователи также оценивают по-разному. Большинство авторов придерживается мнения, что Пролеткульт не сумел значительно повлиять на литературное движение за пределами столиц, ведь его главным принципом было самодеятельное творчество. Однако очевидно, что при всей противоречивости взглядов на культуру это движение все же подтолкнуло развитие местной литературы. Особенно активно этот процесс пошел в Челябинске, где до Пролеткульта практически не было творческих организаций, за исключением губРабиса[19]. Пролеткультовские студии стали заметным явлением в

---

[17] Известия Пермского губернского исполнительного комитета советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 15 октября.

[18] Попов Д. Первоступень (о литературно-художественной работе в Челябинске в начале советской власти) // Сдвиг. 1923. № 1. С. 24.

духовной жизни советского Урала. Здесь население могло восполнить образовательные пробелы, а начинающие авторы получили возможность опубликовать свои первые произведения в литературно-художественных альманахах, созданных на их базе.

По-своему очень показательной стала историческая судьба екатеринбургского отделения Всероссийского Союза поэтов. Его первое организационное собрание, созванное представителями из центра, состоялось 12 сентября 1920 г. в помещении губРабиса. В союз входили поэты разных направлений, которых объединили вместе романтизация революции и стремление к эстетическим экспериментам. Что же касается отношений с властью, то, в отличие от Пролеткульта, они желали отделить искусство не только от государства, но и вообще от идеологии. К членам союза причислялись поэты всех направлений, «объединяемые лабораторными исследованиями стихосложения». По мнению самих поэтов, создание этого коллектива диктовалось задачами «революционного строительства нового искусства». Предполагалось, что члены организации займутся «пропагандой и самым широким распространением творческих идей революционной поэзии среди трудящихся масс путем бесед, лекций, диспутов, художественных митингов, концертов»[20]. Планировалось также открыть образцовую студию стиховедения, библиотеку-читальню «на всех языках» и эстраду. Несложно предположить, что ключевую роль в этом объединении должны были играть интеллигенты. Вряд ли представители рабочих профессий в тот период владели иностранными языками. «Вся работа союза поэтов будет носить ярко-агитационный характер и будет отзывчива на все явления мирового пролетариата», – таким видели свое

[19] Рабис – Профессиональный союз работников искусств.

[20] Уральский рабочий. 1920. 12 сентября.

будущее активисты движения. Но, несмотря на дважды печатавшееся извещение о собрании, на него, вопреки ожиданиям организаторов, явилось всего несколько человек. Данный проект, по сути дела, провалился.

В стране рождалась новая экономическая политика, наступал голодный 1921 год, но коллектив единомышленников, все-таки создавших отделение «Союза поэтов», упорно пытался наладить работу. Она сводилась к устройству дискуссий и поэтических вечеров, которые, как правило, проходили в здании Уральского государственного университета. Даже тот факт, что местом встречи было выбрано здание университета, а не рабочий клуб, свидетельствует в пользу явно непролетарского характера деятельности союза. Не случайно в местной периодической печати появилось несколько критических материалов, посвященных работе этой организации. Творчество местных футуристов, входивших в состав отделения, здесь оценили как «футуро-дребедень».

Количественно в этом объединении преобладало именно футуристическое крыло, что, вероятно, объяснялось особой близостью футуристов в начале 20-х гг. к органам центральной власти. Местная администрация также старалась поддерживать с ними конструктивные отношения. Не случайно екатеринбургский «Союз поэтов» возглавил заведующий художественным отделом Губполитпросвета Г. Я. Амурский. Несмотря на это, в 1922 г. объединение неожиданно быстро ушло из литературной жизни города. Объявленная программа не была претворена в жизнь, дальнейшего развития организация не получила. По мнению одного из современников, причинами этого послужили безразличие многих поэтов к союзу и отъезд председателя объединения в центр.

Начало 1920-х – годы сплочения художников в группы и различного рода местные ассоциации. Среди самых заметных нужно назвать екатеринбургскую ассоциацию «Улита» (М. Черныш, Г. Амурский, В. Буйницкий, В. Леонтьев,

О. Мамин), пролетарскую «Мартен» (В. Владимирский, М. Ершова, А. Хмара, А. Поликашин), враждующую с «Улитой», а также литгруппу при Уральском университете «Словострой» (рук. Н. Клементьев), впоследствии ставшую комсомольской группировкой «На Смену!» (А. Исетский, Е. Медякова, С. Васильев, Ст. Птицын, В. Макаров, Е. Петров и др.). В Перми работала Мастерская слова «Мы» (Ф. Михайлов, Е. Вечтомова).

Из всех городов Урала Екатеринбург более других отличался стремлением творческой общественности к единству художественных сил города. Летом 1921 г. здесь возникло «Общество изыскания искусств». На первое публичное заседание общества, проходившее в кафе потребкоммуны № 5, приглашались все интересующиеся искусством. Обращает на себя внимание тот факт, что для своего первого мероприятия группа избрала не Дом Октябрьской революции и даже не здание Губполитпросвета, а ничего не значащее кафе на Вознесенском проспекте возле кинематографа «Лоранж». Возможно, это свидетельствовало о стремлении «Общества изыскания искусств» оградить себя от какой-либо опеки со стороны партийных и советских органов. Найти ответ на этот вопрос достаточно сложно. Никаких документов общество не сохранило, да и просуществовало оно, судя по всему, очень недолго, поэтому говорить о его политическом облике очень сложно.

По отрывочным воспоминаниям старожилов города можно составить лишь самое общее представление о тех, кого это общество пыталось сплотить. Прежде всего, это были остатки объединений «Синь-Камень» и «Лукавый Глаз», несколько футуристов во главе с Маргулисом и немалая часть будущих членов «Улиты»[21]. Декларация об «изыскании новых революционных путей в искусстве,

[21] Коровин А. Улита – дополнения и уточнения // Урал. 1983. № 7. С. 148.

которые соответствовали бы великой эре социальной революции, наступающей во всем мире»[22], осталась лишь на бумаге. Причины недолговременного существования общества были заложены в идейной и художественной пестроте взглядов его участников, аморфности внутренней структуры, в отсутствии приемлемой для большинства творческой платформы. Возможно, наступало время, когда консолидация литературных сил в обход местных органов власти становилась уже невозможной. Для объединения писателей-одиночек в общегородском масштабе требовалось направляющее усилие, причем исходившее «сверху».

Одной из точек объединения уральских писателей и поэтов стали городские библиотеки. В начале 20-х гг. они превратились в настоящие, воспользуемся штампом того времени, «очаги новой культуры». Созданные при них кружки существенно отличались от столичных творческих объединений, собиравшихся в кабачках или кафе, с присущим им налетом богемности и элитарности. Например, в Перми при второй районной библиотеке базировался кружок саморазвития. Здесь собиралась молодежь, прежде всего, начинающие поэты, которых объединяли «прогулки по темным улицам Перми, инсценировки… вечера у рояля»[23]. Постижение азов поэтической профессии не было для их участников главным делом. Авторы обсуждали книжные новинки, спорили, пытались осмыслить свое место в окружающем мире. Характерные для молодого поколения настроения лиризма и романтики отразились во многих стихах кружковцев, посвященных темам любви и дружбы, трудностям человеческих взаимоотношений. Литературные издания кружка саморазвития

---

[22] Уральский рабочий. 1921. 13 августа.

[23] Цит. по: Будрина А. Г. Вспоминая Бориса Назаровского // Гражданин Перми: Сборник памяти Б. Н. Назаровского, журналиста и краеведа. Пермь, 1993. С. 53.

позволяют проследить особенности творческого потенциала его членов.

Так, первый рукописный сборник кружка «Второрайонное» был составлен в 1921 г. усилиями Н. Верховенского, П. Варасова и С. Гинца. Несмотря на недостатки большинства стихотворений (непрофессионализм, расплывчатость рифм и образов), были заметны и достоинства: искренность и простота подачи материала. Эта первая проба пера вдохновила многих авторов на другие литературные эксперименты. Часть из них составила в будущем костяк литераторов-профессионалов Перми, в частности, это С. М. Гинц, журналист, участник и организатор всех существовавших в 20-е гг. пермских литературных объединений.

В условиях нэпа в стране возникало множество небольших, но ярких литературных групп, обратившихся к общественности с новыми манифестами. Активизация творческой жизни в это время во многом объяснялась существованием нэпа. 1923 год прошел на Урале под знаком новых ярких литературных явлений, таких как пермская Мастерская слова «Мы», челябинская литературная ассоциация «Челита», екатеринбургская ассоциация пролетарских писателей «Мартен». Во многом эти объединения ориентировались на идеи московской группы «Октябрь», вскоре возглавившей ВАПП и литературное движение в целом. Правда, указанные коллективы еще не походили на будущие филиалы ассоциации. Неясность политических приоритетов, отсутствие жесткой организационной структуры, футуристические элементы и модерн в творчестве позволяют выделить эти объединения в отдельную группу, переходную от спонтанных объединений первых лет после 1917 г. к создаваемым под партийным влиянием филиалам ВАПП второй половины 20-х гг.

Большой интерес для исследователей представляет пермская Мастерская слова «Мы». С появлением в пермской газете «Звезда» Ф. Михайлова начался отсчет деятельности этой литературной группы. Согласно уставу Мастерская

принимала платформу, изложенную в декларации группы пролетарских писателей «Октябрь». Между тем, по признанию С. Гинца, организация не имела четкой программы, что, возможно, позволило на время консолидировать самые различные литературные силы. Расплывчатость установок, вероятно, объяснялась отсутствием опыта литературного строительства, а также принципами, взятыми на вооружение у московских коллег. Вслед за «Октябрем» участники Мастерской, отвергая формальное разделение на поэтические группировки (футуризм, имажинизм, символизм), принимали «ритм, образ, звук» как единое целое, неразрывно связанное с содержанием.

Пермяки критиковали декадентское искусство за превращение художественной формы в самоцель, общественную значимость провозглашали главным критерием пролетарского произведения. Вслед за «Октябрем» они ратовали за строительство классовой культуры и пролетарской литературы, отводя себе роль организатора «психики и сознания пролетариата в сторону создания коммунистического общества»[24]. В основе этой литературы лежало революционно-марксистское мировоззрение, сквозь призму которого изменялась действительность. Но, в отличие от москвичей, члены Мастерской слова «Мы» однозначно заявили о разрыве с буржуазной поэзией.

Популярной формой литературной работы в это время становятся теоретические доклады, посвященные обзору ситуации в современном искусстве. Так, доклад П. Варасова «Что мы требуем от беллетриста?» вызвал у пермяков настоящую полемику. Спор разгорелся вокруг выводов о том, что автору нельзя давать заказов. Оппоненты пытались доказать, что от заказов литераторы никогда не были свободны, хотя зачастую не были способны ответить на запросы момента и выполнить заказ. По мнению большинства, «хороший же мастер слова, активно принимающий

[24] Звезда. 1923. 17 мая.

эпоху, может и должен исполнять заказы»[25]. Этот эпизод ярко показывал, что в середине 20-х гг. еще далеко не все уральские мастера художественного слова простились с идеалами свободного творчества. Но следует признать, что большинство деятелей искусства и культуры в этот период уже работали «на заказ».

Своего печатного органа у Мастерской не было, зато периодически выходила в газете «Звезда» страничка «Литературный день». В 1923 г. они издали свой сборник стихов «Улица». Местная печать встретила его доброжелательно. Стихи демонстрировали динамику времени, были романтичны и пропитаны идеями отрицания традиций. В то же время в них было много наивного юношеского душевного порыва. Однако сборник пермяков «канул в лету». Губполитпросвет сдал в типографию заказ на печать 1 тыс. экз. брошюры, но он пропал. «Если Михайлов взял 25 экземпляров, Альтбенский – 50, то куда подевались остальные 925?»[26]. Эту математическую задачу пермяки решить не смогли. Возможно, таинственное исчезновение сборника и реорганизация объединения в апреле 1924 г. были неслучайны.

6 апреля 1924 г. Мастерскую слова преобразовали в литературное гнездо «Звезды», точнее, произошло их слияние. Это отразилось и в названии новорожденной организации – «"Мы" (литературное гнездо "Звезды")»[27]. Похоже, что поэты не были довольны работой своего руководства. 14 января 1924 г. переизбранному президиуму (уже без Ф. Михайлова) они пожелали заняться научной работой в области слова и наладить связь с рабочими районами. Новый президиум также не справился с поставленной задачей, что повлекло за собой назначение в ноябре 1924 г. нового редактора газеты «Звезда». Им стал М. Туркин,

[25] Звезда. 1923. 20 июня.

[26] Звезда. 1924. 22 апреля.

[27] Звезда. 1924. 12 апреля.

большевик со стажем, в прошлом – секретарь губкома, а затем заведующий отделом агитации и пропаганды. Ставка партийных органов, осуществивших эту замену, была верной. Во время его работы газета отличалась «большевистской конкретностью и целеустремленностью», укрепились ее связи с рабочими, был проведен первый пермский съезд рабселькоров.

С формальной точки зрения причиной реорганизации объявлялась необходимость создания литературного коллектива, где бы начинающие писатели смогли «выявить свои силы», а более опытные товарищи оказать им помощь посредством «здоровой критики». В редакцию шел бесконечный поток «первых проб пера», люди приходили с целью не столько опубликовать свои произведения, сколько получить литературную консультацию. Потому это направление провозгласили приоритетным. Решение другой задачи – укрепление связи с производством – виделось в создании сети кружков при рабочих клубах. Был избран временный президиум организации, где ведущую роль стали играть работники совпартшколы. То обстоятельство, что творческую группу возглавили представители партийных учреждений, свидетельствует о политизации литературного процесса, постепенном его подчинении партийному руководству. Таким образом, основной причиной ликвидации Мастерской слова «Мы» было стремление партии поставить под свой контроль деятельность группы. С другой стороны, причиной прекращения работы мастерской мог стать внутренний раскол. Не случайно уже вскоре бывшие ее члены во главе с П. Варасовым создали другое объединение «Молодая гвардия».

Так закончилась история коллектива «Мы», оказавшегося своего рода alma mater для целого ряда известных литераторов Перми. В этот период их творческие взгляды еще отличались неким единством, но вскоре многие из них стали соперниками. В советской исторической литературе творчество Мастерской слова «Мы» не получило лестных

отзывов, а в ряде случаев ее судьба просто замалчивалась[28]. Но современные исследователи оценивают творчество группы как яркое явление 20-х гг., называют ее уникальным самобытным коллективом, с которого начался отсчет литературной жизни Пермского края.

Как уже отмечалось, 1923 год был урожайным на создание литературных группировок, критиковавших «гримасы нэпа». Помимо Мастерской слова «Мы», на Урале эту позицию разделяла екатеринбургская ассоциация пролетарских писателей «Мартен». Коллектив вырос из одноименного кружка, созданного 1 октября 1923 г. на собрании литераторов города. В состав правления вошли писатель А. Хмара, редактор «Крестьянской газеты» А. Поликашин, прозаик Владимирский, поэтессы Ершова и Никишина. В отличие от прежних коллективов города, «Мартен» базировался при редакции «Крестьянской газеты». Тем самым группа выражала стремление обособиться от прежнего литературного движения. Действительно, творческий «Мартен» во многом возник как реакция на деятельность «Улиты» и нацеливался на борьбу с ее идеалами.

Базовыми идеями в творческой платформе «Мартена» стали идеи классического марксизма. Это выразилось в признании того факта, что история человечества есть история борьбы классов, что в ней наряду с экономической и политической формами борьбы существует и идеологическая борьба, которая реализуется путем «создания новой культуры через захват, пересмотр и переоценку ценностей старой». Вслед за «Октябрем» «мартеновцы» отрицали «буржуазную» культуру как упадочную, но провозглашали частичную свободу творчества, «свободу художественных направлений». В противовес буржуазной культуре члены ассоциации выдвигали лозунги коллективизма и содержа-

[28] Ожегова М. За 30 лет: (Литературный обзор. Пермь-Молотов) // Прикамье: Альманах Молотовского отделения Союза писателей. 1947. № 10. С. 262.

тельности творчества. В качестве практических принципов работы «Мартен» провозглашал «создание мощного художественно-идеологического фронта против мелкобуржуазных литературных попутчиков революции, сплачивание пролетарских писателей Урала на платформе коммунистической партии и создание сознательных … творцов пролетарского искусства»[29].

Провозглашение относительной свободы творчества, однако, не стало основой для объединения литературных сил города. Первое время деятельность группы тормозилась оппозицией, состоявшей из представителей «чистого искусства», но вскоре они вышли из нее. Но наладить диалог с другими организациями, литературными течениями и направлениями так и не удалось.

В культурной истории региона «Мартен» не оставил почти никакого заметного следа, за исключением пары статей в местной печати 20-х гг. и критических записей П. П. Бажова. Лидера ассоциации А. Хмару он называл «случайным человеком в художественной литературе, быстро перешедшим, кажется, на финансовую работу». О многих членах группы П. П. Бажов отзывался тоже иронично: «Около Хмары группировались какие-то поэтессы и очень "решительные" молодые люди неопределенных профессий… С треском читали они …свои произведения, у которых было чаще всего одно достоинство – они были короткими»[30].

«Мартен» так и не стал новым мощным литературным центром Урала. Для него не нашлось талантливых руководителей, у организации не было поддержки ни «снизу», ни «сверху». Именно отсутствие связи с пишущим рабочим активом послужило, с точки зрения современников, одной из главных причин распада группы.

---

[29] Уральский рабочий. 1923. 8 октября.

[30] Бажов П. П. В начале пути… // Слово о товарищах. Свердловск, 1980. С. 20.

Таким образом, одним из факторов рождения новых творческих объединений в середине 20-х гг. стало неприятие, как тогда казалось, негативных ценностей буржуазного мира, особенно проявившихся в советском обществе в годы нэпа. Ухудшение экономического положения отдельных групп творческой интеллигенции в этот период вызвало появление целого ряда секций при союзах работников просвещения и печати. Забота о повышении материального благосостояния работников печати стала предметом обсуждения на XII Всероссийской конференции РКП(б) в августе 1922 г. Решить проблему предполагалось за счет создания их производственных объединений. В своем обращении, разосланном в регионы, заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии А. Бубнов призывал губкомы оказывать всяческое содействие секциям работников печати. Взамен партийные органы требовали усилить борьбу с чуждой пролетариату идеологией.

В Челябинске в январе 1923 г. при секции работников печати возникла литературная ассоциация, заявившая о начале работы «путем устройства общедоступных вечеров» и изданием собственного журнала. Воплощая в жизнь партийный курс, группа объявила борьбу с разного рода «мелкобуржуазными идейками». Под ними подразумевались представления, «свойственные мечтателям эпохи довоенной реакции», например, «возвышенные» мечты о вечной красоте, об общечеловеческих мотивах в искусстве и т. д. Как реакция на эти «идейки» зародилось революционное искусство нового времени – «искусство СДВИГА»[31].

Коллектив секции работников печати в 1923 г. подготовил журнал «Сдвиг», нацеленный на борьбу «с косностью, традицией и консерватизмом»[32]. Его творческое ядро составили поэты Н. Бутров, Г. Вольный, Д. Попов; прозаики и

---

[31] Советская правда. 1923. 28 января.

[32] Сдвиг. 1923. № 1. С. 3.

критики П. Ганский, В. Ветров и др. Оформление издания поручили художнику А. Н. Самохвалову.

По аналогии со столь емким названием журнала «Сдвиг» большинство исследователей так же именуют и литературную ассоциацию, которая была создана в 1923 г. и была связана с этим изданием. Однако в действительности ее собственное имя звучало как «Челита» (Челябинская литературная ассоциация). Информация об этом коллективе очень скудная. О нем один раз упоминалось в газетной статье, где он назывался организацией, работающей по всем направлениям культурной жизни[33]. Под этим подразумевалась деятельность литературного кружка и «работа с массами».

В заметке от 19 февраля 1924 г. в газете «Советская правда» жестко критиковались стихи членов ассоциации Н. Бутрова, В. Ветрова и Д. Попова. Эта статья стала последним упоминанием в периодике о «Челите». Возможно, именно после этого она прекратила свое существование. Благодаря отчету о работе агитационно-пропагандистского отдела челябинского губкома РКП(б) можно предположить, что поводом для распада ассоциации послужил запрет на издание журнала «Сдвиг» со стороны властных структур. Партийные функционеры обвинили авторский коллектив в «обывательском верхоглядстве» и даже антисемитизме. В архивных документах изложена их позиция: руководители губкома были шокированы тем, что ряд авторов журнала – выпускники Института красной журналистики в Москве – выступили в печати с «анархо-футуристическими статьями». В итоге «коммунистам было предложено прекратить сотрудничество в журнале, и он прекратил свой выход»[34]. Конфликт был исчерпан. Между тем эти события показали, насколько возросла мощь партии и усилился ее контроль за жизнью общества. Писатели-коммунисты под-

[33] Советская правда. 1923. 18 марта.

[34] ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 721. Л. 63.

чинились решениям РКП(б), признав за ней роль высшего арбитра. Беспартийные также должны были прислушаться к «голосу партии».

Становление литературы советской эпохи на Урале связано с деятельностью таких поэтов, как В. Макаров, С. Васильев, А. Мальшаков, В. Молчанов, В. Тарбеев (Екатеринбург), Н. Бутров (Челябинск), В. Реут (Курган), Ф. Михайлов (Пермь), писателей – В. Ветров, Н. Шушканов, Д. Бор-Раменский, Я. Кряж (Камышлов) и др.

Уральскую действительность 1920-х годов отразила Л. Н. Сейфуллина в повестях «Правонарушители», «Перегной», «Виринея», в рассказах «Инструктор "красного молодежа"», «Юный коммунист» и др. Еще до революции начал свои первые литературные опыты Ю. Н. Либединский, автор знаменитой «Недели» – повести, также написанной на уральском материале.

В самом начале 1920-х годов развернул свою литературно-общественную деятельность в Челябинске В. П. Правдухин – автор пьес «Новый учитель», «Степанов клад», «Егоркина жизнь» (в соавт. с Л. Н. Сейфуллиной), повести «Школа на маятнике», многочисленных литературно-критических статей.

А. П. Бондина П. Бажов называл «писателем нового типа». Уральская действительность 20-х годов представлена в его в пьесах «Враги», «Недоразумение», «Сон красного воина», «Энтузиасты». Для его творчества характерен агитационный пафос, за будничным и трудовым Бондин стремился разглядеть героическое содержание. Так проявляли себя новые формы художественного исследования рабочей темы (повести «Уходящее», «Связчики», рассказы об уральских рабочих: «Табельщица», «Стрелочник», «Графин»).

Безусловно значение революционных событий и общественных трансформаций для становления П. П. Бажова. «Журналист первого призыва» постепенно становится ведущей фигурой литературного процесса на Урале – за-

мечательным прозаиком, организатором и руководителем литературной жизни на Урале.

Конец 1910-х – начало 1920-х гг. было достаточно сложным временем для деятельности издательств. Издательства и издания существовали относительно недолго и часто меняли свои названия. Свой вклад в литературу и литературную жизнь Екатеринбурга и Урала в целом внесли агентство «Центрпечать», Уралгосиздат, «Уралкнига», типография «Гранит». В организации литературных сил Урала особенно велика роль акционерного общества «Уралкнига» (1923): оно было связано с центральными издательствами в Москве и Петрограде и открыло возможности для сотрудничества с В. Маяковским, Н. Асеевым, Д. Бедным, Л. Рейснер, Л. Сейфуллиной, А. Неверовым, Ю. Либединским и др. Здесь же издавались Г. Никифоров, А. Бондин, П. Бажов и другие уральские писатели. В эти годы выходили журналы, имеющие качественные литературные отделы, – такие как «Лесное эхо», «Уральское хозяйство», «Уральский кооператор», «Юный пролетарий Урала», «Студент-рабочий», «Товарищ Терентий» (журнал, чей вклад в литературное дело трудно переоценить, с ним сотрудничали В. Маяковский, Д. Бедный, поэты Пролеткульта и «Кузницы», А. Серафимович, А. Неверов, А. Бибик), «Рабочий журнал», «Колос», «Уральская новь», «Сдвиг», «Маховик» и др. Художественные произведения активно публикуют газеты «Уральский рабочий» (Екатеринбург), «Звезда» (Пермь), «Советская правда» (Челябинск), «Трудовой набат» (Тюмень), «Пролетарская мысль» (Златоуст) и т. д. Вышли альманахи «Огниво» (1921), «Улита» (1922), «Наковальня» (1922).

2. 1926–1932 гг. стали качественно новым этапом в развитии советского государства. В 1925 г. XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию народного хозяйства. Уральскому региону в грядущей индустриализации отводилась очень важная роль. Руководство страны придавало большое значение созданию единой хозяйственной области,

которая должна была объединить горнометаллургическую промышленность Урала и Кузнецкий каменноугольный бассейн. Урало-Кузбасс должен был стать экономическим фундаментом нового государства. Предполагалось, что Уральский край сыграет особую роль и в развитии новой советской культуры.

В конце 20-х гг. появились литературные коллективы нового типа, сориентированные на ценности рабочего класса и пролетарскую эстетику. Неприятие буржуазного мира, потеря самобытности и регионального колорита, формирование четкой организационной структуры делало большинство этих объединений безликими и похожими друг на друга. Место небольших локальных литературных групп и кружков заняли коллективы, стремившиеся к распространению своего влияния не только на значительную территорию, но и на максимально широкие слои населения. Ведущей формой существования такого образования стала ассоциация – объединение организаций для осуществления совместной деятельности, имеющее четкую организационную структуру, формализованную систему лидерства и общий интерес среди ее членов.

Начиная с середины 20-х гг., многие уральские литературные группы стали копировать работу таких центральных организаций, как «Левый фронт искусств» (Леф), «Перевал», Всероссийское объединение крестьянских писателей (ВОКП), Литературная организация Красной армии и флота (ЛОКАФ), Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП). Последняя организация в борьбе за провинциальных авторов одержала верх. Уже в 1926–1928 гг. в каждом крупном городе Урала возникали местные АПП. Эти процессы определялись, с одной стороны, активностью вапповцев по распространению своей идеологии, некоторой агрессивностью в боях на «литературном фронте» и, безусловно, поддержкой партии. С другой стороны, неясность идеологических и эстетических позиций уральских литераторов, отсутствие в крае профессиональных писателей, низ-

кий общеобразовательный уровень большинства участников групп не позволял им создавать собственную творческую платформу, разбираться в существующих художественных методах и направлениях.

В это время неоднозначность идеологических и эстетических позиций, колебания между лирикой и политикой, творческий поиск, самоанализ были характерны не только для отдельных авторов, но и для целых литературных коллективов на Урале. Часть из них была создана при активном участии представителей ВАПП. Так, в Свердловске при одноименной газете стихийно родилась группа «На смену». По воспоминаниям кружковцев, литературной учебы здесь в прямом смысле слова не было. Собирались для обсуждения книжных новинок и собственных сочинений. Но после приезда из центра уполномоченных ВАПП коллектив стал приобретать все более отчетливые пролетарские контуры. Очевидец вспоминал: «В половине 1925 г. в Свердловск приехали тт. Л. Авербах и В. Ермилов. Авербах прочитал два доклада… И вот мы уже частые гости Авербаха и Ермилова, и вот уже оживленные разговоры о литературных делах, об организации кружков…»[35].

В дискуссии о создании Пермской АПП решающую роль сыграла также напористость руководителя. Так, в 1927 г., после доклада члена правления УралАПП В. Филова на литературном вечере возникло отделение ассоциации. Большинство литераторов проголосовали за ее создание, и только двое выступили против. По их мнению, всякое дробление на ассоциации «убивает искусство», а замкнутость в такие «цеха» убивает индивидуальное творчество. Большинство участников проигнорировало их позицию, избрав бюро ВАПП, состоявшее из представителей литкружков города.

Все же эти коллективы еще не представляли собой «неистовых ревнителей» идеологии ВАПП. Внутренние колебания усугублялись внешними условностями. На

[35] Уральский рабочий. 1928. 20 ноября.

протяжении многих лет, до «призыва ударников в литературу», проблема «орабочивания» состава литературных организаций стояла на Урале очень остро. В основном, объединения состояли из учащихся и служащих, как правило, не отличавшихся единством идеологических и эстетических платформ. Так, «насменовцы» вслед за московским «Октябрем» провозгласили своей целью борьбу за развитие пролетарского движения, за партийность в литературе, за создание произведений для рабочего класса. Несмотря на принятие такой платформы, программа действий еще не была выработана: «…было страстное желание участвовать в создании новой, пролетарской культуры, но как ее создавать, было еще не очень ясно»[36].

Ядро группы «На смену» составили около 10 человек. Среди них выделялись поэты В. А. Макаров, А. И. Исетский, С. Васильев, Г. А. Троицкий, Е. Медякова; прозаики П. Скородумов, Е. Петров. В 1926 г. присоединились И. С. Панов и К. В. Боголюбов. На личность И. С. Панова – первого руководителя УралАПП – необходимо обратить особое внимание. Из всего писательского круга тех лет, пожалуй, только о нем его современники оставили подробные воспоминания. Крестьянин по происхождению, он был захвачен вихрем гражданской войны. Затем стал слушателем комвуза Екатеринбурга и общественным работником. И. С. Панов был редактором университетской газеты «Ленинская закалка», при которой базировался кружок «Словострой». Весной 1926 г., когда выпускники вуза разъехались по стране, кружок прекратил свое существование. Часть бывших «словостроевцев» отошла от литературной деятельности, часть влилась в группу «На смену». По назначению партии И. С. Панов отбыл в Тобольск: по одним сведениям – в редакцию газеты «Северянин», по другим – секретарем окружкома партии по пропаганде. В

[36] Боголюбов К. В. Годы и встречи: Воспоминания. Свердловск, 1975. С. 95.

1928 г. его избрали делегатом съезда пролетарских писателей, после чего назначили руководителем УралАПП.

Если в Свердловске в середине 20-х гг. объединяющим центром для местных писателей и поэтов выступал коллектив «На смену», то в Перми на эту роль претендовало сразу несколько групп: литературное гнездо «Звезды», кружок при ПГУ, коллектив «Живой театрализованной газеты» (ЖГТ). «Звездинцам» не удалось оперативно включиться в работу: официально возникнув в 1924 г., коллектив долго существовал лишь на бумаге. Первый литературный вечер был проведен только в январе 1927 г. Вероятно, такая задержка определялась отсутствием лидеров, покинувших регион после преобразования Мастерской слова «Мы».

На базе Пермского университета с 1922 г. действовал литературный кружок «Слово». Спустя 3 года возник новый коллектив. Он принимал всех желающих, но наибольшую активность проявили студенты старших курсов педагогического факультета. Руководство университета одобрительно относилось к юным талантам: в 1926 г. участие в кружке приравняли к общественной работе, что позволило ребятам уделять больше времени литературным занятиям. Программа обучения включала традиционный набор дисциплин: доклады по истории литературы, разбор творчества современных поэтов, вечера рецензий и критика своих произведений. Участие в работе кружка принимал профессор Гиппиус. Таким образом, создание литературной группы на базе университета решало актуальную проблему нехватки кадров профессиональных преподавателей. Однако «сил для освещения вопросов современной литературы в преломлении политического момента дня» все же не доставало. В 1927 г. достижения коллектива были вынесены на суд читателей: вышел в свет литературно-художественный альманах. При наличии свойственных начинающим авторам «шероховатостей», издание все же признали удачным. Современники отмечали, что не каждый кружок, а тем более вузовский, был способен к такому шагу.

Роль другого культурного центра много лет играла и центральная библиотека Перми, где проходили творческие встречи. В 1926 г. здесь действовали кружки личного творчества, изучения современной литературы и стенкоров. Е. Вечтомова вспоминала, что молодежь объединялась вокруг заведующего библиотекой С. В. Матаниева, организатора «вечеров рецензий», встреч с рабочими. Основную часть коллектива составляли школьники старшей группы 2 ступени и студенты педагогического факультета ПГУ. Из «вечеров рецензий» выросла литературная группа, внутри которой постоянно велись «бои между представителями лефовского толка, пролетарскими писателями и даже еще существовавшем тогда "Перевалом"»[37]. Несмотря на то, что участие в пермских коллективах порой принимали одни и те же авторы, стремившиеся к общим целям, действительного объединения литературных сил не произошло. Вопрос решился лишь в 1927 г.

Несмотря на то, что на Урале существовали разнообразные творческие коллективы, вторая половина 20-х гг. прошла под знаком доминирования пролетарской идеологии. Типичным примером такой идеологически «правильно» ориентированной литературной группы являлся златоустовский «Мартен». В отличие от многих других коллективов Урала, в него изначально вошли рабочие. Так, на февраль 1927 г. из 40 членов только 5-7 не были задействованы на производстве. За исключением работы в журнале «Маховик» (1923–1926) многие из них не имели ни литературных навыков, ни организационного опыта. «Мартен» стал первой подобной организацией в городе, потому здесь фактически отсутствовало противоборство с непролетарскими группировками.

В числе одной из причин создания литературного «Мартена» называлось рождение первой региональной ударной бригады в кузнечном цехе Златоустовского завода им.

[37] ГАПО. Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 75. Л. 6.

Ленина. Комсомольцы «Красной кузницы», объявив «вооруженное восстание против рабских темпов», выступили пионерами социалистического соревнования на Урале. На волне возникшего тогда психологического подъема и родился новый литературный «Мартен» (февраль 1927 г.). Возглавил творческую группу Н. А. Куштум. «Как печь, из писательского сырья будем плавить хорошую писательскую смену»[38], – эти слова стали девизом группы.

Создание специальной литературной группы при редакции газеты «Пролетарская мысль» во многом было вызвано потребностью начинающих авторов в получении профессиональной помощи. Для этого же создавались литературная консультация и «литературная страничка» в самой газете. Организаторская деятельность также стала важной частью работы «Мартена». До этого «движение писательских сил округа было распыленным и едва заметным. Немногие знали, что в Златоусте и по районам есть писатели»[39]. Теперь «мартеновцы» осуществляли шефство над миасской, кусинской и усть-катавской группами, оказывали помощь в создании литкружков на заводах, налаживали связи с рабкорами. Рецензирование произведений, присланных в редакцию газеты, стало ведущим в деятельности организации. Как правило, критика произведений была достаточно обоснованной. Одному автору справедливо заметили, что писать прозу длинными предложениями по 75-80 слов нельзя. Другого корили за использование в одном произведении сразу нескольких стихотворных размеров: дактиль, ямб, хорей. В целом, произведений, годных к печати, было очень мало. Многие авторы страдали элементарной безграмотностью. Для остроты пера и формирования писательских навыков им советовали читать произведения классиков русской и современной литературы. К сотрудничеству с группой привлекались даже специалисты-словесники и

[38] Пролетарская мысль. 1927. 18 февраля.

[39] Пролетарская мысль. 1927. 11 сентября.

преподаватели школ.

Приобретение «Мартеном» статуса Златоустовской АПП, как и возникновение филиалов ВАПП по стране, было неизбежным. Поддержка партии способствовала росту популярности этих идей. Бесспорно, некоторая часть литературного сообщества разделяла программу ВАПП, другие же осознавали, что за ассоциацией стоит мощь партийно-государственного аппарата. Третьи, вероятно, пытались сделать карьеру, сотрудничая с этой самой массовой литературной организацией в стране.

Еще одним явлением, весьма показательным для этого времени, стала «рабочая поэзия» Магнитки. На этой знаменитой «стройке социализма» был создан один из самых крупных литературных кружков на Урале – магнитогорский «Буксир», организованный в сентябре 1930 г. при редакции газет «Магнитогорский рабочий» и «Магнитогорский комсомолец». Первоначально он объединял 5 начинающих писателей и 26 служащих и учащихся. В 1931 году в нем занимались 60 человек, в 1932 – 150, преимущественно строители и металлурги. В группу вошли Борис Ручьев, Александр Ворошилов, Михаил Люгарин, Анатолий Панфилов и др. Позднее группу пополнили К. Мурзиди, А. Авдеенко, М. Гроссман, Я. Вохменцев, Вяч. Дробышевский, Л. Татьяничева, Н. Кондратковская. Организатором и первым литературным наставником молодежи стал Василий Макаров, направленный по путевке партии из Свердловска, где он руководил литературной группой «На смену».

Различны были пути магнитогорских поэтов-ударников. Со Сталинградского тракторного прибыл на Магнитострой кузнец А. Ворошилов, из села Звериноголовского Курганской области пролегла дорога на Магнитку Б. Ручьева и М. Люгарина; оставив учебу в Черкасском педагогическом институте, приехал сюда П. Хорунжий; покинул родное Черноморье К. Мурзиди; исходив пешком пол-России, пришел к горе Магнитной Я. Вохменцев; в 1934 году на

Магнитострой из Свердловска приехала рабфаковка Л. Татьяничева.

Различны были уровни образования и литературной подготовки, жизненного и творческого опыта начинающих писателей. Б. Ручьев (Кривощеков) вырос в интеллигентной семье, уже в детстве познакомился с лучшими произведениями русской классической поэзии, а сыну бедняка М. Люгарину (Заболотному) довелось пройти только трудовые «университеты». Магнитогорский литкружок для большинства его участников был первой серьезной литературной школой. Занятия в кружке «Буксир» (позднее именуемом «кабинет рабочего автора») посвящались изучению основ литературного мастерства, знакомству с видами поэтических произведений, законами стихосложения, чтению и в буквальном смысле разбору произведений классиков, современников и собственных опытов начинающих поэтов. В. Макаров ориентировал кружковцев на «живой показ конкретных носителей бодрости и большевистской воли», а не на создание голых схем ударников и декламаций о гигантах.

В годы строительства Магнитогорского металлургического комбината не одна делегация советских и зарубежных писателей и журналистов побывала здесь. С Магниткой связаны многие страницы творчества советских писателей, рождение известных произведений. В 1930-е гг. в Магнитогорске побывали В. Катаев, А. Малышкин, К. Паустовский, Б. Горбатов, А. Гайдар, Н. Погодин, А. Завалишин, Г. Никифоров, С. Нариньяни.

Уже в 1932–1933 гг. имена магнитогорских авторов становятся известны всесоюзному читателю. Выходят коллективные сборники «Рабочий призыв», «Рождение чугуна», «Весна Магнитостроя», стихи В. Макарова «Огни соревнования», книга Б. Ручьева «Вторая родина» (сначала в Свердловске, а следом в Москве). Рабочая поэзия Магнитки включила в поэтический обиход длинный ряд образов, реалий, эпизодов и красок, отнюдь не возвышен-

ных, но настолько зримо передающих состояние души ее творцов, что эти образы приобретали эстетическое значение. Новые идеалы воплощались в новых звуках и пропорциях.

Влияние поэтики Пролеткульта на магнитогорских авторов ощутимо в прямом заимствовании некоторых сквозных образов («железные цветы у А. Гастева, «запестрели васильками гвозди, гвозди, как цветы» у М. Люгарина), в очеловечивании механизмов (у В. Макарова: «Машина – энтузиастка. Она стальной большевистской масти») и т. п. Но такая перекличка не затемняла нового направления рабочей поэзии Магнитки. Учитывая опыт предшественников и современников, молодые поэты шли по пути сближения с реальной действительностью, преодолевали абстрактность в изображении эпохи, а главное – самого строителя нового мира. Стройка и завод были для них органической темой, а первая пятилетка – порой поэтического рождения. Новое понимание и отражение труда утверждалось как главный эстетический принцип их поэзии. Как известно, 1930-е гг. пробудили этот процесс в разных сферах искусства: в прозе (В. Катаев, А. Малышкин, М. Шагинян), драматургии (Н. Погодин, А. Завалишин), живописи (А. Дейнека, Б. Иогансон) и т. д.

Творческие устремления певцов Магнитостроя наиболее близки той школе, которая связывается с именем Ярослава Смелякова. Поэт прямо и весьма органично связывает «работу и любовь»: «По утрам, спецовку надевая, мы летим. И, будто на свиданье, нам немножко страшно опоздать». Предметом его поэзии становится жизнь строек, цехов, быт фезеушников, рабфаковцев.

При всех весьма существенных различиях в поэзии Магнитостроя можно выделить два стилевых течения. Первое связано с новой инструментовкой стиха, его агитационно-пафосным характером и продолжает традиции советской поэзии, связанные с именем В. Маяковского. Так выражали свою мысль В. Макаров, А. Ворошилов,

П. Хорунжий. Второе стилевое направление в поэзии магнитогорской литбригады связано с ориентацией на фольклор и классический стих параллельно с демократизацией стихотворного языка. Оно представлено именами Б. Ручьева, М. Люгарина, Л. Татьяничевой. Между этими стилевыми потоками нет никакой демаркационной линии, но центр тяготения все-таки существует. Литературная Магнитка 1930-х годов – это движение от очерковости к углубленной разработке проблем современности, к психологически достоверным характеристикам, прочувствованным поэтическим обобщениям.

Руководящим центром всей уральской литературы вскоре становится Свердловск. Независимо от уровня подготовленности местных филиалов, от степени профессионализма и таланта авторов выбор координирующего центра определялся политическими соображениями. Благодаря статусу столицы региона в Свердловске были сконцентрированы крупные партийные кадры, проверенные и надежные, строго проводившие политику центра. Появление именно здесь Уральской АПП, призванной управлять литературным движением всей области, стало вполне закономерным явлением.

До сих пор не существует единой точки зрения насчет даты рождения УралАПП. Бесспорно одно: в марте 1926 г. при поддержке местной парторганизации возникла инициативная группа для создания ассоциации. Многие авторы называют днем ее рождения 4 апреля 1926 г., когда по поручению правления ВАПП состоялось организационное собрание литераторов Свердловска. На нем был принят устав и избрано правление. Уже тогда у многих возник вопрос о законности собрания, где присутствовали только «насменовцы» и «словостроевцы», которые выступили от имени всех уральских литературных организаций. Другую точку зрения о времени создания УралАПП изложил ее первый руководитель И. Нович. Он считал, что, формально

родившись 27 января 1925 г., ассоциация фактически оформилась лишь через 2 года. Это событие И. Нович связал с I областной конференцией пролетарских писателей, проходившей в Свердловске 23–24 октября 1927 г. Ее делегатами стали литераторы Перми, Златоуста, Нижнего Тагила, Шадринска и др. Член правления УралАПП В. Филов назвал конференцию эпохальной: до нее литературная жизнь края считалась «предысторией». В качестве главного недостатка работы ассоциации он указал невнимание к социальному составу членов (из 200 человек только 60 % рабочих и крестьян). В целом эта конференция имела большое значение для развития литературного движения на Урале. Во-первых, ему был придан еще более массовый характер. Во-вторых, ассоциация укрепилась организационно, а в учебно-творческой работе групп четко определилась линия ВАПП. В-третьих, литература привлекла серьезное внимание со стороны власти, что, впрочем, не отразилось на уровне финансовой поддержки организаций.

Именно с мизерным финансированием писатели связывали свою слабую работу и непрофессионализм. «По линии учебных пособий мы буквально голые, – жаловались они. – Ни у УралАПП, ни у местных ассоциаций нет библиотек, нет теоретической базы, отсутствует возможность выписывать периодику»[40]. В кружках дела обстояли еще хуже: затруднялось общение с рабочими, творческие поездки на заводы и в колхозы. Массовая работа ограничивалась городами. Членские взносы (400 руб. в год) не спасали положения.

Между тем, с формальной точки зрения развитие УралАПП шло достаточно успешно. Если в 1925–1926 гг. в ней насчитывалось 150 человек, то уже в 1928–1929 гг. количество членов увеличилось до 426 человек. Это самое большое число до «чистки» 1929 г., после которой в органи-

---

[40] ГАСО. Ф. Р-1616. Оп. 1. Д. 3. Л. 56.

зации осталось 292 члена. Но даже исключение значительного количества литераторов не привело к преобладанию в ассоциации рабочих (90 членов): большинство по-прежнему составляли служащие (143 человек). Но среди этих людей, называвших себя литераторами, не было ни одного профессионала. В Перми же при очень незначительном количестве членов ПАПП (17 членов в 1929 г.) по статистике имелся один профессиональный писатель. Остальные занимались литературой без отрыва от производства. Литературный стаж в 10 лет имелся у двоих, 5 лет – у одного, у остальных – 2–3 года.

Период УралАПП характеризуют:

– чистки литгрупп Свердловска и области (по данным, опубликованным в журнале «Штурм», из 113 человек русского состава в УралАПП после чистки было оставлено 60, татаро-башкирская секция сократилась на 60 %; «вычищенными» оказались художники «сомнительного» происхождения);

– создание рабочих кружков на предприятиях (в 1930–1931 гг. по инициативе УралАПП открылись кружки на ВИЗе, заводе «Металлист» (кружок «Призыв»), Михайловской писчебумажной фабрике, Уралмаше, на Полевском заводе, в Кыштыме, Сухом Логу, Красноуральске, при газете «Гигант» в Ирбитском округе и др.);

– практика выезда литбригад в регионы (из столичного Свердловска выезжали в регионы и на предприятия – в Пермь, Челябинск, Асбест, Камышлов, Кыштым, Карабаш, Березники, Кизел, Сарапул, «Медьстрой» – И. Панов, И. Исетский, Е. Медякова, Н. Клементьев, С. Балин, С. Васильев, А. Баранов, А. Бондин, Н. Попова и др.);

– в связи с общим усилением административно-командного управления в литературе стало частым явлением проведение пленумов, слетов, производственных совещаний пролетписателей города и региона (конференции ЛОКАФ, областные и общегородские пленумы и совещания УралАПП, в которых принимали активное участие гости

из Москвы – В. Ильенков, А. Гидаш, А. Селивановкий, В. Ермилов, конференции при Кабинете начинающего писателя, доклады и выступления в различных клубах К. Боголюбова, И. Астахова, Н. Харитонова, В. Гришанина, И. Панова и др.);

– напряженная литературная борьба. Деятели УралАПП проводили в жизнь определенный идеологический диктат, выдвигая политические лозунги, отмечая ошибки и политическую близорукость художников и нередко забывая о художественности, идеологическому разгрому подверглись Г. Троицкий, В. Макаров, С. Васильев, а также ЧАПП, ПАПП, СвердлАПП, ряд региональных кружков и т. д.

Поскольку УралАПП выдвинула лозунг «За Магнитострой литературы», в самой литературе этого времени господствуют производственные и близкие им жанры: очерк (В. Ветров, А. Строкин, Н. Андреев, А. Маленький, П. Бажов, В. Заякин, И. Панов, В. Тюменев, С. Морозов-Уральский), производственная лирика (В. Макаров, М. Анчаров, С. Васильев, Е. Великанов, А. Матусевич, К. Тюляпин, И. Щеглов), индустриальная поэма (Н. Куштум, Л. Носов, Ф. Пшеничный). Среди заметных явлений этого времени стоит назвать роман Н. Андреева «Кирпич обжигается», повесть А. Бондина «Связчики», рассказы И. Панова, С. Балина, Н. Добычина, А. Исетского, поэмы «Свердловск» и «Расстрел Романовых» К. Тюляпина, лирику С. Васильева, В. Макарова, драматургию А. Баранова, критику К. Боголюбова, В. Гришанина. К этому времени относится начало литературной деятельности А. Гайдара в газетах «Звезда» (1925–1927) и «Уральский рабочий» (1927), появляются его повести «РВС», «Жизнь ни во что», «Лесные братья».

В конце 1920-х гг. журналы, специализирующиеся на художественном творчестве, почти не выходили, можно назвать лишь приложение к «Уральскому рабочему» «14 дней» и приложение к «Тагильскому рабочему» «Рабочий

отдых». В начале 1930-х гг. художественная продукция печаталась в журналах «Рост», «Штурм», «Буксир», курируемых УралАПП. Пролетарские поэты и писатели появлялись также в газетах «Уральский рабочий», «На смену!», «Всходы коммуны», «Колхозный путь» и др. Кроме того, лучшие произведения, напечатанные в газетах и журналах, были помещены в первый уральский альманах УралАПП, который вышел летом 1930 г. Среди сборников этого времени можно назвать «Селькор» (Свердловск, 1925), «Пройденный путь» (Верхнеуральск, 1927), «На путях к победам» (Златоуст, 1930), «Атака» (Свердловск; М., 1931) и «Вторая большевистская» (Свердловск; М., 1931).

Судьба УралАПП была типичной для своего времени. Несмотря на интенсивную работу в 1930–1931 гг., многие из ее членов оставались недовольными действиями руководства. 15 декабря 1931 г. в клубе Профинтерн был созван городской актив УралАПП для обсуждения итогов V пленума правления РАПП и перестройки работы Уральского отделения, а уже в первых числах января 1932 г. увидело свет постановление секретариата Уралобкома ВКП(б), в котором отмечалось, что «руководство УралАППа в лице Н. Андреева и И. Панова вело двурушническую политику обмана партийной организации, пыталось дезориентировать пролетарское литературное движение на Урале, создавая внутри руководства обстановку катастрофической изолированности, зажима самокритики». И. Панов и Н. Андреев в связи с «правооппортунистической и троцкистской деятельностью» были сняты с руководства ассоциацией, Н. Андреев был также исключен из партии. Ответственным секретарем УралАПП, на место И. Панова, был назначен Н. Харитонов. Однако уже в апреле 1932 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». РАПП и ее подразделения были распущены – УралАПП перестала существовать.

С роспуском УралАПП и первыми попытками создания в городе отделения Союза советских писателей (первое заседание Оргкомитета состоялось 20 июня 1932 г.) в Свердловске началась иная литературная эпоха.

3. 1933–1941 гг. – время создания и работы регионального Союза писателей (далее СП), который выдвигает иные, нежели рапповские, методы работы с писателями и литературой в целом. Как в центре, так и на местах победу одержала власть, представленная, в первую очередь, ВКП(б) и ее разветвленным аппаратом. Играя на противоречиях, существовавших между этими группами, покровительствуя РАПП и делая ставку именно на нее, к началу 30-х гг. партия сумела добиться того, к чему она так долго стремилась. Развитие литературного движения пошло в русле единого творческого стиля, единой организационной структуры. Самостоятельные литературные организации были обречены на провал. Во многом их погубила ориентация на творческий плюрализм и неспособность противостоять организационному и идеологическому давлению извне. Поиск новых форм отражения эпохи, стремление изолироваться от окружающей действительности, игнорирование политических изменений в стране, недооценка могущества правящей партии – эти и другие факторы привели к поражению многих «служителей муз».

Между тем, писатели и поэты 1930-х гг., особенно молодежь, творчество которой зачастую представляется в критике как комсомольская поэзия Урала (Н. Куштум, П. Хорунжий, К. Мурзиди, М. Люгарин, С. Уланов, Б. Ручьев, А. Каменский, В. Губарев, Н. Быков), ощущают прилив творческих сил. Рожденные новой эпохой, они не чувствуют ограничения в выборе тем и достаточно свободны в выборе художественных решений. Происходит своеобразный взрыв лирики – молодежь много пишет о чувствах (А. Бычков, В. Губарев) и возрождает романти-

ческие традиции в поэзии (К. Мурзиди, П. Хорунжий). Даже отверженный предыдущей эпохой Г. Троицкий (был исключен в результате чистки из группы «На смену» и постоянно подвергался нападкам со стороны уралапповцев) находит свою нишу в литературном процессе. Но именно в это время начинает активно работать репрессивный аппарат советского государства. Ряд писателей и поэтов Урала попадает в сталинский застенок и, как правило, оттуда не возвращается (В. Макаров, С. Васильев, А. Шубин, Н. Добычин, Ст. Морозов-Уральский и др.). Их арест напрямую не связан с творческой деятельностью, а в каждом конкретном случае обусловлен скорее роковым стечением обстоятельств, некоей их «политической неблагонадежностью». Таким образом, литературная деятельность не перестает быть полем идеологической борьбы.

В 1932 гг. уральские критики заговорили о новом методе советской литературы – социалистическом реализме, который должен вобрать в себя лучшие традиции классического реализма и революционного романтизма и обратиться к «героической» современности. В это время литературу, с одной стороны, продолжает наполнять производственная тематика: жанры очерка, производственной лирики по-прежнему востребованы, хотя и не столь распространены, как в предыдущий период, продолжается и дает результаты работа по созданию истории заводов (А. Маленький, Г. Емлин, С. Дзюбинский, В. Вогау, Ю. Бессонов). С другой стороны, литература очевидно приобретает иные качества:

– происходит укрупнение прозаических форм за счет эпизации: многие крупные произведения уральских писателей становятся признанными в стране («Моя жизнь» А. Коревановой, «Моя школа», «Лога» и «Ольга Ермолаева» А. Бондина, «Я люблю» А. Авдеенко, «Военлеты» С. Морозова-Уральского, «Мое поколение» Б. Горбатова и др.);

– расширяется круг произведений, посвященных родному краю (сказы П. Бажова, исторические повести А. Бар-

мина, материалы, публикующиеся в журнале «Уральский следопыт»);

– в поэзии – время лирики: реабилитированы любовная, пейзажная, городская лирика, выходит в центр литературного процесса жанр песни (авторы: К. Мурзиди, К. Реут, А. Стоврацкий, Н. Быков, Е. Великанов, А. Матусевич, А. Резапкин), но по-прежнему востребована политически ангажированная поэзия (стихи, посвященные героям эпохи: стахановцам, летчикам, пограничникам) и т. п.;

– развивается жанр поэмы: А. Ворошилов («Первая победа», «Песня о мировом рекорде»), П. Хорунжий («Бои в забоях»), Б. Ручьев («Песня о страданиях подруги»), – для которой характеры актуальность тематики, публицистичность, документализм;

– получает развитие детская литература (наряду с деятельностью детской газеты «Всходы коммуны» и авторов-пикоров – Л. Буториной, Б. Сергеева, Б. Братчикова, Р. Потеряева – идет работа детской секции при СП, в которую входят К. Рождественская, Е. Медякова, создается повесть о Павлике Морозове – «В кулацком гнезде» П. Соломеина);

– появляются произведения об уральской деревне (роман О. Марковой «Варвара Потехина», 1935, повесть Б. Гранина «Стручок») и жизни народов Севера (роман И. Панова «Урман»);

– приходит новое поколение прозаиков: Н. Попова, В. Стариков, А. Спешилов, К. Филиппова и др., начинают свой поэтический путь Л. Татьяничева, В. Занадворов, Б. Михайлов, Е. Хоринская;

– тема индустриализации и социалистических преобразований в крае привлекает внимание не только местных писателей, но и таких известных авторов, как В. Катаев, А. Малышкин, Н. Богданов, а также представителей интернациональной бригады писателей на Урале (Л. Арагон, С. Стандэ, В. Броневский и др.).

В это время активно работает издательство УралОГИЗ.

Выходят журналы «Штурм», «Уральский следопыт», газета «За Магнитострой литературы», сборники и альманахи «Горящие огни» (Свердловск; М., 1932), «Строим» (Свердловск; М., 1932), «Колхозные огни» (Свердловск, 1933), «Весна» (Свердловск, 1934), «Песни Красной Армии» (Свердловск, 1934), «Урал» (Свердловск, 1934), «Снайпер» (Свердловск, 1934), «Новый Урал: Татарский альманах» (Свердловск, 1935), «Юношеский альманах» (Свердловск, 1937), «Уральский современник» (1938, 1939, 1940), «Золотые зерна. Детский альманах» (Свердловск, 1939) и др.

Подводя итоги аналитики литературной жизни и литературы Урала в 1920–1930-е гг., можно сказать следующее.

Прозвучавшая в 1928 г. со страниц московского журнала «Октябрь» (№ 4) констатация того, что Урал «начал жить богатой и интенсивной литературной жизнью», имела под собой достаточные основания. Конечно, очень многое из публиковавшегося в эти десятилетия в литературных рубриках областных изданий едва ли правомерно считать собственно литературой. На первых порах таковую замещала, скорее, окололитературная активность. В кружках и объединениях обсуждались рукописи их участников, шло знакомство с азами версификации, организовывались встречи с посетившими тот или иной город известными прозаиками и поэтами. Но то, что получало право на публикацию, было, как правило, местной литературной самодеятельностью. Однако массовое устремление к литературному творчеству – свидетельство того, что российские окраины перестали считать себя захолустьем, и созидательное движение времени здесь проступало с еще большей очевидностью, нежели в центре.

Несомненна утопичность установки того времени на то, что изменение государственных, экономических и идеологических основ жизни обернется коренным преобразованием человеческой природы, как несомненна утопичность надежды на роль литературы в этом государственном проекте. Но

признавая, что литература тех лет, особенно если судить по тогдашней периодике, не сказала многое из того, о чем было сказано в публикациях 1980–1990-х годов, следует согласиться и с тем, что без запечатлевшегося в советских публикациях 1920–1930-х годов последующие десятилетия не представить и не понять.

Глава четвертая.

Литература периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и послевоенного десятилетия

Литература 1941–1945 гг. традиционно рассматривается как особый период развития отечественной литературы, который связан с резким изменением пафоса, героя, стилистики, художественного кода. Перед лицом испытаний происходит активизация художественных тенденций, вызванных к жизни всенародной трагедией: литература открыто обращается к традициям классики и устного народного творчества. Меняется тип взаимоотношения литературы и властных структур, поскольку государство отлично осознает особую силу слова в логоцентричной стране, в результате, особенно в первой половине войны, происходит частичное ослабление контроля властных структур над литературой и высвобождение ее из-под гнета догм и канонов соцреалистической критики, в какой-то степени мягче становится идеологическая цензура.

Специфика уральской литературной жизни военных лет обусловлена тем, что Урал, будучи тыловым регионом, во-первых, большую часть мужского населения, подлежащую мобилизации, отправляет в действующую армию, во-вторых, трудовой лозунг «все для фронта, все для победы» становится определяющим во всех сферах жизни, в-третьих, Урал становится одним из основных мест эвакуации.

К 1940-м гг. на Урале сложились устойчивые формы литературной жизни: работа писательской организации – собрания, прием новых членов, обсуждения руководящих документов и новых текстов; издательства – утверждение

издательских планов, подготовка новых периодических, сериальных, отдельных изданий и т. п. Существование университетского сообщества, писательской общественности инициировали совместные мероприятия – отмечание памятных дат, проведение литературных конкурсов различных уровней и т. п. Жизнь писательской организации и связанных с нею институций отражалась в местной прессе. Очевидно, что литературная жизнь подчинялась установкам сверху (СП СССР и других организаций), которые, проявляя известную инициативу, развивали местные литературные деятели.

Начавшаяся война первоначально практически не изменила формы литературной жизни, но сделала ее более насыщенной, в первую очередь, из-за внелитературных обстоятельств. Так, анализ газетных публикаций «Уральского рабочего» этого времени позволяет говорить о наличии в Свердловске немалой культурной жизни. Несмотря на войну, очевидны организованность литературной деятельности, ее подчиненность общегосударственным целям, готовность немедленно откликнуться на поставленные временем задачи: укрепление обороноспособности страны, мобилизация всех сил на борьбу с врагом, единение народа перед лицом страшной опасности – и в то же время внутреннее спокойствие народа и его вера в мудрость государственного (= партийного) руководства.

В годы войны интенсивно продолжает работу Челябинская писательская организация. В 1942 г. выходит сборник стихов, рассказов, очерков о геройстве трудового тыла – «Богатыри труда», в 1943-м – художественный альманах «Во славу Отчизны», где помещены стихи М. Львова из дневников военного времени, сказ П. Бажова «Тараканье мыло», стихотворение Л. Татьяничевой «Мастер», статья В. Бирюкова «1812 год в уральском фольклоре» и др.

За годы войны издано несколько поэтических сборников южноуральцев. Обретает новую энергию голос Миха-

ила Львова, заметный рост наблюдается в произведениях Константина Мурзиди, на Урале издается первый поэтический сборник Сергея Орлова. С огромной самоотдачей работает в эти годы поэтесса и журналистка Людмила Татьяничева, она заканчивает Литературный институт им. А. М. Горького и как автор журнала «Огонек» выходит к широкому читателю со стихами «Сталевар», «Мастер», «Ярославна» (1943), «Строителям шестой Комсомольской», «Верь» (1944). На последний год войны приходится первое обсуждение ее стихов в Союзе советских писателей, членом которого Татьяничева становится в 1945 г.

Первый поэтический сборник Л. Татьяничевой с программным названием «Верность» вышел в военный 1944-й год (объемом чуть больше печатного листа) в типографии газеты «Магнитогорский рабочий» (Татьяничева Л. Верность. Стихи. Челябинск: Челябгиз, 1944. – 44 с.). В нем потенциально заложены едва ли не все основные тематические, проблемные и художественные компоненты будущего творчества Татьяничевой.

Военная судьба Свердловска была типична для многих крупных городов восточной части СССР. Административный центр Свердловской области, он входил в число городов глубокого тыла, куда не могли долететь самолеты противника, а значит, не могло быть бомбежек. Поэтому на время военных действий Свердловску было предназначено стать местом дислокации ряда крупных заводов, научно-исследовательских институтов, театров, музеев из западной части страны со всем обслуживающим эти учреждения персоналом. Он становится одним из центров эвакуации, в том числе и для литературных работников.

В 1942 г. в Свердловск эвакуированы многие писатели: москвичи, киевляне[41]. Б. Рябинин писал: «Из Ленинграда

[41] См. об этом: Рябинин Б. «Говорит Урал»: Музы не молчали // Рябинин Б. Ушедшее – живущее: Книга воспоминаний. М., 1985.

приехали один из зачинателей советской поэзии, Илья Садофьев, Ольга Форш, профессор, доктор, исследователь истории отечественной техники, принятый в Свердловске в члены Союза писателей, В. В. Данилевский… <…> Появились эвакулиты из Одессы, Харькова. Приехали Анна Караваева, Мариэтта Шагинян, Федор Гладков, Лев Кассиль, Б. С. Ромашов с женой, Агния Барто со своим семейством, Виктор Финк, тоже со своими "Финками", известный по роману "Иностранный легион", пушкинист, автор "Записок д"Аршиака", профессор Л. П. Гроссман с женой, один из последних "символистов" и старейших поэтов страны, Юрий Никандрович Верховский, профессор Н. К. Гудзий, поэтессы Ольга Высотская, Вера Звягинцева, критик и литературовед Л. И. Скорино, автор русского текста "Интернационала" поэт Аркадий Коц. Несколько позднее появился один из старейших писателей, Н. Н. Ляшко. Какое-то время жила в Свердловске М. Д. Марич, автор романа о декабристах "Северное сияние"». В Свердловске побывал Лев Славин и «успел набросать повесть "Два бойца" … ставшую основой одноименного кинофильма с Марком Бернесом и Борисом Андреевым в главных ролях»[42]. Писатели из центра активно включаются в работу. В мемуарах Рябинина представлена живая информация о жизни Свердловского отделения Союза писателей этого периода: описание субботников, обсуждений произведений, литературных вечеров.

Еще один центр литературной жизни формируется в Перми (в то время – Молотов). Здесь в гостинице «Центральная» (семиэтажка) живут Виталий Бианки, Осип и Лиля Брик, Михаил Слонимский, Иван Соколов-Микитов, Геннадий Гор, Аркадий Первенцев, Семен Розенфельд, Михаил Козаков. Сюда эвакуируют из блокадного Ленинграда тяжело больного Ю. Тынянова. В кабинете лечащего врача, профессора Аркадия Лавровича Фенелонова ему

[42] Там же. С. 96–98.

предоставлен стол, здесь написана третья часть романа «Пушкин», исторические рассказы «Гражданин Очер», рассказ о Павле Строганове. В Перми Вениамин Каверин дописал роман «Два капитана», куда включил свои пермские впечатления: описание военного госпиталя, Комсомольского проспекта, набережной Камы. Пермский опыт Веры Пановой лег в основу повестей «Спутники», «Семья Пирожковых». Повесть «Кружилиха» ввела в русскую литературу образы и быт Мотовилихи.

В целом в жизни города эвакуация сыграла неоднозначную роль. С одной стороны, она нарушила естественно сложившуюся жизнь тысяч людей, на несколько лет создала непреодолимые на тот момент бытовые трудности. Оказавшиеся в центре города промышленные предприятия резко ухудшили экологическую ситуацию. С другой, во время войны в Свердловске начали работать новые предприятия, создавшие основу для послевоенного превращения Свердловска в крупный центр оборонной промышленности, были открыты киностудия художественных фильмов, новые исследовательские институты и т. п. Благодаря оставленному после реэвакуации оборудованию город получил мощный толчок к развитию промышленности, образования, науки и культуры, хотя долгие годы испытывал мощный кадровый голод, нуждался в помощи научных и художественных кураторов, помогавших обслуживать вновь созданные учреждения науки, культуры.

Судя по всему, жители Свердловска были готовы делиться с приезжими самым необходимым, понимая вынужденность их существования, но они рассчитывали на равенство в распределении скудных благ. Отголоски этого мы можем найти в текстах того времени.

Так, в городе оказались многие деятели образования, науки, искусства. Интерес и уважение к более известным, авторитетным, с необычными манерами, речью приезжим иногда соседствовал с ощущением «второсортности»

«своих». Отголоски этого мы встречаем в писательских очерках военного времени. А вот впечатление стороннего наблюдателя. Свердловчанин, студент университета Женя Давыдов 9 октября 1941 г. записывает в дневнике: «Большой литературный вечер в здании Оперного театра. Со своими последними произведениями и отрывками – Лев Кассиль, Анна Караваева, Ольга Форш, Арго, Гроссаман. Мурзиди, Иваненко, Марич, А. Барто и др.»[43]. Хотя концерт автору не понравился, но он создает у него ощущение знакомства с «настоящей» литературой. А на состоявшемся 3 ноября 1941 г. вечере – «концерте мастеров искусств» – юноша четко делит выступавших на «мастеров» (Яков Флиер, Лиза Гилельс, Л. Кассиль, Кабалевский, Хренников, Листов») и «наших» (Болотин, Вутирас, Высоцкий, Викс, Маренич)»[44].

В творческой, писательской среде процесс сближения своих и чужих происходил, как пишет Б. Рябинин, с взаимной пользой: «Тесная творческая близость уральцев и эвакуированных (частые совместные выступления и обсуждения, поездки на предприятия), несомненно, были благотворны как для тех, так и для других. Они – "товарищи из центра" – приблизились к нашей жизни; мы, аборигены, заимствовали от них передовую столичную культуру. Однажды какой-то остроумец на вопрос – в чем разница между писателем московским, столичным, и писателем, живущим на "периферии", ответил: у первых больше мастерства и меньше материала, у вторых – больше материала, но меньше мастерства... Военный период значительно уравнял обе группы»[45].

В этой среде опасаться чужих пришлось местным; очевидно, проявлялся комплекс провинции: «Не скрою:

---

[43] Давыдов Е. 1920–1944: Дневники и письма. Екатеринбург, 2005. С. 184.

[44] Там же. С. 185.

[45] Рябинин Б. Указ соч. С. 112.

скромные провинциалы, не избалованные вниманием, мы – особенно первое время, – случалось, тушевались, опасаясь, что не выдержать "конкуренции" с более опытными и именитыми коллегами»[46]. Так, при составлении сборника «Говорит Урал» (1942) местным писателям пришлось побороться за «социальную справедливость». Как вспоминает Л. Скорино, одно из предложений было: «...составить сборник только из произведений писателей "с именем". При этом от участия в нем оказались бы отстраненными многие местные авторы, которые, не имея всесоюзной известности, легко попали бы в категорию "недоклассиков", как шутил Евгений Пермяк. Это привело бы к расколу в организации, редколлегия превратилась бы в литературное судилище. Павел Петрович по этому поводу сказал: "Отбирать надо просто: написал хорошо — напечатали. А остальное предоставим потомкам"»[47]. В то же время процесс сближения шел с обеих сторон. Б. Рябинин – о М. Шагинян: «Вскоре обычной стала в ее устах фраза: "У нас на Урале"». Местоимение наш появляется и в стихотворении О. Высотской: «И, омытый золотом заката, // Как он молод, как суров и прост // Город наш, похожий на солдата, // Вставшего на долгий, трудный пост».

В целом победило мнение, что эвакуация оказалась благотворной для развития территории. Тема культуртрегерского влияния эвакуации соотносится с традиционным для культуры представлением о позитивной, креативной роли столичных мигрантов – носителей более высокой и прогрессивной нормы в жизни провинциального города. Образ эвакуированных создается по модели образа ссыльных, в частности, авторитетной для российской культуры декабристской традиции.

---

[46] Там же.

[47] Скорино Л. На Урале, в дни войны. М., 1978. С. 391.

Отдельно необходимо остановиться на роли П. П. Бажова в литературной жизни Свердловска периода Отечественной войны. Авторитет Бажова как личности и как писателя не был надуманным. Можно сказать так: столичные писатели (да и то далеко не все) смутно представляли его по «Малахитовой шкатулке» кем-то вроде «деда Слышко» и были без преувеличения очарованы его умом, широчайшей образованностью, деловитостью. И не только потому, что как руководитель писательской организации Бажов помогал приезжим литераторам обживаться в новых условиях: доставал хлебные карточки, валенки, полушубки, телогрейки и шапки[48]. Бажов помогал людям, иной раз терявшимся в сложной обстановке, обрести себя творчески. По свидетельству Л. Скорино, «Павел Петрович вместе с Анной Караваевой упорно сплачивал писательский коллектив, не давал людям разбредаться по углам, оставаться наедине со своими личными бедами и горестями. Оттого-то их, эти беды, легче было претерпевать, что жила свердловская организация в трудном военном 1942-м году активной общественной жизнью.

Писатели разъезжали с агитационными выступлениями по всему заводскому Уралу, шефствовали над госпиталями, ремесленными училищами, работали в местных газетах и в центральной прессе, принимали участие в уборочной и посевной кампаниях. И каждый чувствовал: нет, течение жизни не прервалось, в суровых условиях военного времени продолжалось ее молчаливое, глубинное развитие»[49].

«На картошку» выезжали все; принимали участие и старик Ю. Н. Верховский и Мариэтта Шагинян, которая, как вспоминает Л. Скорино, «организовала бригаду вдвоем с Палом Петровичем Бажовым, всех обогнала по основ-

[48] Подробнее см.: Шарц А. Встречи с П. П. Бажовым // Мастер, мудрец, сказочник: Воспоминания о П. Бажове. М., 1978.

[49] Скорино Л. Указ. соч. С. 371.

ным показателям – перебрав больше всех других групп. Все были в восторге от бригады "Бажов – Шагинян"»[50].

О роли Павла Петровича в творческой деятельности свердловских писателей лучше всего рассказывает сама Мариэтта Сергеевна Шагинян. Самые добрые воспоминания о Бажове она сохранила до конца своей жизни. Из беседы с журналистом Геннадием Шеваровым в конце 70-х годов: «Бажов был любимцем нашей писательской группы. Он отличался какой-то особой мудростью. Не навязчивый, не самоуверенный. Он не вещал никогда. Он бросал блестки своего ума, своих образов, своего великолепного лексикона, писательского, неподражаемого, бросал их как бы на ходу. И мы у него учились внутренней дисциплине, понимаете? Он ничего нам строго не предписывал, не говорил о каких-то кампаниях, которые надо провести обязательно. Он всегда был рядом с нами, как наш товарищ. Но, несмотря на это, мы все время чувствовали его авторитет. Я, например, привыкла, возвращаясь из своих поездок по заводам, всегда рассказывать ему о впечатлениях. А потом с тревогой спрашивать: "Ну как? Правильно я поступила?". Это было просто потребностью, потому что он как-то уравновешивал то внутреннее беспокойство и тревогу, какая живет в каждом агитационном работнике в такое ответственное время, как война… Он учил нас особому пониманию народного искусства. Он все время был с нами, сближал нас всех в Свердловске»[51].

Уважение к мастерству роднило таких разных писателей, как потомственный петербургский интеллигент, последний русский символист Юрий Верховский и советский писатель Павел Бажов. По воспоминаниям Людмилы Скорино, часто их можно было видеть мирно беседующими в кулуарах газеты «Уральский рабочий». «К Юрию Никан-

---

[50] Из письма Л. Скорино свердловскому журналисту Д. Лившицу // Фонды Объединенного музея писателей Урала.

[51] Урал. 1985. № 10.

дровичу Верховскому, по моим наблюдениям, Бажов относился с каким-то доброжелательным интересом, понимая и принимая поэта во всем его своеобразии, в той его внутренней ясности и даже детскости, которая порой проступала в облике этого большого задумчивого человека». Со своей стороны, Юрий Верховский выделял главное достоинство сказов Бажова: это "магия превращения простой бытовой речи уральского рабочего в высокое искусство. А музыка слова? Ведь фраза у Бажова поет..."»[52]. Становится понятным, что знаменитая бажовская «Живинка в деле» (опубликована в октябре 1943 г.) – это явление, востребованное самой эпохой.

Событием общесоюзного масштаба явилась Межобластная литературная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», которая состоялась в Перми 13–19 июня 1943 г. Об этой конференции с удивлением заговорили союзники как о политическом событии: значит, какая уверенность в победе, если русские собирают в тылу научную конференцию. Конференция в Перми была самой представительной в стране за два года, прошедшие с начала войны. В ней принимали участие писатели Перми, Свердловска, Челябинска, а также московские и ленинградские писатели, критики, литературоведы, эвакуированные на Урал. Свердловская делегация не была многочисленной ибо значительная часть писателей находилась в действующей Армии. А. П. Бондина уже не было в живых. П. П. Бажов, без преувеличения, был на этой конференции центральной фигурой. И то сказать: в 1943 г. (начало февраля) ему присуждается Государственная (тогда Сталинская) премия за «Малахитовую шкатулку», вышедшую в объеме 19 сказов (против четырнадцати в издании 1939 г.) в Москве в издательстве «Советский писатель»; в сборнике

---

[52] Скорино Л. Указ соч. С. 402, 407.

«Ключ-камень» (Свердловск, 1942) печатается «Иванко Крылатко»; в ежедневной газете «Литературная Пермь» (см. фонд К. В. Кузнецовой), которая выходит к началу конференции, помещается сказ-новелла «Хрустальный лак». Все это добрые, веселые сказы, в которых «во весь рост» встает уральский мастер-творец и художник. В условиях Отечественной войны такой образ поднимал настроение, внушал уверенность в победе[53].

Итак, особость литературной жизни военных лет определяет не поколенческая принадлежность и не существование в рамках одной литературной ситуации разных писательских поколений, и даже не вписанность их в определенные художественные течения и школы, но прежде всего географическое местонахождение: писатели местные или эвакуированные, писатели, находящиеся в тылу или на фронте.

Только имея в виду эту специфическую особенность литературы Урала в годы войны, можно выделять в ней основные проблемно-тематические блоки: художественное осмысление, даже переосмысление, лозунга «все для фронта, все для победы», вылившееся в тему труда, чрезвычайно характерную и важную для уральской литературы; связанная с ней тема «дети и война», а также прозвучавшая в эти годы тема эвакуации, чаще всего (но не всегда), осмысляемая как превращение «чужого» места в «свое».

---

[53] Подробнее об этом см. в следующих материалах военных лет: Боголюбов Е. А. Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе // Звезда. 1943. 6 июня; На Уральской межобластной научно-литературной конференции // Звезда. 1943. 15, 16 июня; Сарапулова Е. Литературная конференция в Перми // Уральский рабочий. 1943. № 130. 23 июня; Майский Ф. Уральская межобластная литературная конференция // Челябинский рабочий. 1943. № 133. 27 июня; Камский А. Литературная конференция в городе Перми // Уральский современник. 1943. Кн. 2. С. 94–98.

Так, безусловная поэтическая удача выпала на долю старейшего русского поэта-символиста Юрия Никандровича Верховского. Очень интересно его виртуозно построенное стихотворение «Мастер-художник», где труд литейщика уподобляется труду художника и вместе с тем все это рисуется в современных условиях борьбы с агрессором:

Что делали из алюминия,
То он отлил из чугуна,
Порой единственная линия
Руке художника дана –
Такая, что по ней, единственной,
Мгновенно узнают его,
А в наше время клич воинственный
Венчает это торжество.
Ведь лишь громадами чугунными, –
Бросая их в смертельный бой,
В борьбе с воинственными гуннами
Мы одолеем их разбой.
Поэт стихи из алюминия
Гранил в любые времена;
Сейчас – прославленная линия
Сквозь полог северного инея
Блеснет на слитке чугуна.

Тема труда – главная в литературе Отечественной войны – не была дежурной темой, предписанной методом социалистического реализма. Пожалуй, никогда русская литература еще не стояла так близко к производству, к заводу, к личности человека, изготовлявшего оружие для фронта. Каждому было ясно, что от числа орудий, танков, снарядов и другого вооружения зависели успехи на фронте, судьба России и судьба каждого человека. Акцент ставился не вообще на труде, но на мастерстве, смекалке, умении, опыте человека в своем деле.

Трудовому подвигу Урала посвящены поэма «Урал»

(1943) Н. Асеева, роман «Испытание» (1943) А. Первенцева, очерки «Урал в обороне» (1944) М. Шагинян и «Огни большого Урала» (1944) А. Суркова, стихотворения Л. Татьяничевой «Сталевар» (1942) и «Мастер» (1943).

Заметным явлением в лирике этих лет стали стихотворения Л. К. Татьяничевой «Сталевар» (1942) и «Мастер» (1943). Их публикация в центральной печати свидетельствует о читательском интересе к самобытному решению «рабочей» темы. Апробированный ассортимент литературных средств, рисующих внешние признаки труда сталевара (традиционные очки, отсветы пламени и т. п.), оживают в новом контексте: сквозь засиненное стекло всматривается в тяжелое брожение закипающей в печи стали… девушка с золотой короной кос на голове. Тепло и нежно, даже с улыбкой рисуется образ юной героини, следящей с чувством, похожим на материнское, за рождением металла. Отказ от стереотипа имел вполне реальное основание и способствовал созданию эмоционального, поэтического образа женщины, который всегда был свойствен поэзии Татьяничевой.

Особое место среди литературных жанров военных лет принадлежит производственному очерку, в котором заглавной фигурой становится сталевар, литейщик, кузнец, станочник. Без преувеличений можно было бы утверждать, что развернутый очерк Анны Караваевой об уралмашевском сталеваре Дмитрии Сидоровском и Верх-Исетском Ибрагиме Валееве «завораживал» читателей того времени ничуть не меньше, чем иной роман. За автором не только детальное знание труда, по тем временам еще во многом ручного, немеханизированного, требующего от человека не только физической силы, но умения, смекалки, дерзости, самой настоящей молодецкой удали. Не случайно в названии слово «Богатыри». Они, эти сталевары, и были настоящими русским богатырями. Таков и кузнец с фамилией Сакуленко, труд которого описан в рассказе-очерке А. Караваевой «Кругооборот хороший» (сб. «Говорит Урал»).

Название этого рассказа явно неуклюжее, но главная

сцена – работа кузнеца – превосходна. Помимо кузнеца Сакуленко (фигура наверняка реальная, только узнать бы – кто? На Уралмаше в годы войны и после работало немало по-настоящему легендарных кузнецов), в рассказе-очерке присутствуют безымянные молотобоец и подручные, которые трехметровыми клещами ворочают на наковальне раскаленную глыбу металла. Сам кузнец похож на дирижера этого слаженного коллектива. Его работа самая главная: безупречно точным движением обозначить топориком то самое место, где молот разрезал раскаленную болванку на нужные части (в первые годы войны на Уралмаше изготовляли не танки, но бронированные самоходные пушки).

«…Кран подъехал, неся рыже-золотую болванку. Еле успел он остановиться против молота, как болванку, словно объезженного дикого коня, уже подтащили к молоту. Рассыпая искры, болванка покорно вползла на неостывшее ложе наковальни. Сакуленко кивнул – и две пары клещей впились в ее раскаленные бока. Сакуленко шагнул к прозрачному пламенеющему слитку и скупым, словно отточенным, движением опустил на него свой черный топорик, властно крикнув:

– Мо – лот!

Молот ухнул и упал, вогнав топорик в металл, словно в огненную глину.

– Клещи! – скомандовал Сакуленко, и двое других подручных, уже ожидавших этой команды, повернули болванку на ребро. Так он командовал несколько раз, и подручные, сменяя друг друга, быстро и точно поворачивали слиток.

– Уго-ол! Уго-ол! – протяжно пропел Сакуленко, и болванка с зияющей на ней глубокой зарубкой легла теперь под углом. Черное плоское тело топорика нависло над ней, как короткий кинжал над обреченной плотью. Оживленный говорок вспыхнул над толпой:

– Здорово придумано! Прежде надвое болванки разрезали, а потом уже угол высекали.

– А этот сразу на одной угол высечет, а другая тут же заодно отделится от первой половинки.

– Простое же дело, ребята!

– Только попробуй высечь сразу, да и верно!

<…> По полукругу, где стоял со своим топориком Сакуленко, как будто кипел горячий поток дружных, ритмичных, как подъем и откат волны, движений.

Они сменялись одно другим, с веселой яростью, безошибочные, как выстрел в цель.

Когда болванку, перерезанную наискось, Сакуленко разъял надвое своим топориком, мягко и глубоко, словно толщу воспламененной глины, наблюдатели все, как один, восторженно ахнули:

– Ловко!..

Рассеченная болванка, гремя, скатилась на железные плиты пола, – и только тут Сакуленко откинулся назад, разминая плечи, вынул из кармана красный с горошинами платок и вытер потное лицо. Потом Сакуленко чуть задержался взглядом на двух укороченных слитках металла, которые в его руках получили форму и назначение… Подручные уже тащили две новые детали к крану. Он подхватил их, и они поднялись вверх, как две покоренные огненные птицы со связанными крыльями и хвостами. Словно луч бурной, багрово-золотой зари, они осветили обращенные к ним человеческие лица – и полетели дальше в глубину высокого закопченного цеха.

– Ну! – зычно крикнул Сакуленко и хлопнул себя по животу, обтянутому кожаным фартуком. – Обедать пора, хлопцы, а то суп остынет!».

Собственно, это и есть та «поэзия творческого труда», которую утверждал соцреализм. Однако тема творческого труда, казалось бы, заданная официальной идеологией, без усилий входила в 1940-е гг. и в начале 50-х в лучшие литературные произведения тех лет: и в виртуозно выстроенное стихотворение Верховского «Мастер-кузнец», и в бажовский сказ-притчу «Живинка в деле», и в производственные очер-

ки Анны Караваевой и Мариэтты Шагинян «Люди Урала», и в повесть И. Ликстанова «Малышок», и в «Уральскую рябинушку», ставшую подлинно народной песней.

Центральные темы в литературе военных лет – патриотизм и стойкость советских людей; изображение современников, сражающихся на фронте и работающих в тылу – на трудовом фронте; героические страницы прошлого страны. Локальная тема – место Урала в войне: защита, кров, дом тысячам эвакуированных; «трудовой фронт», работающий для Победы. Примером может послужить типичное для периода войны произведение — поэма К. Мурзиди «Город на Урале» (1943). Обращаясь к историческому прошлому города, поэт создает текст, в семантическом поле которого переплетаются история реальная и вновь создаваемая. Факты истории Екатеринбурга (строительство Монетного двора, плотины, поиски и огранка самоцветов, остановка декабристов и революционеров по дороге в Сибирь) интерпретируются в соответствии с новыми идеологическими акцентами: советская история – продолжение многовековой российской истории, повторяемость исторических ситуаций, обусловленная общностью классового состава общества и национальным характером. Вновь возникают исторические реалии, выведенные из употребления в 1930-е гг. (город-крепость, мотивы защиты, уверенности, стойкости города, призванного уберечь в нем живущих).

Повсеместным является определение места Урала в российской военной истории, поиски истоков уральского характера. П. П. Бажов пишет книги «Ключ-камень», «Уральские сказы о немцах», в которых подчеркивает превосходство русского национального характера над немецкой ограниченностью. В 1942 году Е. Ружанский и К. Мурзиди в соавторстве пишут поэму «Саша с Уралмаша» (опубликована в уралмашевской газете «За индустриальные кадры»). Упомянем также рассказы и очерки В. Старикова («Красный камень», «Русская женщина», «В партизанском краю»), Б. Рябинина («Месть Дмитрия Босого», «В дни

великой победы», «Золотое дно»), К. Боголюбова («Идет война народная»), А. Савчука, Б. Долинина.

Формирование образа Урала становится одной из центральных задач приезжих и местных литераторов (именно задач, не случайно в марте 1943 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) о выпуске бессодержательных произведений, в которых мало внимания уделяется Уралу, его героическому прошлому и настоящему.

К. Рождественская в статье «Литературные итоги 1942 года» пишет: «Любовь к Уралу, еще недавно мало осознаваемая свердловцами, в дни войны стала вполне ощутимым фактом, глубоким и сильным, двигающим свердловских писателей на дальнейшее углубленное изучение уральской действительности»[54].

Постепенно складывается образ кузницы страны, боевого тыла, опоры, военного арсенала (и в литературе, и в средствах массовой информации), в частности, в таких произведениях К. Мурзиди, как «Вооруженный лагерь», «Уральское солнце», «Утренний Свердловск».

Стихотворение К. Мурзиди «Уральское солнце» держится на трех лейтмотивах свердловского военного текста: это мотив тылового города-завода, в котором пространство города и пространство завода практически слиты, мотив труда, также соединяющий эти два пространства, и мотив ожидания фронтом уральского оружия:

Новой плавкой ночная закончилась смена,
А пока над площадкой плывет полумгла,
Сталевар неотступно стоит у мартена
И глядит в синеву смотрового окна.
<…>
В этих жарких ладонях металл вознесется
В полутемное небо — в литейный пролет…

[54] Уральский современник. 1943. № 7. С. 159.

Летка меркнет — пора: наподобие солнца
Поднимается ковш до предельных высот.

Сталь сверкает в живом непрерывном потоке,
Озаряя лучами громаду стены.
А весеннее солнце, взойдя на востоке,
Покатилось уже по дорогам войны.
<…>
Над полями сраженья оно вознесется,
Где бойцы на рассвете, ускорив свой шаг,
Одинаково ждали весеннего солнца
И уральского солнца в тяжелых ковшах[55].

Так происходит формирование образа Свердловска как города-арсенала (К. Мурзиди), города рабочих («Шурка» Е. Хоринской и др.).

Заслуженную популярность в это и последующее время получила повесть И. Ликстанова «Малышок». Ее герой, четырнадцатилетний Костя Малышев, не по возрасту серьезный и деловитый, – своего рода художественное открытие уральского писателя. Автор хорошо понимает неповторимое для подросткового возраста соединение детскости и взрослости. «Малышок» упорен, трудолюбив, он из тех людей, на которых можно положиться, и вместе с тем Костю и его друзей притягивают к себе таежные просторы, далекие путешествия, легенда о синем тумане… Серьезность темы повести И. Ликстанова скрашивает мягкий и теплый юмор.

Важным для Урала аспектом раскрытия темы «дети на войне» оказывается тема детей-рабочих. Сюда вывозили детей, которые, закончив ремесленные училища, вставали к станку. Образ страдающего ребенка, важный для русской литературы, в военный период оказывается вновь актуальным, так как именно ребенок, нуждающийся в защите, оправдывает все тяготы, всю жестокость военных лет. Война

[55] Уральский рабочий. 1943. 19 апреля.

откроет еще один поворот темы – страна не смогла обойтись без труда подростков. В произведениях о Свердловске этот образ станет центральным. К. Рождественская, давая оценку работе А. Барто, отмечала: «Многие строфы ее песен об Урале стали крылатым выражением, вошли в производственный обиход. В последней книге ее стихов "Новички" взят новый характер, не тронутый поэтами, — образ подростка-ремесленника в дни войны. В эту неизвестную область в скором времени устремились многие прозаики».

Объединенное издательство (ОГИЗ), возникшее из свердловских и эвакуированных центральных издательств, во время войны выпускает несколько литературно-художественных сборников для молодежи: «Боевые ребята», «Мы с Урала» и «Сыны Урала» (1943), где помещает очерки о жизни и трудовых подвигах молодежи. В них образ подростка на ящике перед станком может описываться и в мягких юмористических тонах: «Вася Бароновский стоял у станка и тяжело вздыхал. Мастер дал работу и велел быстро сделать. Вася и рад бы, но он мал ростом, а верстак высок, ничего не видно, надо тянуться. А сказать об этом мешает самолюбие. Пришел мастер … и распорядился дать Васе ящик. Вася сразу как будто вырос, – работать на ящике стало веселее и удобнее»[56].

В очерке Л. Кассиля «Две встречи» образы подростков органично вписываются в трудовой облик города, а слова, посвященные им, произносятся с особым приподнятым настроением, проникнуты пафосом гордости: «Мы шли по городу, слушая гудки ночных смен Виза и Уралмаша, неумолчный органный рев моторов на испытательных стендах. Новые танки шли навстречу нам. Мы говорили о простых, верных, работящих ребятах, питомцах сурового, требовательного и величественного времени нашего. "О таких и песню написать стоит", – сказал мой спутник»[57].

---

[56] Мы с Урала. Свердловск, 1943. С. 39.

[57] Сыны Урала. Свердловск, 1943. С. 34.

Но тексты военных лет отражают события, происходившие в те годы, сложным, непрямым способом. Они являются теми свидетельствами современников, из которых позже будет отобрано только то, что соответствовало представлению о войне, принятому в данную эпоху. Это можно увидеть, скажем, на примере отражения явления эвакуации – одного из важнейших в военной жизни Урала.

Свидетельства об эвакуации становятся одной из важнейших тем в военных и послевоенных текстах региона. Существенные содержательные разночтения в них в целом характерны для литературы, обращенной к войне.

В официальной литературе тема эвакуации разворачивалась в двух аспектах. Один был связан с темой изображения единства страны перед лицом врага: рабочие из разных городов и республик съехались на Урал, чтобы поставлять оружие фронту. Напрягая все силы, тыловые города обеспечивали фронт всем необходимым. Эти тексты становятся основой конструирования истории края (например, упоминавшаяся повесть А. Ликстанова «Малышок»). Свердловск, как и другие города, предназначенные для эвакуированных, описывался как гостеприимный дом: «Семью, родных, отцовский дом / Им заменил Урал, / Их под заботливым крылом / Он бережно собрал» (О. Высотская). Эта тема – вынужденного, но искреннего военного гостеприимства доминирует в официальных интерпретациях будней эвакуации до сих пор, что проявилось, в частности, в многочисленных очерках в период празднования юбилеев Победы.

Литература создает образ города, в котором после всех бедствий люди чувствуют себя защищенными, который смог заменить дом, создать основу жизни в период всеобщих потерь, неустойчивости и движения:

Нас нынче вереницы
Из разоренных гнезд,

Но на суровых лицах
Враг не увидит слез.
<…>
В горах и на равнинах,
Кочуя, — мы свои.
И не совсем чужбиной
Края, что нам в нови.

(Л. Младко)[58].

В то же время во многих сохранившихся неофициальных документах – письмах, дневниках, заявлениях – преобладает иная тональность. Если в официальных «текстах эвакуации» основной акцент делается на трудовом героизме, единстве фронта и тыла, эвакуация описывается в терминах долженствования и преодоления – природы, врага и себя, то в частных текстах преобладают другие темы: описание скудости быта, нехватки самого необходимого (хлеба, соли, дров, одежды), нехватка света, темнота, холод, то есть снова нехватка – на сей раз тепла.

Официальный и приватный дискурс, в которых отличаются даже топосы действия (работа и дом), объединяет описание эмоций, связанных с попыткой позитивно осмыслить свой опыт эвакуации. Теснота и голод, отмечаемые всеми, в то же время рассматриваются как универсальные уравнители, объединяющие разных людей в население воюющей страны. Но повседневная жизнь в тесноте и голоде провоцирует бытовые юридические и психологические конфликты, которые также отражаются и в документах того времени и в воспоминаниях.

Эти неизбежные конфликты «своих» и «чужих» отражены и в литературе. В анализируемом выше рассказе Анны Караваевой «Кругооборот хороший!» героиня вспоминает о своей негативной реакции, когда она узнала о соревно-

[58] Говорит Урал. Свердловск, 1942. С. 158.

вании, которое предстоит ее мужу с соседом-кузнецом. Именно тот факт, что претендует на переходящее знамя эвакуированный с Украины Никифор Сакуленко, чужой, получивший приют и помощь на новом месте, кажется героине несправедливостью и даже подлостью:

«– Приехали сюда эвакуированные, ни кола, ни двора, в грязи вдосталь намытарились... мы их приняли, как родных, грязь обмыли, пригрели...

– Да замолчи ты, Катерина!.. Вот, ей-ей, из дому сейчас убегу.

– А мне все равно… Детишек их приласкали, ни одним словечком за беспокойство не попрекнули, сочувствовали, как несчастненьким, — эх, мол, все пожитки, дом люди потеряли... они за нашу доброту подлостью заплатили».

Да и сам герой, Матвей Темляков, начинает сомневаться в правильности выбора соперника, который может использовать свое положение («эвакуированный, пострадавший от войны, к таким людям всегда относятся внимательнее») и может проявить иные качества характера, отсутствующие у коренных уральцев, простых и открытых: «И дернула же меня нелегкая согласиться на соревнование с этим Сакуленко! — все сильнее злобился на себя кузнец. — Что, не мог я с кем-нибудь из своих, уральских, соревноваться? Простота, дурья башка!.. Вот теперь поперек горла встало мне это соревнование!»[59].

Конфликт разрешается в соответствии с условиями времени и «основного метода советской литературы». «Работаем мы, извини, не для удовольствия и гордости наших жинок, а все-таки, прежде всего, для государства», – развеивает сомнения Матвея его соперник, в тесном содружестве с которым вырабатывается новая технология, после чего обе бригады получают знамя. Конфликт своих и чужих снимается окончательно значительностью задачи, перед которой меркнет все остальное: «Фронт требует, а в нас

[59] Говорит Урал. Свердловск, 1942. С. 111.

душа горит, и мы у своих молотов с фашистами изо всех сил деремся и другим путь открываем. Да, если бы только мы с Никифором знамя держали, так это означало бы, что жизнь наша топчется на месте, а разве такая она? Придется мне знамя отдать, скажем, такому вот Михаиле Автономову, которого я учил. А он, на базе моей выучки, еще что-то новое в мастерстве и в технологии откроет»[60].

Военная лирика 1941–1945 гг. включает в себя не только стихи о боях и сражениях с вражескими войсками. Поэтов этого времени интересует также обыденная жизнь человека, его чувства, переживания. Об этом свидетельствуют стихи московских поэтов Алексея Фатьянова и Александра Коваленкова, в силу разных обстоятельств оказавшихся в годы войны в тыловом городе Оренбурге.

Поэты часто встречались в редакции окружной армейской газеты, на страницах которой печатали свои стихи. На обсуждениях стихов в редакции от поэтов требовали, прежде всего, внимания к «серьезному положению на фронтах» и критиковали за отход от темы, за ненужный, как думали тогда, лиризм. Между тем, именно лиризм стихов, народная речь, напевность привлекала читателей не только в тылу, но и солдат на фронте. Так стали популярными песни Фатьянова, созданные совместно с композитором Соловьевым-Седым, про оренбургское лето 1942 года: «Соловьи» («Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...») и «На солнечной поляночке» («На солнечной поляночке, дугою выгнув бровь, парнишка на тальяночке играет про любовь»). Тема любви – главная в этих стихах, но лирический герой не забывает и о войне: «Ведь завтра снова будет бой, / Уж так назначено судьбой, / Чтоб нам уйти не долюбив, / От наших жен, от наших нив». К любимой обращается и лирический герой А. Коваленкова: «Улыбнись, моя голуба, /

---

[60] Там же. С. 114.

Пожелай бойцу успеха. / Если нам с тобою любо, / Значит, немцам не до смеха».

Тема разлуки и ожидания любимых – одна из основных в лирике названных поэтов. Вот как говорит героиня стихотворения А. Фатьянова «Не ходи ты ко мне»:

Он не нашей деревни, не наших краев,
В оренбургских степях не слыхал соловьев,
Но где б ни был, придет мой любимый назад,
Ведь недаром в тревожную ночь он сказал:
– Видишь, ночь на дворе непроглядная,
Но на твой огонек я вернусь.
Вот закончим войну, ненаглядная,
Я тогда на тебя нагляжусь.

А. Коваленков пишет о «календаре разлуки», о том, что «чем дальше дата расставанья, тем ближе возвращенья срок», он подчеркивает, как важны бойцам письма, «слова приветные от самых близких и родных»: «Ждет ее с волнением любой, / Это – сумка с письмами из дома, / Сумка с грузом почты фронтовой». Фатьянов и Коваленков не были оренбуржцами, но оба были внимательны к городу, куда забросила их судьба, к жизни людей в этом городе, тем самым они сказали свое слова в характерной для Урала теме эвакуации. Коваленкова привлекла история, как он писал, «славного города»: «Чем хорош этот город в степи, / Что для глаз и для сердца в нем ново? / Здесь окрестность – куда ни ступи – / Вспоминает шаги Пугачева». В том же стихотворении «Город в степи» поэт восхищается талантом, умом человека, городами, построенными его руками: «Но здесь, среди степного океана, / Россия воздвигала города, / Над ними путеводная звезда / Видна с границ Китая и Ирана».

Городской пейзаж Коваленкова явно пронизан чувством любования весенним Оренбургом: «Золотистым тюльпаном степным / Здесь апрель расцветает и дышит, / Май

шумит сарафаном цветным, / Весь сиренью и ландышем вышит».

Фатьянову более нравился зимний Оренбург, когда метет метель, «по улицам весело ветер снежинки кружит», зима развешивает «узоры из тонких кружев», и на этом фоне поэтом рисуется свидание («бегу что есть сил на свидание – четверть часа опоздание»):

Встретились. Губы синие,
Брови – морозные полосы.
В очень красивом инее
Очень красивые волосы.
И никогда не забудется
Утро неповторимое.
Чкалов. Советская улица.
Ветер, метель, любимая.
(«Рано зима развесила…»)

В лирике поэтов подчеркнуто, как много значат родной город, родные места для воюющих на передовой, на фронте, как помнятся малейшие детали мирной жизни:

В чужом краю расскажет на привале
Казак друзьям о батюшке Урале,
Что, как клинок, в родных степях блестит.
Там беляши пекут для встречи сына,
С холма за горизонт глядит калина
И пламенной листвою шелестит.
(А. Коваленков. «Город в степи»)

Для оренбуржцев-бойцов А. Фатьянов создал строевую песню – Южно-Уральскую. По воспоминаниям современников поэта, песня воевала на многих фронтах Великой Отечественной войны. Бойцам, уходящим в действующую армию, она вручалась как боевое оружие.

Главный вывод, который делают поэты, создавая про-

изведения о фронтовых событиях, о военной жизни страны, – противоестественность для человека состояния войны, ибо война и жизнь несовместимы.

В годы войны многие писатели Урала ушли на фронт, среди них М. Львов, М. Гроссман, Н. Куштум, Б. Гранин, А. Бычков, И. Гагарин, К. Мамонтов, Б. Ширшов. Не вернулись с полей сражений, пали смертью героев К. Реут, В. Занадворов, И. Панов, А. Савчук и молодые, только успевшие заявить о себе В. Вохменцев и И. Бортников.

Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. литературная жизнь страны отличалась особенной централизованностью, стремлением подчинить живой литературный процесс единым требованиям и правилам, определяемым сверху. После серии постановлений 1946–1948 гг. спектр тем и жанров сузился, социалистический реализм, существовавший ранее скорее как желательная возможность развития литературы, превращается в догму, на соответствие которой редакторами, критиками, да и «внутренними редакторами» (А. Твардовский) самих писателей проверяется каждое произведение. Следующие друг за другом кампании предполагали постоянную проверку и чистку рядов идеологических работников, к каковым относили писателей. В то же время авторы, выполнявшие требования, поощрялись материально и символически.

Это делало литературную жизнь чрезвычайно зарегламентированной, деятельность писателей весьма опасной, а официально разрешенные тексты – однообразными. В таких условиях многое зависело от секретариата писательской организации. И здесь трудно переоценить деятельность П. П. Бажова, который делал все возможное для смягчения идеологических ударов, готовых обрушиться на Уральскую писательскую организацию.

Возможно показать спектр сходно оформленных книг и альманахов, а также многочисленные документы, сопровождающие выход хотя бы одной из книг, чтобы проде-

монстрировать специфическую коллективность советской литературы, где соавторами писателя выступали не только традиционные редакторы, но и разного рода идеологические инстанции. Период имеет преимущественно историко-литературное значение.

Глава пятая.

Литература Урала периода «оттепели»

Четко определенных хронологических рамок «оттепели» как общественного, культурного, литературного явления до сих пор нет. Определение хронологии литературной «оттепели» варьируется в зависимости от того, какого рода события кладутся в основу – политические или собственно литературные.

Наиболее распространенные максимальные и минимальные хронологические версии: 1953 (для современников «оттепели» начало ее как правило связывается со смертью Сталина) – 1970 (разгром «Нового мира А. Т. Твардовского); 1956 (XX съезд партии) – 1963 (снятие Н. С. Хрущева). В любом случае, и скептик А. Ахматова, и романтик Б. Окуджава, как и все в России, прекрасно понимали всегдашнюю зависимость русской словесности от государственной политики, будь то восприятие «оттепели» как «времен вегетарианских» (Ахматова) или как «глотка свободы» (Окуджава).

Принято считать, что в провинциальной, в том числе уральской, литературе «оттепель» запоздала, начавшись не в середине, но в конце 1950-х гг., а то и начале 60-х: «На Урале пора литературной «оттепели» наступила несколько позже, чем в центре, – где-то ближе к середине 60-х годов…»[61]. Но логика анализа именно региональной литературы 1950–1960-х гг. приводит к мысли о том, что

---

[61] Быков Л. П., Лейдерман Н. Л. Литература Урала в 1960–1970-е годы // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. Екатеринбург. 1998. С. 268.

«оттепель» явление не столичное, она – одно из свидетельств того, что даже небольшой шаг к демократизации социальной жизни ведет к явлениям децентрализации. «Оттепель» делала и сделала в основном провинциальная Россия: алтаец В. Шукшин, уроженцы Вологды и русского Севера А. Яшин, В. Белов, Н. Рубцов, сибиряки С. Залыгин и Г. Троепольский, воронежец Ан. Жигулин, а также «провинциалы СССР»: белорус В. Быков, киргиз Ч. Айтматов, литовец М. Слуцкис, грузин О. Чиладзе, эстонец Энн Ветемаа и т. д. Характерен псевдоним, первоначально стоявший над названием повести «Щ-854» (при публикации обретшей новое название – «Один день Ивана Денисовича») – А. Рязанский.

Дебютные книги уральцев-шестидесятников вышли на грани 1950–1960-х гг., как и дебютные книги большинства вышеназванных лидеров «оттепели». Н. Никонов «Лесные дни» (1962). В. Крапивин «Рейс Ориона» (1962), «Брат, которому семь» (1963), «Звезды под дождем» (1965). Б. Путилов. Рассказы конца 1950-х – начала 1960-х гг., выполненные в русле «исповедальной прозы» журнала «Юность» эпохи В. Катаева. А. Филиппович. Рассказы конца 1950-х – начала 60-х гг., выполненные в рамках этого же направления «оттепели». А. Ромашов «Раннее утро» (реопубл. под названием «Старая пашня», 1957). А. Решетов «Нежность» (1958). Б. Марьев «Большой мечты огни» (1960). В. Догуров «Мое поколение» (1963). И. Тарабукин «Павлиний хвост» (1959). А. Домнин «Рассказы и стихи для детей Мау-Ми» (1959), «Солнышкин шарф» (1962).

Итак, опоздания в начале «оттепели» на Урале не было, поскольку названные прозаические книги и стихотворные сборники уже несли на себе и отпечаток нового времени, и печать авторской индивидуальности.

«Оттепель» – одномоментный общероссийский (общесоюзный) процесс, инспирированный не столько внутренними законами развития литературы, сколько социаль-

но-политическими переменами. Не случайно в один и тот же год – 1958-ой – на должность главного редактора «Нового мира» властями вновь был приглашен А. Т. Твардовский, и, безусловно, в результате властного решения уже в январе этого года вышел первый номер «Урала» и начал издаваться еще один специальный региональный журнал «Уральский следопыт».

Верхняя грань «оттепели», как и в общероссийском масштабе, колеблется между серединой 1960-х – началом 1970-х гг. Но здесь вступает в действие своеобразный «охранительный закон» литературной жизни вдали от столицы. Правы авторы раздела «Литература Урала в 1960–1970-е годы», считая, что инерция «оттепели» на Урале «была продолжительнее и в некотором отношении глубже. Сюда столичные громы и молнии доходили уже глуше, а неординарная, смелая мысль встречалась здесь с менее решительной цензурой. Вероятно, оттого и литературные дискуссии на страницах регионального журнала "Урал" были жарче, чем в столичной периодике: наибольший резонанс имели дискуссии "Современный рабочий класс и литература" (1966. № 3) и "Человек 50-го года революции и литература" (1967. № 1), в которых сквозь стереотипы советского сознания и соцреалистические клише пробивались проницательные суждения о симптомах назревающего духовного кризиса и оказывался достаточно смелый отпор официозным художественным догмам. На страницах того же "Урала" иногда находили место острые, существенно расходящиеся с официальной идеологией произведения, которые не могли пробиться в центральные издания»[62].

Несмотря на то, что «опорный край державы» имел своеобразную славу «идеологического заповедника» (край рабочего, т. е. самого сознательного = правоверного

[62] Там же. С. 268.

класса), культурная ситуация была здесь идеологически менее жесткой, более «вегетарианской». Так, в тяжелые для русской литературы 1946–47 гг. уральские писатели были выведены из-под удара, и местное отделение Союза писателей не искало и не клеймило «своих Зощенко и Ахматову», хотя такая «разнарядка» была дана и находила «инициативную поддержку» в некоторых регионах. В 1964 и 1965 гг. (процессы над И. Бродским, Даниэлем и Терцем) также все более или менее было спущено «на тормозах». Таким образом, с завершением процессов «оттепели» и началом «застоя» в Уральском регионе произошли достаточно интересные явления:

1. Из крупных писателей заявил о себе в годы «оттепели» на Урале и уехал в Вологду с тем, чтобы позже вернуться на свою «малую родину» (Красноярский край), только В. Астафьев. Все остальные остались в Свердловске (Н. Никонов, М. Никулина, Г. Дробиз, А. Ромашов, В. Крапивин, Б. Марьев, А. Иванченко, Ф. Вибе и др.), Перми (А. Решетов, А. Домнин, Л. Давыдычев), Тюмени (К. Лагунов) и продолжали работать на Урале, написав в 1970-80-е гг., может быть, лучшие свои книги.

2. Не все писатели, поколенчески принадлежащие к шестидесятникам, ощущали себя таковыми. Характерна в этом смысле оговорка М. П. Никулиной в одном из эссе о поэзии В. Казарина: «Мы так долго принимали искусственный климат за погоду (“кремлевское солнце”, “оттепель”, “ветер перемен”...), что почти научились жить в нем, почти создали новый образ жизни и новую философию...». По мнению Е.А. Баженовой, и творчество самой М. П. Никулиной в истоках своих с «оттепелью» не сопрягается: «С первых же публикаций стало очевидным несовпадение поэзии Никулиной с общим пафосом “шестидесятников” – она не ложилась на ритм победных маршей, не стремилась “открывать глаза”, учить, спасать или вести за собой. Такая творческая установка казалась “несовременной”, что вполне справедливо, если

под современностью подразумевать злободневность»[63]. Исследователь видит обращенность поэтессы и в 1960-е гг. прежде всего к опыту Серебряного века русской поэзии. В. В. Абашев также склонен видеть причины замкнутости поэзии А. Решетова в «локальном контексте» не столько в «географической отдаленности от столиц», сколько в противостоянии решетовского мира «своему поколению и времени – тому яркому, противоречивому, насыщенному поисками и открытиями периоду, который мы называем шестидесятыми годами. Нет, – продолжает свои размышления исследователь, – некоторые совпадения с временем, его эстетикой и пафосом, безусловно, есть, стилистически поэзия Решетова почти растворена в шестидесятых. Нетрудно найти переклички с В. Соколовым, Е. Винокуровым, К. Ваншенкиным, Н. Рубцовым и другими, но, вчитываясь в его книги, приходишь к мысли, что эти сходства имеют внешний характер. Внутренне, по существу своего художественного созерцания, Решетов, скорее, расходится с популярными стилистическими вариациями поэзии шестидесятых, чем совпадает с ними. Тогда как "шестидесятников" больше волновало общественное, национальное, историческое, в поэзии Решетова с неподдельной глубиной выразилась тяга к экзистенциальной проблематике человеческого бытия»[64].

Итак, и в случае двух безусловных поэтических дарований вновь действует своеобразный закон «охранной грамоты» провинции, активно работающий в советскую эпоху: не быть «на волне», «на гребне» – порой значило быть «на глубине» литературы. В порядке констатации, но не оценки можно добавить, что проза таких писателей, как Никонов, Путилов, Потанин складывалась под несомненным влиянием реалистического письма как XIX, так и XX века.

---

[63] Там же. С. 275.

[64] Там же. С. 289.

3. К середине 1970-х – в 1980-е гг. (в разгар «застоя») на Урале складывается весьма любопытная и стабильная литературная ситуация.

1). Пришедшее в шестидесятые годы поколение писателей продолжает работать в формате подцензурной, официальной литературы. Именно в эти годы на Урале создаются и издаются произведения, отмеченные безусловной творческой удачей. М. Никулина. Книги стихов «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1979), «Душа права», «Колея» (1983), «Бабья трава» (1987). Э. Бояршинова. Книги стихов «Не исчезнет Добро» (1976), «Приезжай на листопад!» (1978). К. Лагунов. Роман «Бронзовый дог» (1982). Е. Айпин. Повесть «Я слушаю землю» (1983). А. Неркаги. Повесть «Анико из рода Ного» (1977).

И. Акулов. Роман «Касьян Остудный» (1979). Н. Никонов. Повесть «Глагол несовершенного вида» (1972), публицистическая поэма «След рыси» (1979), повесть «Старикова гора» (1984), роман «Весталка» (1986).

В. Крапивин. Повести «Та сторона, где ветер» (1965), «Оруженосец Кашка» (1966), «Тень Каравеллы» (1968–1970), трилогия «Далекие горнисты» (1971), «Мальчик со шпагой» (1973–1975), «Колыбельная для брата» (1979) и др. В. Путилов. Повесть «Сокрушение Лехи Быкова» (1982). А. Ромашов. «Диофантовы уравнения» (1981).

2). Готовится к дебюту поколение, которое окажется «задержанным», оно выйдет к открытым публикациям только в конце 1980-х – 90-е гг. Это «опоздание» сформировало европейский тип творческого поведения, воспринимающий «художество» как личное приватное занятие, и обусловило культурный взрыв конца 1980–90-х гг. Наиболее показательный пример – творческая судьба Юрия Казарина.

Итак, характерологические особенности литературной «оттепели» на Урале можно сформулировать следующим образом:

- одновременность начала «оттепельного» движения с общесоюзным;

- пролонгированность «глотка свободы», выход «оттепельного» движения за общесоюзные хронологические рамки;

- действие своеобразного закона «охранной грамоты» провинциальной жизни, обусловившего возможность ограничить «энергию заблуждения» (В. Шкловский) и «энергию обольщения», столь свойственные «оттепели».

Содержание и смысловая конкретика литературной «оттепели» на Урале складываются из следующего круга проблем: специфика культурной ситуации на Урале в годы «оттепели»; литературная ситуация и литературная борьба: проблемно-тематический срез; жанрово-стилевой спектр; творческие индивидуальности, определяющие лицо «оттепели» на Урале.

Своеобразие социокультурной ситуации определяется как традиционными для уральского региона факторами, так и теми, что принесла с собой война и последствия войны. Прежде всего отметим изменение общественного сознания, связанное с ослаблением страха перед «мертвой буквой закона» (Б. Пастернак), вызванное очищением трагедией войны. Особое экономическое положение Урала в военные и послевоенные годы обусловило особое художественное осмысление ее писателями-уральцами. Для них память войны – это не память боев, но, прежде всего, память рабочего детства и высокого чувства гражданского и духовного единства. Урал – место ссылки и эвакуации, что во многом определило своеобычность «возрожденческих» лет в регионе, придало им особую «аранжировку».

Во-первых, это была географическая эвакуация: Ленинград, Прибалтика, Украина, Москва. Сразу же после войны Урал был определен и как место возвращения западной (в меньшей степени) и восточной эмиграции (Шанхай, Харбин), которая сохранила русскую культуру, но с явственной экзотической прививкой. Интересна в этом смысле повесть Ольги Волконской «Пермская рябинка» (1965).

Во-вторых, к 1950-м гг. Урал превратился в своеобразный «этнический котел». Традиционные национальности, живущие на Урале, в годы войны и послевоенные годы были и добровольно, и насильственно дополнены (после войны не все захотели или смогли уехать). Это немцы Поволжья, принесшие свою культуру быта. Пленные немцы, выстроившие некоторые улицы и центры таких городов, как Свердловск (например, привокзальная ул. Свердлова, которая стала фасадной улицей города, ул. Комсомольская, в которой ощутим коттеджный стиль), Н.Тагил, Серов, Карпинск, Ревда, Дегтярск и др., в чьем архитектурном облике «немецкий след» очевиден. Это крымские татары, корейцы, ассирийцы, внесшие резкий восточный акцент в культуру Уральской провинции.

В-третьих, что особо важно, это культурная эвакуация: театры, издательства, музеи, сообщества писателей, определившие необычайно высокую интенсивность культурной жизни нескольких десятилетий. Например, в музыкальном мире екатеринбургский слушатель классики до сих пор считается одним из самых тонких, понимающих и требовательных, а мировой уровень симфонического оркестра Свердловской государственной филармонии объясняют теми традициями, что были заложены в годы эвакуации.

Важнейшим фактором интенсификации литературной жизни на Урале было открытие своего «толстого» регионального журнала – «Урал» (1958) и своего краеведческого журнала – «Уральский следопыт» (1958). В фондах музея писателей Урала есть фонд В. Шустова, который был редактором «Уральского следопыта» с 1961 г. По свидетельству Е. К. Поливичек, в нем есть документы о деятельности журнала. Для литературной жизни Урала этого периода не характерна та напряженная борьба, что разворачивалась в Москве и определялась оппозицией «Нового мира» как главного журнала «оттепели» другим ортодоксальным изданиям, прежде всего «Октябрю»

В. Кочетова. «Урал» не стал радикально-оппозиционным журналом, к чему, скажем, тяготели такие провинциальные журналы, как «Сибирские огни» или «Подъем» (Воронеж). Он занял центристскую позицию, но выполнил главную миссию «оттепельного» журнала: предоставил трибуну культурному движению нового поколения.

Во-первых, все уральские писатели-шестидесятники прошли через публикацию в своем журнале: от В. Астафьева до А. Ромашева, от Б. Марьева до И. Акулова. Во-вторых, и это обязательное условие существования «толстого» журнала в России, у «Урала» был не только свой корпус авторов, но и свой корпус критики, сформировавшийся на базе факультета журналистики и филологического факультета Уральского университета, факультета русского языка и литературы Свердловского пединститута, филологического факультета Пермского университета, а также сильной филологической школы Ижевска. Именно учеными Урала были написаны серьезные монографии, выдержавшие проверку временем и посвященные классикам уральской литературы. Это книги И. А. Дергачева «Д.Н. Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество» (Свердловск, 1977, 2-е изд. – 1981); М. А. Батина «Павел Бажов» (М., 1976), а также работы В. П. Кругляшевой и В. В. Блажеса, обращенные к фольклору Урала. Немалую роль играла собственно литературная критика, освещающая и оценивающая современный литературный процесс. Думается, небезынтересен может быть музейный фонд М. А. Батина, в котором, по свидетельству Е. К. Полевичек, «содержится 13 писем от Л. Скорино, 27 писем от Е. Пермяка»[65] и др. материалы.

Наиболее значимые для оценки литературной ситуации на Урале периода шестидесятничества публикации

---

[65] Полевичек Е. К. Обзор фондов музея писателей Урала // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С.166.

литературно-критического характера: В. Астафьев «Нет, алмазы на дороге не валяются» (Урал. 1962. № 11); Б. Марьев «Цветы и рельсы» (Урал. 1965. № 10); А. Шмаков «Современник – главный герой: (О творчестве Р. Валеева и Л. Комарова)» (Урал. 1966. № 10); Вс. Сурганов «Пафос поиска и познания» (Урал. 1967. № 11); В. Стариков «Андрей Ромашов и его повести» (Урал. 1969. № 5); Г. Краснов «На профиле – двое: (о сборнике «Двое на профиле»)» (Урал. 1969. № 7).

Активно участвуют в работе литературно-критического отдела журнала «Урал» и в местной периодике Ю. Бриль. Н. Кузин, Я. Андреев, Р. Комина, А. Субботин, Н. Лейдерман, А. Еремеев, Вс. Колосницын, Ю. Матафонова, а также (чуть позже – с середины 1970-х) Л. Быков, Л. Слобожанинова, Е. Зашихин, М. Никулина, В. Харитонов и др.

Необходимо отметить, что в большинстве случаев литературные критики Урала не руководствовались провинциальным девизом «местное – значит отличное», о чем свидетельствует прецедент аналитической статьи критического свойства, направленной на авторскую позицию В. Крапивина, слава которого к 1980-м гг. достигла своего апогея. Речь идет о статье А. Разумихина, название которой говорит само за себя: «Правила без исключений, или Прозрачная злость и интеллигентные мальчики Владислава Крапивина» (Урал. 1982. № 8).

В-третьих, журналы «Урал» и «Уральский следопыт» довольно быстро обрели «своего» читателя, что является безусловным свидетельством не только необходимости журналов, но и знаком возросшего самосознания интеллигенции Урала, которая позиционировала себя не только «советским» масштабом, но и местной локальной суверенностью.

Литературные объединения и другие формы литературной жизни на Урале периода «оттепели».

Самым известным литературным объединением Сверд-

ловска середины шестидесятых был Литературный клуб имени Михаила Пилипенко при газете «На смену!». Среди его участников называют следующие имена: Яков Андреев, Юрий Лобанцев, Андрей Комлев, Юрий Конецкий, Николай Мережников, Владимир Кочкаренко, Тамара Чунина, Вячеслав Терентьев. Так, в связи с творческой судьбой Тамары Чуниной А. Комлев пишет о «бурных начинаниях Литературного клуба имени Пилипенко. Точнее сказать – его "первого созыва", фигурировавшего во временном периоде с 1965-го по 1969-ый, разогнанного партийно-писательскими властями». И уточняет: «Литературное объединение под тем же названием было еще раз организовано в конце 70-х и просуществовало с переменным составом до начала 90-х»[66].

Необходимо назвать и другие формы «оттепельной» литературной жизни, как формального, так и менее формального характера, которые оказывали свое влияние на культурную ситуации в целом (в данном случае речь идет только о Свердловске):

- работа Средне-Уральского книжного издательства; работа литературного лектория Свердловской государственной филармонии; работа литературных отделов Драматического театра, Театра Юного Зрителя;

- литературные сообщества, реализовавшие себя в создании студенческих театров Уральского университета, Уральского политехнического института, Архитектурного института;

- работа киноклуба при ДК Автомобилистов (ведущий – кинокритик Л. Быков);

- литературные программы местного телевидения и радиовещания.

Характер соотношения официальной и неофициальной

---

[66] Комлев А. П. Немногое о судьбе Тамары Чуниной // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 307.

литературы, противостояние официоза и надежд «оттепели» на Урале также имеют свой характер.

В уже цитированной статье А. Комлев вспоминает: «И комсомольская газета, и остальные партийно-печатные органы, и писательский начальник Лев Сорокин призывали нас сочинять стихи "романтичные", но при этом "крепкие и жизнеутверждающие". Но реальность этому уже никак не способствовала, официальная пропаганда отталкивала фальшивой наигранностью. Нам хотелось говорить по-своему – по душе, по совести»[67].

Идеологическая цензура, безусловно, была, были и так называемые «проработки» провинившихся писателей, иногда с тональностью «отеческих наказов», иногда разгромные и всегда с так называемыми «оргвыводами», то есть с очевидной издательской политикой: фактическим запретом к публикации. Вот несколько примеров.

Пермский исследователь В. В. Абашев пишет о том, как «в июле 1968 года областная пермская газета "Звезда" среди материалов о "горячем одобрении политики партии" (начинались чехословацкие события) поместила разносный отклик на положительную статью о книге Решетова "Белый лист". Главным объектом партийной критики стал, конечно, сам поэт… Оргвыводы последовали незамедлительно: следующая книга Решетова появилась только в 1975 году»[68].

Чрезвычайно сложен был путь к публикации у романа И. Акулова «Касьян Остудный» (1979), поскольку в нем уральский писатель предложил отнюдь не официальную трактовку коллективизации.

Повесть Н. Никонова «Старикова гора», посвященная анализу состояния русской деревни в период «развитого

---

[67] Там же. С. 308.

[68] Абашев В. В. А. Л. Решетов // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. Екатеринбург, 1998. С. 290.

социализма» и в 1984 г. опубликованная в «Урале» в сильно цензурированном виде, вызвала негативную оценку властей вплоть до специального решения Свердловского обкома КПСС.

Показательна история долгой непубликации посмертного сборника стихов Т. Чуниной, которая не писала «антисоветских» виршей, но в недостатке «обязательного оптимизма» ее можно было обвинить (А. Комлев).

Примеры постоянного надзора местной власти за состоянием литературы и политической ориентацией литераторов можно продолжить, но необходимо сказать и другое: в годы «оттепели», в 1970–80-е гг., в литературных, музыкальных, театральных и университетских кругах крупных городов Урала, также как в Москве и Ленинграде, было очень широкое хождение продукции и Тамиздата, и Самиздата. Чтение и разговоры о запрещенной «потаенной» литературе – непременные составляющие «оттепели».

При всех ограничениях, которые несет в себе проблемно-тематический подход к литературному творчеству, он принят по отношению к литературе советской эпохи, в том числе и «оттепельной». Более того, в преломлении к региональной литературе он – один из способов выявления ее своеобычности.

Традиционно выделяют следующие проблемно-тематические «блоки» «оттепели»:

Литература о войне. Вариант «шестидесятничества»: не столько факт Победы, сколько цена этой Победы. Литература о деревне. «Деревенская проза», «деревенщики» шестидесятых – литература прощания и вины, рассказывающая о гибели русской деревни в XX в. Историческая тема, «узлы» русской истории XX в.: Революция и «1937», создание так называемой «лагерной прозы», в массе своей не прошедшей цензуру в 1960–80-е гг. и опубликованной в годы Перестройки. Тема труда. Самая престижная, поощряемая и ортодоксальная тема. Именно

в годы «оттепели» возникает сильная литературная оппозиция этой теме, вплоть до гротескового пародирования. «Возвращение к человеку» как одно из главных достижений «оттепели» вызвало из забытья тему, связанную с приватной, частной жизнью человека, с его «бытовым» существованием, с жизнью не в колхозе, цехе, заводе, но дома, в семье. Этот тематический срез литературы так и назывался: «бытовая проблематика» или «литература повседневья».

Применительно к литературе Урала обозначенные проблемно-тематические «блоки» выглядят следующим образом.

Уральская литература военной темы не представила произведения, которое получило бы всероссийский резонанс. Хотя учитывать своеобразную «вторую молодость» таких писателей старшего поколения, как В. Стариков, П. Макшанихин, М. Гроссман, Ю. Хазанович, Б. Бурлак, Я. Резник, О. Коряков, необходимо. Н. Лейдерман справедливо пишет: «Сложившись как личности в тридцатые годы, пройдя в качестве фронтовых журналистов или просто солдат войну, они именно во время “оттепели” стали мучительно пересматривать свои прежние представления о действительности, открывать в ней то, что оказывалось за пределами ранее воспринятых идеологических догм. Имея опыт и навыки газетной работы, доверяя прежде всего непосредственному наблюдению, они стали создавать произведения, в которых беллетристическое начало опирается на очерковую или мемуарную основу, подпитывается документом. Несомненно, здесь сказались особенности художественной культуры писателей, их следование буквально понимаемому реалистическому принципу “верности жизни”. Но в контексте времени такая творческая тенденция была вызвана стремлением писателей увидеть действительность без соцреалистической художественной оптики, на которой они уже “обожглись” и к которой у них возникло недоверие, потрогать все собственными ру-

ками, опираться в своих суждениях на собственный опыт и, если надо, собственные исторические изыскания»[69].

Однако честные книги названных авторов не могут по своим художественным достоинствам быть соотнесены, скажем, с военными повестями В. Быкова. Позже Н. Никонов романом «Весталка» (1986) вполне впишется в контекст «последней прозы» о «той» войне (романы Г. Владимова «Генерал и его армия» и В. Астафьева «Прокляты и убиты»).

Литература Урала предложила свой смысловой поворот темы: память военного детства, точнее – память рабочего военного детства. В статье «Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет» Ю. Клочкова точно заметила, что уже во время войны в уральской литературе возникает очень важный и характерный для нее образ ребенка-подростка, стоящего у заводского станка из-за малого роста на ящике, этот образ, по мнению автора, становится «трагической метафорой военного времени»[70]. В этой же статье зафиксирован интересный жанр, который знают все коренные (или теперь уже коренные) свердловчане: жанр «устного рассказа» об эвакуации.

Решение темы деревни, точнее – темы коллективизации и связанное с ней изменение психологического портрета нации в годы «оттепели», особенно в 1970–80-е г., в ка кой-то степени соотносимо с общероссийским. Достаточно назвать роман И. Акулова «Касьян Остудный» и повесть Н. Никонова «Старикова гора». Однако тема хозяйствования на земле имеет на Урале несколько иные традиции и корни, нежели, скажем, в Сибири или средней полосе России. Деревенская тема всегда весьма самобытно осмыслялась уральской литературой. В данном случае необходимо

---

[69] Там же. С. 310.

[70] Клочкова Ю. В. Литературный образ Свердловска в произведениях военных лет // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2006. С. 129.

помнить о том специфическом психотипе, который исторически был сформирован экономикой Уральского региона. Уралец – одновременно и крестьянин, и рабочий; и охотник, и горнодобытчик. Как пишет В. В. Блажес, «включенность населения в поиски полезных ископаемых была связана с познанием и определенной непознаваемостью горно-геологических залеганий, поэтому следовали объяснения "в воображении и при помощи воображения"»[71]. Уральская природа, ее явные и тайные богатства всегда имела в нашем крае дополнительные художественные коннотации. Отсюда шли, по крайней мере, две особенности освоения деревенской проблематики литературой Урала периода «оттепели». Во-первых, в сравнении с общесоюзной она достаточно быстро актуализировала экологическую («экология духа», «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» и др. «формулы» литературы 1970–80-х гг.) составляющую этой проблемы (особо показательно в этом плане не только зрелое, но и раннее творчество Н. Никонова). Во-вторых, если говорить о топографии всей литературы Урала, то для нее изначально важнее был городской, а не деревенский текст. Еще в XVIII веке в «соответствии с государственной установкой» в литературе моделируются различные типы уральских городов-утопий: «Историческая необходимость требовала создавать города-крепости, каким изначально был Екатеринбург, города, играющие роль форпоста империи, очерчивающие ее новые границы, – как Оренбург. Наконец, пограничное положение Урала между Западом и Востоком империи настоятельно требовало появления собственно торговых городов, каким стал Челябинск». А «так как Урал был горным краем … город-столица естественно

---

[71] Блажес В. В. Роль фольклора и литературы Урала в процессе культурного освоения территории Уральского региона // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 55.

являлся горным городом, городом-заводом»[72]. В реальности, во всяком случае в XX веке и, особенно, во второй его половине, кроме крупных промышленных городов, жизнедеятельность уральцев осуществляла себя не только и не столько в уральской деревне, сколько в рабочем поселке, маленьком рабочем городе, «стянутом» к заводу, на рабочих окраинах промышленных центров (Уралмаш, Эльмаш, Вторчермет в Свердловске, Вагонка в Нижнем Тагиле, Мотовилиха в Перми и т. д.), что незамедлительно нашло свое отражение в ландшафте уральской литературы и что уже начало осмысляться в науке: «Развивая тенденцию, связанную с "деревенской прозой", уральские прозаики значительно обогатили самое представление о "малой родине". Так, у Александра Филипповича в новеллистическом цикле, который создавался в течение 70-х годов, носителем идеи отчего дома становится образ рабочего поселка. А у Бориса Путилова в повести "На пароходной улице" (1980) – заводская улица, в произведениях Рустама Валеева – татарский Маленький Город. На Урале именно в таких мирах и мирках концентрировалась народная жизнь, обретая цельность общественного организма со своим укладом, нравственными нормами, ментальностью. Но в отличие от деревни, в этих уральских "хронотопах" городское и деревенское, природное и рукотворное переплелось настолько тесно, что их невозможно отделить друг от друга: здесь работа у станка и дойка коровы, плавка металла и копка огорода делается одними и теми же руками»[73].

Особый топос – между заводом и домом (на Пароходной, Заводской и т. п. улицах), между цехом и лесом, горой убрал противостояние между «природной созерцательностью» и «энтузиазмом труда». Более того, редкий случай

---

[72] Приказчикова Е. Е. Утопические модели в литературе Урала XVIII в. // Там же. С. 221.

[73] Лейдерман Н. Л. Динамика прозы // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. С. 330–331.

для периода «позднего социализма»: уральская литература представила вполне приемлемое произведение на «производственную проблематику» – пьесу Г. Бокарева «Сталевары», которая в 1970–80-е гг. шла во многих театрах страны.

Историческая тема. История России советской эпохи, ужасы коллективизации и репрессий, возможно, из-за того, что Урал – место спецпереселений и политических лагерей, не стала ведущей в годы «оттепели». Позже литература будет активно развивать линию философии истории и мифологии своего края (А. Ромашов, А. Иванов).

Жанрово-стилевой спектр.

Говорить о лидерстве поэзии на Урале в годы «оттепели» сложно, хотя в ней формально представлены все основные направления, которые принято называть при описании поэтической картины тех лет:

Эстрадная поэзия. Проблемно-структурный принцип ее – «разговор одного со всеми». Хорошо известен и описан феноменальный эффект этой поэзии в годы «оттепели»: она, действительно, собирала стадионы слушателей. Такого на Урале не было. Эстрадная поэзия существовала главным образом в форме стихотворной публицистики разного художественного уровня (Б. Марьев, Н. Мережников, В. Назин, Ю. Лобанцев, Ю. Конецкий). В полемически-острой статье «Советский и постсоветкий Конецкий» В. В. Блажес пишет: «Е. Захарова назвала свой литературоведческий очерк о Конецком вычурно и неточно: “Шестидесятник: Миф об Урале, или русский писатель Юрий Конецкий”. <…> Сам поэт пишет: “Мы были типичными “шестидесятниками”, пытаясь без конфронтации с властью улучшить наличный постсталинский социализм”. <….> Но по публикациям видно, что Ю. Конецкий выступал в шестидесятые годы как автор рабочей темы, ориентирующийся на соцреализм». И далее исследователь предлагает анализ поэмы «Наследник», вошедшей в сборник со все объясняющим названием «Голуби в цехе» (1971), поэмы, в которой «речь идет о парне, пришедшем на Уралмаш: он попадает в бригаду

электриков, и старый рабочий Добычин берет над ним шефство – помогает, учит, наставляет – через два месяца, уходя на пенсию, он назовет неофита своим наследником, и тот искренне благодарен старику: "За реализм, за то, что, будто сыну, / Передавал он все, что сам достиг, / Как Гражданин – другому Гражданину / Порядок дней и классовый инстинкт"»[74]. Это уже «излет» «оттепели» и одной из ведущих ее жанрово-стилевых тенденций – стихотворной публицистики.

«Тихая лирика». Самые значительные здесь имена – имена М. Никулиной и А. Решетова. Но уже говорилось о том, что автор стихотворных сборников «Мой дом и сад», «Имена» поэтически ближе к классике первой трети XX в., нежели к современности 1960–70-х гг. У А. Решетова вообще сложились весьма драматические отношения с «оттепельной» поэтической ситуацией. Исследователь его творчества констатирует: «Алексей Решетов вступил в поэзию в конце 1950-х годов. Стилистически он примкнул в основном к той тенденции, которая в 1960-х выражена именами А. Межирова, К. Ваншенкина, Е. Винокурова, поэтов предшествующего поколения… Впрочем, в случае с Решетовым свести его целиком к "тихой" вариации поэзии шестидесятых было бы упрощением. Есть в его творческой тяге к аскетизму формы что-то роднящее его с "лианозовцами", с их словесным минимализмом. Только это мягкий, лишенный радикальности стилистический вариант»[75].

Два других общепризнанных поэтических направления – «поэзия фронтового поколения» и «авторская песня» – также обозначились в уральской поэзии, но вновь не столь явственно, как в поэзии общероссийской. Скажем,

---

[74] Блажес В. В Советский и постсоветский Юрий Конецкий // Литература Урала: история и современность. Сб. статей Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 392.

[75] Абашев В. В. А. Л. Решетов // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. С. 303.

«авторскую песню», «бардовую поэзию» можно обнаружить в практике студенческих сообществ и студенческих поэтических театров той поры (в этом плане небесполезны будут сборники издательства Уральского государственного университета «Рука на плече»[76]).

Жанрово-стилевой диапазон прозы фактически адекватен общероссийскому: от лирической прозы (дебютные книги Н. Никонова, В. Потанина) до лирико-исповедальной (А. С. Филиппович, Б. А. Путилов).

Говоря об уральской драматургии данного периода (Г. Бокарев, В. Балашов), необходимо иметь ввиду те театральные традиции, которые весомы на Урале, а также постоянные гастроли ведущих театров страны, непременно приезжавших на гастроли на Урал с самыми значительными своими спектаклями: БДТ, театр на Малой Бронной, Современник, набирающий силу Ленком.

[76] См.: Рука на плече: Стихи выпускников и студентов Уральского государственного университета. / Сост. Л. П. Быков. Екатеринбург, 1995.

Глава шестая.

Литературная жизнь Урала в 1970–1980-е годы

1970–1980-е годы – внутренне цельный период, не прерываемый резкими переменами эстетических ориентаций и крутыми поворотами курса, с хорошо прослеживаемой связью между состоянием «системы» на «входе» и на «выходе», с очевидностью всех причин, которые привели к изменению состояния. Причем моменты «входа» в обсуждаемый литературный период и «выхода» из него почти совпадают с его календарными границами; может быть, точнее было бы начальный рубеж отодвинуть немного назад – например, к 1968 году, а завершить чуть позже, в 1991 году. Причина выбора этих дат очевидна: со вступлением советских войск в Прагу в августе 1968 г. окончательно завершилась хрущевская «оттепель», а 1991-й – год крушения советской власти. Развитие коллизии «власть и литература» составляет канву главной фабулы этого периода.

Областные писательские организации (а уж тем более Союзы писателей автономных республик – Башкирии и Удмуртии) работали, если наблюдать со стороны, вполне самостоятельно во всем: практически весь круг вопросов своей внутренней жизни они решали сами. Сами принимали новых членов в свой союз, сами занимались созданием для каждого члена СП приемлемых условий для работы (жилье, продовольственное снабжение, путевки в Дома творчества), сами заботились о подготовке литературной смены (литобъединения, семинары и совещания молодых), о поддержании творческой активности писателей (творческие секции, творческие командировки, оплаченные

Литфондом), о продвижении (издание, популяризация) писательских трудов. И еще многое-многое другое тоже входило в их компетенцию.

Однако эта самостоятельная по видимости работа весьма строго контролировалась и направлялась партийными органами. Это не скрывалось, хотя и не афишировалось, и внешне нарушением демократии вовсе не выглядело. Дело в том, что в каждой писательской организации была своя первичная партийная организация, она была обязана подчиняться партийному уставу, и через нее вышестоящие партийные органы могли проводить любые свои решения. В биобиблиографическом справочнике «Писатели Среднего Урала», изданном в 1965 г. (он отражает ситуацию «на входе» в интересующий нас период), есть следующие данные: на тот момент в Свердловской областной писательской организации (за вычетом включенных сюда же тюменцев, а также писателей, которых уже не было в живых, но в справочнике они были представлены) состояло 30 человек. 14 из них были фронтовики – и почти все фронтовики (12 человек) были членами партии, причем опять-таки, почти все из партийных фронтовиков именно на фронте в партию и вступили.

Кроме фронтовиков, в партии состояли писатели, пришедшие из журналистики (которая в советские времена напрямую называлась партийной профессией), с производства, а в отдельных случаях и с партийной работы. Так что всего из 30 членов СП в КПСС состояло 22 человека, то есть более 2/3. В большинстве своем это были люди, уважаемые в организации, ответственные, авторитетные. То есть «квалифицированное», говоря юридическим языком, большинство голосов подкреплялось еще и авторитетом голосующих. В итоге решение партгруппы на общем собрании приобретало демократическую легитимность без дополнительных усилий.

Надо отметить еще одно обстоятельство: руководитель писательской организации избирался тоже вполне демокра-

тично – на общем собрании, но именно тот, кого одобрила партийная группа, а до того, не прибегая к демократическим процедурам, выбрал обком. Потом этого руководителя – не сразу, не просто по должности, а после того, как он определенное время поработает на этой должности, «зарекомендует себя», – избирали членом обкома. Это была для него как бы честь, но этим на него возлагалась и тяжелейшая обязанность – проводить в руководстве писателями «партийную линию», даже если ему самому она не казалась разумной и справедливой.

Расклад сил «на выходе» из интересующего нас периода можно представить, полистав биобиблиографический справочник «Писатели Среднего Урала», изданный в 1986 г. (это еще не конец периода, но к 1990 году картина с того времени изменилась не радикально). Членов Союза стало уже 53 человека, однако доля фронтовиков среди них уменьшилась до 11 человек, а членов партии теперь было 23 – хоть и чуть больше, чем в начале периода, но уже меньше половины всех членов организации. «Партийную линию» стало проводить трудней, хотя сила инерции была все еще велика. Постепенное ослабление партийного влияния в писательской организации один из ключевых моментов, характеризующих направление эволюции литературной жизни на Урале с конца 60-х по начало 90-х гг.

Характер взаимоотношений «власть и литература» можно проиллюстрировать тремя примерами.

Дни советской литературы на Тюменской земле, которые знаменитый первый секретарь Тюменского обкома Г. П. Богомяков рассматривал как «часть идеологического обеспечения выполнения пятилетнего плана» (в выступлении на пленуме правления СП СССР в Москве). Это были крупномасштабные, со всесоюзным размахом, с писательскими «десантами» в Салехард, Ханты-Мансийск, Заводоуковск, Стрежевой (уже Томская область) и другие отдаленные от Тюмени места.

Встреча с писателями первого секретаря Свердловского обкома КПСС Б. Н. Ельцина. Она состоялась незадолго до отъезда Ельцина в Москву – то ли в конце 1984, то ли даже в начале 1985 г. Существует обкомовский документ по итогам этой встречи (очень характерный для тех лет документ!), в нем перечислены проблемные вопросы, которые были поставлены там писателями (список на нескольких страницах), обозначены сроки их разрешения и названы ответственные за их разрешение.

Драма писателя, оказавшегося руководителем писательской организации. Лучше всего показать ее на примере Л. Л. Сорокина. Безусловно талантливый поэт тридцать лет находился во главе Свердловской областной писательской организации. Насколько доставало сил, он опекал писателей, помогал им с устройством бытовых проблем, добросовестно выполнял все другие обязанности руководителя. Но среди этих обязанностей было и неукоснительное проведение «партийной линии» в творческих вопросах, и в этом плане он со всей его добросовестностью вынужден был «начинать с себя», что, увы, не самым лучшим образом сказалось на его собственном творчестве.

Для этого периода характерны свои центры литературной работы. Издательства и периодические издания писательским организациям не принадлежали, за исключением столичных «Литературной газеты», «Литературной России» и издательства «Советский писатель». На Урале время от времени выходили писательские одноразовые газеты, приуроченные к юбилейным датам или иным общезначимым событиям (так, всего лишь несколько раз за всю историю выходил «Литературный Свердловск», подобные издания случались в других областных центрах); порой в крупных городах Урала издавались литературные альманахи. В большинстве своем они были малотиражны, не имели строгой периодичности и постоянной аудитории, так что скорее служили средствами удовлетворения авторских амбиций, нежели были полноценными участниками литературной жизни.

Однако были среди них и достаточно успешные: ежегодник «Каменный пояс», выходивший в Челябинске с 1974 по 1989 г. (16 выпусков) тиражом от 5 до 10 тыс. экземпляров, и красочный, красивый, веселый, большого формата альманах для детей «Оляпка», который выпускался в Перми.

Истинными же центрами литературной работы были государственные издательства и журналы – тоже государственные, ибо, что бы ни писалось на их титульных листах, существовали они при государственных издательствах, через них же и финансировались. Ни Союз писателей, ни Литфонд к их финансированию не были причастны. При назначении их руководителей писательские организации имели только совещательный голос (главные редакторы там и там входили в номенклатуру обкома).

Цензура на областном уровне (Обллит) официально именовалась управлением по охране государственных тайн в печати.

Иезуитская изощренность идеологической цензуры заключалась даже не в том, что ее будто бы и не было, хотя она была, причем достаточно жесткая, а в том, что разговор о цензурных «вычерках» с автором полагалось вести редактору от собственного имени без каких бы то ни было упоминаний цензуры: ведь ее же «не было»!

В экспозиции, отражающей литературную жизнь Урала в 70–80-е гг., следует, на наш взгляд, представить крупнейшие уральские государственные издательства – Средне-Уральское книжное издательство, Южно-Уральское книжное издательство, Пермское книжное издательство; возможно, также и национальные издательства уральского региона – Удмуртское и Башкирское.

Среди уральских издателей нужно выделить в экспозиции В. И. Селиванова (Ср.-Ур. кн. изд-во) и О. С. Булгакову (Юж.-Ур. кн. изд-во), на протяжении многих лет определявших книгоиздательскую политику в крупнейших областях региона. Кстати, о В. И. Селиванове в

2007 г. в издательстве «ПАКРУС» выпущена книжечка воспоминаний, ключевые сведения об О. С. Булгаковой есть в энциклопедии «Челябинск», да она и сама еще, слава Богу, жива.

«Урал» и «Уральский следопыт» издавались в Свердловске, в других уральских городах подобных изданий не было, если не считать национальных журналов «Агидель» (в Башкирии) и «Молот» (в Удмуртии). Благодаря двум журналам, издававшимся очень большими даже по тем временам тиражами, Свердловск в 70–80-е гг. был бесспорной литературной столицей всего Урала. Через свердловские журналы входили в литературу писатели не только шести областей Большого Урала, но и национальных республик. Одно дело напечатать что-то в «Агидели» и совсем другое – в «Урале», который выписывали тогда по всей стране.

Благодаря такой потребности на Урале получило довольно широкое распространение искусство перевода. Более всего переводами занимались в национальных республиках – в Башкирии и Удмуртии. Там было много двуязычных писателей, но даже и незнание языка оригинала (работа по подстрочнику) компенсировалось тесным общением переводчика с автором оригинала. В 80-е гг. в «Урале» также не раз публиковались переводы с южнославянских языков, с испанского, немецкого, английского, французского, даже с финского.

Надо заметить, что переводами уральские писатели занимались попутно; насколько нам известно, никто из них не избрал перевод своей главной литературной профессией. Но все же группа поэтов-переводчиков если и не оформилась, то, по крайней мере, обозначилась, лидером ее, большим энтузиастом перевода был Яков Борисович Андреев.

Два свердловских литературных журнала никогда не были соперниками, хоть некоторые авторы публиковались в обоих, а отослать малоопытного автора из одной редак-

ции в другую (там, дескать, ваш материал будет уместней) было довольно обычным делом. Случалось, передавали и рукописи. Дело в том, что у этих журналов были разные задачи и разные аудитории. «Следопыт» был обращен к молодежной аудитории, «Урал» адресовался к «взрослому» читателю (хоть эпизодически появлялись в нем и разделы для детей или молодежи, но удерживались ненадолго). Они успешно дополняли друг друга; члены редколлегии у них иногда бывали общие, даже и сотрудники, случалось, переходили из одной редакции в другую.

В. К. Очеретин возглавлял «Урал» с 1968 по начало 1980 г.; десятью годами раньше он же возрождал «Уральский следопыт» и три года был его главным редактором. С. Ф. Мешавкин был главным редактором «Следопыта» с 1971 по 1993 год. Активно участвовали в литературной жизни такие журнальные сотрудники, как В. В. Артюшина, Л. Г. Шкавро, Н. Я. Мережников, В. Н. Черных в «Урале» и Ю. А. Горбунов (в «Урале» и «Следопыте»). Их роль в жизни обоих журналов, а следовательно, и уральской литературы весьма значительна.

Характерна для анализируемого периода ситуация смены писательских поколений. Это процесс естественный и неизбежный: сама природа сделала так, что к началу или уже в начале обсуждаемого периода не стало многих писателей, которые играли ведущую роль в предшествующий период (некоторые из них закладывали и основы обоих общеуральских журналов). Умерли О. Ф. Коряков, Б. А. Ручьев, Н. А. Куштум, О. И. Маркова, Н. А. Попова, Я. Т. Вохменцев, П. В. Макшанихин. Некоторые видные писатели уехали с Урала – по большей части в Москву, но, случалось, и в другие места: Л. К. Татьяничева, В. П. Астафьев, М. Д. Львов, В. А. Стариков, В. В. Сорокин.

В то же время постоянно появлялись новые имена, они приобретали известность и авторитет, теперь уже их творчество определяло уральский «литературный пейзаж». Новые литературные имена во многом не походили на пре-

жние, и дело тут не только в естественном индивидуальном своеобразии, без чего писателя просто быть не может, но в понимании теми и другими природы и назначения литературного творчества, в характере определяемых ими для себя же творческих задач. В жизни уходящего поколения были «черно-белый» опыт 30-х гг., была невиданная по масштабам, жестокости и напряжению сил война. Представители этого поколения были в большинстве своем менее образованны, не так тонко чувствовали и, соответственно, не так ценили эстетическое совершенство произведения (которое даже не очень правомерно было бы называть произведением словесного искусства: они, пожалуй, и не стремились создавать искусство); доминирующим качеством литературы для них была правда жизни, которая, однако, тоже нередко оказывалась идеологически трансформированной.

А писатели нового поколения опыта старших (и негативного, и позитивного) не имели, они возрастали в большей мере на почве книжной культуры и больше ориентировались на литературные образцы. Тут возникала непростая коллизия, где присутствовали одновременно и комплекс неполноценности («не успели» к главным событиям века), и превосходство (от бóльшего культурного багажа), и стремление «вписаться» в общий процесс (обратиться к «главным» темам, получить одобрение старших), и утвердить себя в новом своем качестве. Коллизия эта была не однозначная, не одномерная, она, во-первых, по-своему переживалась каждым, кто приходил в это время в литературу, во-вторых, переживание и осмысление ее сильно менялись на протяжении обсуждаемого двадцатилетнего периода, потому что история все больше «становилась историей», а текущее время обнаруживало собственный драматизм, который для активно живущих людей приобретал все большую значимость и уже начинал затмевать те эпохальные события, с опытом которых пришли в литературу «отцы».

Интересно, однако, то обстоятельство, что между уходящим и идущим к нему на смену поколениями в этот

период не было соперничества, а тем более антагонизма. Они представляли единую линию литературы на двух стадиях ее развития; у них были, несмотря на нюансы, единые представления о должном в литературе. Соответственно, передача опыта (через литобъединения, семинары молодых, индивидуальное наставничество), дружеская поддержка старшими младших были нормой литературной жизни.

В эти годы осуществляют работу литобъединение при газете «На смену!» (оно же потом трансформировалось в клуб имени М. М. Пилипенко), литобъединения при заводах (Уралмаше, Турбомоторном), в вузах (в частности, в УрГУ, в УПИ, в горном), издавна очень активно работающие городские литобъединения – например, в Нижнем Тагиле, в Каменске-Уральском, в Златоусте («Мартен») и др. Среди наиболее успешных руководителей литобъединений в 70–80-е гг. – Э. И. Бояршинова, Б. М. Марьев, Н. Я. Мережников, В. А. Черноземцев.

Молодые таланты, проявлявшие себя в литобъединениях, рекомендовались руководителями на зональные и областные совещания молодых писателей, которые устраивались регулярно. Мероприятия такого рода проводились и на других уровнях: межобластные (например, семинар в Оренбурге в 1982 г., которым руководил С. П. Залыгин), всероссийские и всесоюзные, где непременно участвовали молодые уральцы. Союз писателей занимался ими очень плотно, партийные органы и советские власти их всячески поддерживали. А руководители семинаров, обнаружив среди своих подопечных талантливых ребят, старались обратить на них внимание печатных органов, протежировали их журналам; когда условия созревали – давали им рекомендации для вступления в Союз писателей. Почти все уральские писатели, которым нынче за сорок и за пятьдесят, прошли через семинары молодых. В их числе такие известные сегодня, как Александр Иванченко, Ольга Славникова, Леонид Юзефович, Вячеслав Курицин, Арсен Титов и др. И что характерно: их первые вещи, обсужденные на семинарах,

настойчиво рекомендовали к публикации руководители семинаров – писатели, существенно превосходящие их не только по возрасту, но и эстетически совсем не близкие (скажем, Александра Иванченко «толкал» В. Ф. Турунтаев, Ольгу Славникову – А. И. Трофимов, и т. д.).

Безусловной особенностью литературной жизни в 1970–80-е гг. стало расширение литературной географии. Еще в годы хрущевской «оттепели» были предприняты действенные меры к тому, чтобы пробудить, вывести из дремоты, проявить на всероссийском уровне жизнь литературной провинции. Для этого был создан Союз писателей РСФСР (организатор Л. С. Соболев), при правлении СП РСФСР организованы творческие комиссии (по поэзии, прозе, критике), в которых активно работали литераторы из разных областей России; в разных городах регулярно проводились выездные пленумы, секретариаты, творческие конференции, сопровождавшиеся литературными праздниками на местах. В 1959 и 1969 гг. таковые случились и в Свердловске. С той же целью были учреждены региональные журналы.

Все эти меры в совокупности дали результат: уральский регион становился все более заметен на литературной карте России. В 70–80-е гг. эта тенденция нарастала, в каждой из уральских областей обозначились свои литературные лидеры, хорошо заметные на общероссийском фоне.

Пермь. Конечно, самой заметной фигурой в начале обсуждаемого периода здесь был Виктор Петрович Астафьев, но где-то в начале 70-х гг. он переехал в Вологду, а потом в Красноярск. Так что в 70–80-е гг. литературную жизнь в Перми определяли другие фигуры. Авенир Донатович Крашенинников (поэт и прозаик, много лет был членом редколлегии журнала «Урал»); Лев Иванович Давыдычев (очень своеобразный детский писатель, наделенный роскошной фантазией и чувством юмора; хотя его повести не вполне соответствовали профилю журнала «Урал», его охотно здесь печатали, он был даже членом редколлегии); Алексей Михайлович Домнин (поэт, прозаик, знаток рус-

ской старины); Владимир Ильич Радкевич (поэт-лирик); Николай Федорович Домовитов (поэт-фронтовик); Олег Константинович Селянкин (прозаик, фронтовик; в 70–80-е гг. был ответственным секретарем Пермской областной писательской организации); прозаик Роберт Петрович Белов. Несколько моложе их были поэт Алексей Леонидович Решетов (который в «Урале» печатался с начала 60-х гг., а в 70–80-е гг. был уже известен и ценим на всем Урале) и прозаик Михаил Дмитриевич Голубков. С конца 70-х сильно заявили о себе прозаики Владимир Григорьевич Соколовский, Леонид Константинович (Абрамович) Юзефович (который в конце 80-х гг. уехал в Москву) и Нина Викторовна Горланова (некоторые свои вещи она пишет в соавторстве с Вячеславом Букуром). В 70–80-е гг. в «Урале» в качестве публициста активно выступал Дмитрий Гилелович Ризев, позже он перешел в основном на прозу, несколько лет возглавлял областную организацию Союза писателей России.

С Пермью связаны начало и значительная часть творческой жизни Андрея Павловича Ромашова, но с 1975 г. он жил уже в Свердловске и самые значительные свои произведения создал и опубликовал здесь. В 80-е же годы в Перми громко заявил о себе Виталий Олегович Кальпиди.

Тюмень. Своеобразие литературной жизни в Тюмени (и области) в этот период определялось двумя полярными факторами. С одной стороны, здесь тогда проходил «передний край» советской экономики, «валютное» сырье добывалось ценой героических усилий; героизм – понятие не экономическое, а идеологическое, и для его поддержания необходимы были моральные стимулы; отсюда вполне прагматичная поддержка литературы Тюменским обкомом. С другой стороны, Тюмень до того времени была «столицей деревень» и глухой литературной провинцией. Там не было своего журнала, а областное книжное издательство было лишь филиалом Средне-Уральского, которое находилось в Свердловске.

Естественно, что, как во всякой российской глубинке, в Тюмени были свои исторические корни, своя память, которая реализовалась в сказах Ивана Михайловича Ермакова (но он умер в 1974 г.), в романах и пьесах Зота Корниловича Тоболкина. Своеобразная и значительная ветвь тюменской литературы связана с художественным освоением, скажем так, этнографической темы. Тут, несомненно, нужно учесть творчество талантливых представителей коренных народов тюменского Севера. Это ненецкий поэт Леонид Васильевич Лапцуй, мансийский поэт и прозаик Юван Николаевич Шесталов, литераторы (ставшие в 90-е гг. и видными общественными деятелями) из народа ханты – Роман Прокопьевич Ругин и Еремей Данилович Айпин. На этнографической основе построены и основные произведения Маргариты Кузьминичны Анисимковой – прозаика из Нижневартовска.

Очень характерна и драматична судьба ненки Анны Павловны Неркаги: она, можно сказать, пришла из тундры, ярко дебютировала в «Урале» повестью «Анико из рода Ного», заставила всех говорить о себе – и снова ушла-растворилась в тундре. Правда, были у нее и позже немногочисленные повести, даже роман «Белый ягель», но, кажется, она и сейчас остается как бы вне литературной жизни.

Истинное своеобразие и драматизм творчества Анны Неркаги состоит в том, что она – едва ли не единственная среди писателей ее темы и ее плана – остро ощутила, что упомянутый выше «передний край» советской экономики – это передний край наступления «цивилизации» на земли, где в течение многих веков жил и развивал свою самобытную культуру ее народ. Другие же тюменские писатели (кстати, всемерно поддержавшие Анну Неркаги при первом ее появлении) волею обстоятельств оказались по другую сторону того «переднего края». Они воспели героизм «первопроходцев», за счет чего и утвердились в литературе. При таком повороте темы литература буквальн-

но вырастала из журналистики, сохраняя генетические особенности последней: документальную основу, злободневность, торопливость письма и весьма условные нравственно-психологические коллизии в основе сюжета.

Первым в этом ряду писателей нужно назвать очеркиста Евгения Ананьева (Евгения Григорьевича Шермана). В 80-е гг. он в течение нескольких лет возглавлял тюменскую писательскую организацию. Его хорошо знали и всегда считались с его мнением по литературным (и житейским) делам и в Свердловске.

Самая крупная фигура в литературной жизни Тюмени 70–80-х лет – это, несомненно, Константин Яковлевич Лагунов – очеркист, публицист, прозаик; на протяжении более полутора десятилетий (с 1968 по 1984 г.) ответственный секретарь Тюменской областной писательской организации. Его роман «Бронзовый дог», опубликованный в конце 1982 г. в журнале «Урал», вызвал всесоюзный резонанс и очень болезненную партийную реакцию.

В силу сложившихся на тюменской земле условий преимущественное развитие получили здесь очерк, документальная проза с сильным публицистическим элементом. Поэтому в 70–80-е годы на всеуральском и российском уровне были очень заметны тюменские литераторы-документалисты (если уместно такое определение): Любовь Георгиевна Заворотчева, Анатолий Константинович Омельчук, Юрий Сергеевич Надточий.

Заслуживает отдельного упоминания Сергей Юрьевич Андреев: он приехал в Тюменскую область из Ленинграда, окончив биологический факультет ЛГУ и защитив кандидатскую диссертацию. В Тюменской тайге он занимался экологическими проблемами, однако скоро решил попробовать себя в публицистике. (Такой поворот судьбы не был случайным: литература была ему близка с детства. Его отец Ю. А. Андреев – известный ленинградский литературовед, литературный критик, публицист, прозаик, спортсмен, а сейчас еще и экстрасенс.) Первые две-три

статьи Сергея Андреева были напечатаны журналом «Урал», они были интересны, но большого резонанса не вызвали. Потом журнал опубликовал его остросюжетную повесть – и тоже без большого успеха. Но в знаменитом «экспериментальном» номере «Урала» (1988, № 1) появилась его большая статья «Причины и следствия» – о превращении советской бюрократии в новый правящий класс, – и вызвала очень большой, всесоюзный шум. Вскоре Сергей Андреев возвратился в Питер, поначалу сделал успешную политическую карьеру, потом ушел в литературу и написал целую полку книг.

Для полноты картины нужно еще упомянуть прозаика и драматурга Сергея Борисовича Шумского, поэтов Александра Анатольевича Гришина и Николая Меркамаловича Шамсутдинова.

Курган. Территория, которую занимает Курганская область, в разные времена административно подчинялась то Тобольску, то Свердловску, то Челябинску и всякий раз оказывалась на периферии. А так как литературная жизнь прочно привязана к издательствам и журналам, то есть к культурным центрам, то и большого самостоятельного развития литературная жизнь в Кургане не получила. Даже районный (в прошлом уездный) город Шадринск имеет более глубокие литературные корни. В феврале 1943 г. территория, примыкающая к Кургану, выделилась из Челябинской области в самостоятельную административно-территориальную единицу. Эта мера открывала некоторые новые возможности для того, чтобы улучшить управление промышленностью, поскольку сюда было эвакуировано много предприятий из западных районов страны, однако дополнительных стимулов к развитию своего культурного потенциала новая область при этом не получила.

Если говорить о 70–80-х годах, то в первую очередь надо назвать прозаика Виктора Федоровича Потанина, с 1960-х г. тесно сотрудничавшего с журналом «Урал»,

много лет бывшего членом редколлегии. Заметная на российском уровне фигура – и Василий Иванович Юровских, живущий в Шадринске. Должны быть упомянуты курганские прозаики Иван Павлович Яган и Вячеслав Владимирович Веселов. В 80-е гг. с журналом «Урал» активно сотрудничал и Феликс Сузин (Феликс Наумович Зусманович) – врач, беллетрист и публицист.

Челябинск. Челябинские (в том числе и магнитогорские) писатели принимали самое активное участие в становлении журнала «Урал»: Б. А. Ручьев и Л. К. Татьяничева были в составе первой редколлегии (и оставались в ней в последующие годы), их публикации были в первых номерах, они регулярно публиковались в журнале и позже. Но Б. А. Ручьев в 1973 г. умер, а Л. К. Татьяничева с 1965 г. жила в Москве, в 1980 г. умерла, так что их прямое участие в литературной жизни Урала в обсуждаемый период было невелико. Из писателей старшего поколения еще оставались в строю магнитогорец Михаил Михайлович Люгарин и челябинец Марк Соломонович Гроссман. На 70–80-е гг. пришлась самая продуктивная творческая пора для прозаиков Петра Михайловича Смычагина, Сергея Константиновича Петрова и Зои Егоровны Прокопьевой, поэта Валентина Васильевича Сорокина и поэта-драматурга Константина Васильевича Скворцова (двое последних – один раньше, другой позже – уехали в Москву). В тот же период 70–80-х гг. на передний план вышли Рустам Шавлиевич Валеев (прозаик, пишущий по-русски, но с глубоким погружением в духовный мир татарского народа), Геннадий Николаевич Скобликов (автор лирической прозы), поэт Николай Иванович Година. Уже в 80-е гг. неожиданно и ярко дебютировала в прозе Алла Федоровна Бархоленко, до того писавшая только пьесы, а потом и ее дочь Татьяна Тайганова (где-то в начале 90-х гг. обе уехали в Вологодскую область). Заметной фигурой в литературной жизни Челябинска 80-х гг. стала супружеская чета Татьяна Алексеевна Набатникова

и Владимир Владимирович Курносенков, позже они не только разошлись, но и разъехались: Набатникова в Москву, а Курносенко – то ли в Псков, то ли в Новгород.

Панорама литературной жизни в Челябинске в этот период была бы неполной без упоминания литературоведа и критика Лидии Петровны Гальцевой и прозаика, литературоведа, библиографа Александра Андреевича Шмакова, автора биобиблиографического словаря «Урал литературный» (1988), в котором, увы, есть немало неточностей, однако теперь уже заниматься историей литературы Урала, не прибегая к этому справочному изданию, представляется затруднительным.

В 70–80-е гг. в Челябинске работали замечательные публицисты – Николай Абрамович Терешко, Михаил Саввич Фонотов, Рафаил Фадеевич Шнейвайс (он же Николай Карташов) и др.

Для полноты картины можно упомянуть литераторов, живших в 70–80-е гг. в Магнитогорске: поэтов Владилена Ивановича Машковцева и Александра Борисовича Павлова, прозаика Станислава Васильевича Мелешина.

Оренбург. Раньше и заметнее других оренбургских писателей на общеуральский уровень вышел прозаик Борис Сергеевич Бурлак. Его романы публиковались в «Урале», в течение многих лет он был членом редколлегии журнала. Вслед за ним нужно назвать и Анатолия Гавриловича Рыбина, который писал повести и романы, в 70-е гг. в течение пяти лет возглавлял Оренбургскую областную писательскую организацию, но прочные связи с общеуральским журналом «Урал» у него не сложились. В 70-е гг. активно сотрудничал с «Уралом» прозаик Иван Сергеевич Уханов, в 80-е он переехал в Москву. В этот же период входили в литературу такие заметные оренбургские прозаики, как Петр Николаевич Краснов, Георгий Николаевич Саталкин, Николай Трофимович Струздюмов.

Постоянным автором «Урала» был журналист, краевед, писатель-публицист Вильям Львович Савельзон.

Очень видная фигура в литературной жизни Оренбурга – литературовед и литературный краевед Леонид Наумович Большаков. Кстати, в отличие от других оренбургских авторов, чьи связи с «Уралом» не всегда складывались хорошо, Л. Н. Большаков с журналом всегда сотрудничал много и плодотворно, в течение ряда лет был членом редколлегии.

Башкирия. У национальной республики Башкирии, безусловно, своя литературная жизнь, не всегда нуждающаяся в выходе на всеуральские и всероссийские просторы. Однако многие башкирские авторы стремились найти выход и к русскоязычной аудитории, они переводились на русский язык и печатались в «Урале», а также в московских изданиях. Признанным лидером башкирской литературы в 70–80-е гг. был Мустай Карим (Мустафа Сафич Каримов). Он публиковался в «Урале» и на протяжении многих лет был членом редколлегии журнала. Следует особо отметить очень достойную позицию, которую занял Мустай Карим во время «воспитательных мер», предпринятых Свердловским обкомом КПСС в отношении журнала «Урал» в начале 80-х гг.: он пытался защитить журнал, но обком пренебрег его заявлениями.

С журналом охотно сотрудничал и другой очень почитаемый в Башкирии поэт Муса Гали (Габдрахман Галиевич Галиев). Нельзя проигнорировать тот факт, что в Уфе постоянно живет и работает группа русских писателей. Среди них в обсуждаемый период самой заметной фигурой был, пожалуй, Михаил Андреевич Чванов – ныне достаточно известный на общероссийском уровне прозаик. Очевидно, должны быть также отмечены поэт и прозаик Роберт Васильевич Паль, поэт и переводчик Александр Павлович Филиппов.

Говоря о башкирской литературе, нужно назвать еще и прозаика, публициста, переводчика Ямиля Мустафьевича Мустафина, который с начала 60-х гг., после окончания Литинститута, живет в Москве, но связь с родиной

держит постоянную и, несомненно, играет видную роль в литературной жизни Башкирии.

Удмуртия. Безусловно, самым заметным литератором из Удмуртии на общеуральском и общероссийском уроне был русский поэт Олег Алексеевич Поскребышев, в начале периода живший в городе Глазове, а потом переехавший в Ижевск. Он был постоянным автором «Урала» и членом редколлегии, но удмурты считали его своим. Очень яркой фигурой был и Флор Иванович Васильев, удмуртский поэт. (К сожалению, он безвременно умер в 1978 г.) Известны за пределами республики были литературоведы Зоя Алексеевна Богомолова и Александр Григорьевич Шкляев (последний в течение ряда лет был и членом редколлегии журнала «Урал»). Но тот же Шкляев был больше озабочен реанимацией литературного наследия зачинателей удмуртской советской литературы Кузебая Герда и Ашальчи Оки, нежели продвижением к читателю творчества современных удмуртских писателей (которые, откровенно говоря, не всегда «тянули» на российский уровень).

Свердловск. Благодаря давним традициям и двум журналам, Свердловск в 70–80-е гг. имел неформальный, но бесспорный для всех статус литературной столицы Урала. Свердловская областная писательская организация была самой крупной в регионе, многих свердловских писателей, активно работавших в эти годы, хорошо знали за пределами области и Урала. Все подростки страны читали книги Владислава Петровича Крапивина, не менее широко было известно в стране и творчество Бориса Степановича Рябинина. Творчество Николая Григорьевича Никонова, хотя его книги тоже издавались в Москве, за пределами Урала знали меньше, но творческий авторитет его на Урале был, пожалуй, даже весомее. После публикации «Диофантовых уравнений» высший уровень творческих достижений уральской прозы стал ассоциироваться с именем Андрея Павловича Ромашова. Благодаря

нашумевшему спектаклю «Сталевары», поставленному Олегом Ефремовым во МХАТе, всесоюзную известность приобрело имя Геннадия Кузьмича Бокарева. Свою нишу во всероссийском литературном раскладе заняло своеобразное (драматургия в стихах) творчество Владимира Филипповича Балашова.

Но литературный пейзаж в границах Свердловской области определялся не только вершинами, которые было видно издалека: он в эти два десятилетия был как никогда разнообразен. Еще активно работали ветераны с фронтовым опытом (Климентий Федорович Борисов, Павел Ефимович Кодочигов, Михаил Яковлевич Найдич, Вадим Кузьмич Очеретин, Яков Лазаревич Резник, Венедикт Тимофеевич Станцев, Яков Гаврилович Танин, Анатолий Иванович Трофимов, Леонид Григорьевич Шкавро, Семен Борисович Шмерлинг), но уже давно вступили в пору зрелости писатели более молодые по возрасту, опирающиеся в своем творчестве на послевоенный опыт: Эльза Александровна Бадьева, Сергей Михайлович Бетев, Эмилия Ивановна Бояршинова, Анатолий Александрович Власов, Исай Давыдов (Давид Исаакович Шейнберг), Вера Матвеевна Кудрявцева, Борис Михайлович Марьев, Николай Яковлевич Мережников, Владимир Иванович Назин, Владислав Николаевич Николаев, Борис Анатольевич Путилов, Владимир Петрович Сибирев, Лев Леонидович Сорокин, Владимир Федорович Турунтаев, Александр Сергеевич Филиппович, Леонид Аристархович Фомин. А вслед за ними входили в литературу Валерий Михайлович Климушкин, Юрий Валерьевич Конецкий, Любовь Анатольевна Ладейщикова, Майя Петровна Никулина, Владимир Борисович Туболев, Алексей Иванович Чечулин, затем Александр Николаевич Крашенинников, Арсен Борисович Титов…

На свердловской почве развивались разные ветви литературы: наряду с представителями традиционных литературных профессий, были здесь признанные юмо-

ристы (Игорь Иванович Тарабукин, Феликс Иванович Вибе, Герман Федорович Дробиз, Александр Дудоладов, Борис Матюнин – позже одни из них существенно расширили свой творческий диапазон, а другие ушли из жизни), были литературоведы и литературные критики (Михаил Адрианович Батин, Иван Алексеевич Дергачев, Александр Сергеевич Субботин, Леонид Петрович Быков, Наум Лазаревич Лейдерман, Гурий Константинович Щенников, Николай Григорьевич Кузин, Валентин Петрович Лукьянин, Евгений Степанович Зашихин), были фантасты (Владимир Константинович Печенкин, Семен Васильевич Слепынин, Сергей Александрович Другаль, Александр Геннадьевич Больных), были мастера литературно-художественной прозы (Белла Абрамовна Дижур, Анатолий Алексеевич Малахов, Юрий Евгеньевич Яровой). Конечно, обозначенные здесь литературные специальности очень условны и подвижны: мало кто из перечисленных писателей замыкался в рамках своего «амплуа».

В итоге можно назвать следующие вехи, отмечающие характер взаимоотношения власти и литературы на Урале в 1970–1980-е гг.: постановлением Свердловского обкома КПСС за допущенные «идеологические ошибки» снимается с должности главный редактор журнала «Урал» Г. К. Краснов, вместо него назначается В. К. Очеретин. В конце 1979 – начале 1980 г. возникают непримиримые противоречия между В. К. Очеретиным, проводящим линию обкома, и писателями, желающими большей свободы творчества (вообще-то ситуация была более сложной, мы ее преднамеренно упрощаем), и обком «сдает» своего «назначенца», не имея к нему серьезных идеологических претензий. Назначение главным редактором В. П. Лукьянина специально оговаривается в обкоме необходимостью перемен. Но уже в 1983 г. эти перемены (действительно происходившие) сурово осуждаются обкомом как недопустимые идеологические просчеты, однако главный редактор с должности не снят и даже суровому партийному

наказанию не подвергнут: по-видимому, к партийным руководителям пришло сознание того, что крутыми карательными мерами дело уже не поправишь.

В последующие несколько лет партия все еще удерживала ситуацию под контролем (во многом благодаря цензуре), хотя в редакции было ощущение работы с опережением: в номер ставились вещи на тот момент непроходные, а пока шло очень неоперативное производство, вещи становились проходными. Но к концу 80-х гг. нарастало ощущение, что накопленный прежде ресурс развития исчерпан: писатели, давно работающие в литературе, уже перепевали себя, не видя продуктивных новых путей; молодые писатели, приносившие свои рукописи в редакцию, были, как правило, до тошноты неинтересны: они и по темам, и по повествовательной манере перепевали старших коллег. Да и таких претендентов на вступление в литературу становилось все меньше, поток дебютантов иссякал. (Кстати, в то же время и редактор «Нового мира» С. П. Залыгин жаловался: печатать стало нечего.) Назревал кризис.

Симптомом его разрешения стал выпуск «экспериментального» номера «Урала» (1988. № 1). Его публикации демонстрировали уход от советских идейно-эстетических традиций, они относили читателя к другим (и даже не столько существующим, сколько возможным) идейно-эстетическим системам. Конечно, этот поворот совершился не сразу, ему предшествовала, в частности, публикация романа Александра Львовича Иванченко «Автопортрет с догом», стихов Виталия Олеговича Кальпиди, некоторых других нетрадиционных по эстетическим параметрам вещей. Вслед за тем в редакцию хлынул целый поток произведений, публикация которых раньше была немыслима.

Поворот этот сегодня воспринимается неоднозначно (да и тогда не все казалось приемлемым). Но главное заключалось в том, что ощущение тупика и топтания на

месте исчезло, впереди замаячили новые горизонты. И реальность дальнейшего движения литературы получила подтверждение: в литературе появились такие фигуры, как только что названные Иванченко и Кальпиди, как Вячеслав Николаевич Курицын, Ольга Александровна Славникова. Причем, это были уже имена не местного, но всероссийского масштаба.

Глава седьмая.

Литературная ситуация и литература рубежа веков (1990–2000-е годы)

Литературная ситуация «второй рубежности» совпала не только с рубежом веков, но и с разломом тысячелетий. Главное ощущение настоящего времени в течение последних лет – завершение не просто литературной эпохи, но целого культурного цикла. В России произошедшая резкая смена экономического, политического, социологического, идеологического, культурологического кодов была усилена характерными для культурной «рубежности» ощущениями эсхатологичности, анормальности, неправильности, апокалиптичности, неуверенности, незащищенности, заставляющими и литературу воспринимать мир как приближающуюся конечность.

Рубежность такого порядка вновь привела литературу к ситуации «промежутка», описанного Ю. Тыняновым еще в начале XX в. в одноименной статье. Исчезновение лингвоцентричной страны обусловило важнейшую характеристику как общероссийской, так и регионально-уральской современной ситуации: доминирующую роль визуального искусства. В этой ситуации существующая литература развивает новые формы: от Интернет-литературы до формы литературных записок в Живом Журнале.

Качественная характеристика литературной ситуации определяется набором тех поколений, которые есть в литературе. 1). Поколение «оттепели», «державшее» литературу на протяжении 30-ти лет (1960–80-е гг.), или ушло из жизни, или перестали творить столь интенсивно, как

раньше: А. Решетов, Н. Никонов, Вл. Крапивин, М. Никулина. 2). Поколение 40–50-летних, которые должны были войти в литературу в 70-е, но не вошли, поскольку были задержаны цензурой: Ю. Казарин, В. Кальпиди, Евг. Касимов, А. Матвеев, В. Исхаков, И. Сахновский, А. Застырец, Е. Ройзман, Д. Рябоконь, Ю. Крутеева, В. Дрожащих, Ю. Беликов, В. Лаврентьев, А. Попов, Ю. Аласьян, Ю. Кокошко, Н. Горланова и др. Это первое поколение в России, которое отказалось от миссии пророчества, учительства, общественной значимости, от роли кумира, четко разграничивая творчество и службу. 3). Поколение, вошедшее в литературу в 1990-е гг.: уральская рок-поэзия (И. Кормильцев, А. Вохмянин), Н. Коляда и уральская драма «новой волны», О. Славникова, А. Иванов, братья Пресняковы, А. Верников, В. Курицын, В. Месяц, Е. Изварина, О. Дозморов, Б. Рыжий.

Не менее важной характерологической чертой литературной ситуации являются формы литературной жизни: журнальная деятельность, творческие союзы, система премий и т. д.

Журнальная ситуация Екатеринбурга последнего времени стремительно меняется: появляются и исчезают новые журналы, развиваются зрелые и успешно функционирующие печатные издания. Всё многообразие журнальной продукции города можно разделить на три большие группы: «толстые» журналы, независимые и глянцевые.

«Толстые» журналы (в Екатеринбурге – «Урал») в силу специфики материала резко отличаются от остальных двух типов журналов. Подзаголовок «Урала»: «ежемесячный литературно-художественный и публицистический журнал» – выводит на общую тему и стиль журнальных публикаций, а это, в свою очередь, дает представление о журнале как о системе.

С апреля 1992 г. в Удмуртии начинает издаваться авангардный для республики журнал «Луч». В состав редакции входили многие известные прозаики и поэты Удмуртии.

Вначале главным редактором был писатель Владимир Емельянов (ныне проживает в Москве), активное участие в построении концепции журнала принимал прозаик Валерий Болтышев. В первом редакционном совете заседали Галина Малых, Анатолий Демьянов, Павел Куляшов. В 2002 г. журнал сменил редактора, и на сегодняшний день им руководит Николай Малышев. Из постоянных авторов «Луча» наибольший вес в творческом плане имеют поэты Алексей Сомов (часто выступающий и как прозаик), Анатолий Демьянов, Вячеслав Ар-Серги (прозаик, поэт, драматург, народный писатель Удмуртии, член Союза писателей России), прозаик Генрих Перевощиков, писатель-фантаст Озар Прозоров, прозаик в жанре «фэнтези» Владимир Кулишов, молодые поэты Дмитрий Суворов, Влад Шихов и др. Эти имена во многом определяют и общую картину современной литературы в Удмуртии. Многие из писателей как минимум двуязычны: пишут и на удмуртском, и на русском языках, иногда переводятся на другие, чаще финно-угорские, языки (так, Вяч. Ар-Серги переведен на венгерский, шведский, французский и эстонский).

Как полагает Е. А. Подшивалова, «современный этап развития русской литературы Удмуртии необходимо описать и как историю литературных объединений»[77]. Одним из них как раз и является журнал «Луч», другие – «Радуга» при газете «Комсомолец Удмуртии», «Жемчужина» при библиотеке им. А. Гайдара, поэтический клуб в Удмуртском государственном университете. Объединения выпускают свои поэтические сборники (напр., альманах «Аквилон». Ижевск, 2004 и др.). В целом же, и для русскоязычной, и для удмуртской литературы в Удмуртии сегодня характерны творческие поиски: «Картина современной поэзии

[77] Подшивалова Е. А. Принципы изучения удмуртской литературы // Литература Урала: история и современность. Сб. статей. Екатеринбург, 2006. С. 57–58.

может предстать пестрой и эклектичной, и это свидетельствует о поисках новых художественных путей»[78].

Глянцевые журналы во всем разнообразии занимают ныне основную нишу на рынке журнальной продукции и в Екатеринбурге, и по всей России. Поэтому екатеринбургских изданий этого типа достаточно много: «Я покупаю», «Стольник», «Эпатаж», «Happy», «Банзай!», «Ле», «Вкус», «Сомелье», «Татлин», «Колумб», «Екатеринбург» и мн. др. Каждое из этих изданий занимает свою нишу и находит своего читателя, а значит – имеет свое лицо, формируемое рядом взаимозависимых признаков.

Эти журналы редко имеют региональные признаки (за исключением изданий, посвященных определенной стороне жизни Екатеринбурга, как, например, «Екатеринбург», «Столица Урала» и некоторые другие – их «местная» принадлежность обозначена уже в заголовке). Жители столицы Урала – представители целевой аудитории каждого из этих журналов – хотят видеть свою жизнь и свой быт вписанными в столичный контекст.

«Уральский акцент» намеренно приобретают журналы третьей группы – независимые журналы «ZaArt», «Рубильник», «Э. Ф.», «Комод», «Вкл./Выкл.», как правило, практически целиком посвященные культурной среде Екатеринбурга.

Наряду с традиционными для Екатеринбурга журналами, обращенными к литературной и / или краеведческой жизни – «Урал» (ред. В. Лукьянин, затем Н. Коляда), «Уральский следопыт» (ред. Г. Иванов, затем С. Морозов) – в последнее десятилетие предпринимаются попытки организации и других изданий, литературно ориентированных: журнал «МИКС (Мы и культура сегодня)», «Лабиринт/Эксцентр», «Черный журнал», газета «Книжная

[78] Там же. С. 58. См. также статьи Т. И. Зайцевой и В. Л. Шибанова в указанных сборниках «Литература Урала: история и современность».

неделя» (ред. О. Славникова), газета «Большая медведица» (газета АСПУР, ред. А. Кердан), журнал «Чаша круговая» (альманах, ред. А. Кердан), журнал «Веси», (отв. ред. Т. Богина), газета «Пушкинская, 12» (ред. Ю. Лобанцев, вышел 1 номер в 1991 г.), журнал «Добрый малый» (ред. В. Фельдман), журнал «Литературный квартал», газета «Творческий союз» (вышел 1-й полетный номер).

Девяностые годы и начало 2000-х занимают особое место в жизни писательской организации как в организационном, так и в творческом отношении. В 1991 г. произошел раскол местной писательской организации, вернее, выход из Свердловской писательской организации Союза писателей РСФСР группы из 11 человек, создавших местное отделение Союза российских писателей. Следуя за московскими событиями, где образовалось два союза – Союз писателей России и Союз российских писателей, в некоторых регионах также создалось два альтернативных Союза. В настоящее время в двух писательских организациях – около 100 человек. Существует также Ассоциация писателей Урала (АСПУР). В Перми еще в конце 1980-х гг. были созданы такие литературные и творческие объединения, как «Времири» (лидер Ю. Беликов), «Эскиз» (В. Кальпиди и В. Дрожащих). В 1990-е гг. произошло создание альтернативного Союза писателей России, литературных групп, объединений (Фонд «Юрятин»: «Ротонда», «Сигнальный экземпляр», «Пенаты», «Одекал», «Монарх», «Литературная Пермь», «Тропа» (ДТЮ), «Пилигрим»), альманах «Литературная Пермь».

Особенностью современной литературной жизни является наличие института региональных премий в области литературы и искусства. Премия им. П. П. Бажова. Премия Губернатора Свердловской области. Премия им. В. М. Татищева и В. де Геннина. Премия им. Н. Кузнецова (восстановлена). «Чаша круговая» (с 1999 гг.). Премия им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Премия фонда В. П. Крапивина.

Считая январский экспериментальный номер журнала

«Урал» за 1988 год началом новой литературы на Урале, М. Липовецкий замечает: «На его страницах не без эклектической пестроты встретились страшный натуралистический рассказ об афганской войне (О. Хандусь "Он был мой самый лучший друг") и изящная "древнекитайская" стилизация (Вл. Пирожников "Пять тысяч слов"), виртуозно-усложненная кафкианская притча (А. Иванченко "Техника безопасности 1") и стихи автора знаменитых тогда текстов рок-группы "Наутилус-Пампилиус" (И. Кормильцев "Стихи для огненнокрылого пса"), "мовистская" лирическая проза с центральным фрагментом, посвященным полузапретному рок-фестивалю и легендарному Б. Г. (А. Матвеев "В поисках ближнего"), и мрачная антиутопия (А. Крашенинников "Одна-единственная"), сюрреалистические новеллы А. Верникова и "стебные" тексты А. Козлова и В. Дрожащих… Само перечисление, как это ни странно, дает представление не только о составе этого журнала, но и о наиболее ярких направлениях новой литературе на Урале»[79]. Исследователь считает, что наиболее яркие явления в искусстве нашего времени связаны с модернистским и постмодернистскими тенденциями. В общероссийском контексте это бесспорно, но применительно к Уральскому региону «явление» как всегда богаче «закона», о чем, в частности, убеждает состояние современной уральской поэзии.

Так, поэзия Южного Урала последних десятилетий XX в. отражает те тенденции, которые характеризуют современную литературную ситуацию в целом. Эта ситуация напоминает броуновское движение, когда пестрота и крайняя противоречивость множества стилевых направлений не складываются в целостную картину. Это особенность переходной эпохи в литературе, которой свойственны метания из крайности в крайность, дробность и изменчи-

[79] Липовецкий М. Литература Урала в 1980–90-е годы // Литература Урала: Очерки и портреты. Книга для учителя. С. 436.

вость поэтических школ и направлений, с одной стороны, и зарождение тенденций, определяющих магистральные направления в развитии литературы, с другой.

Рассматривая современную уральскую поэзию, можно обозначить основные силовые линии, формирующие ее пространство.

Одна из таких линий – поэзия традиционного спектра. Это творчество поэтов, принадлежащих к разным поколениям. Но, пожалуй, самая характерная черта, их объединяющая, – видеть свое назначение в том, чтобы сохранить нравственные ориентиры в эпоху, когда разрушились прежние ценностные понятия. Они ищут смысл человеческого существования внутри хаоса, осознавая трагизм противоборства человека и мира.

Творчество Константина Скворцова позволяет отчетливо представить этот поэтический спектр. Одна из коренных особенностей его лирики – ярко выраженное, персонифицированное, узнаваемое «я». Облик лирического героя отмечен мужественностью и открытостью: «Крылатые несут нас кони, / А силы кончатся, – не стой, / На небо, брат! Там наши корни. / И каждый корень – золотой!» («Баллада о золотом корне»). Особенно дорога лирическому герою память о детстве, о матери, об Урале, для него не существует понятия «малой родины»: «не может Родина быть малой с такой великою душой».

Николай Иванович Година – поэт, творчество которого трудно осмыслить в системе определенных литературоведческих координат. С одной стороны, он, безусловно, принадлежит к традиционному направлению: мир, созданный им, целостен и разумен и может быть противопоставлен разорванности хаотичного пространства. С другой стороны, в его стихах не так много открытого лиризма, исповедальности, стремления бесконечно исследовать и проговаривать чувства, обрушивая на читателя поток эмоций. Черты импрессионизма можно обнаружить в лирике поэта, который смотрит на мир глазами художника: «Радуют рисунком

сочным / Дали памяти, свежи / Где твой образ внешним солнцем / Над пейзажами души».

В своих стихах Н. Година часто фиксирует детали, фрагменты картины, а целостность восприятия зависит от настроения.

Импрессионистическая манера письма обнаруживает себя в пропусках ассоциативных звеньев, когда возникает эффект неопределенности, неясности, мерцания смысла, в пристальном внимании к мгновению. Ключевую тему своей лирики Н. Година определил так: «Любовь к земле, обостренное видение окружающего, взаимоотношения человека с природой стали доминирующими в моей лирике». Благоговение перед жизнью, чувство одушевленности вселенной – так можно было бы определить основу мироощущения поэта.

В стихах Владимира Носкова пересекаются разные исторические эпохи, отменяются законы геометрии. Поэт способен в одном произведении и улыбнуться, и серьезно поразмыслить, что придает его стихам объемность, многозначность. Коротенькая зарисовка, которую оживляет диалог, лирический герой в маске простака – и подчеркнуто значимые финальные строчки: «Споем же Стеньке Разину помин его души».

Носков много размышляет об историческом прогрессе, при этом у него свои критерии, характеризующие поступательное движение человеческого общества. Может показаться, что В. Носков – поэт рациональный, однако это не исчерпывает сути его творчества, «неэвклидово» пространство стихов поэта наполнено мыслью и чувством, есть в них та лирическая простота, которая позволяет его стихам действовать сильно и мгновенно.

Обретение Бога, без которого не мыслится человеческое существование, без которого умирает надежда, Бога, вера в которого помогает принять этот мир, – важнейший эмоционально-смысловой комплекс поэзии Нины Ягодинцевой. Взгляд поэтессы устремлен к небу – там свет, к которому

идёт, «не открывая глаз», лирическая героиня ее стихов. Образ света, огня, пламени – сквозной образ, объединяющий поэтические сборники разных лет, – многозначен. Это свет, который мерцает в конце жизненного пути, это «бессонная свечка» «на том берегу», которая кажется единственной нитью, связывающей с жизнью, это свет, сжигающий боль и рассеивающий мрак, это свет, у которого «позади зола», это «темное пламя» как знак трагической судьбы, это «черное пламя» земного ада, где нужен свет «обрывком музыки из рая».

Трагедийное звучание темы России – общая нота в традиционной поэзии Южного Урала. В лирике Н. Ягодинцевой, которая не хочет выступать в роли судьи своего времени, она звучит без излишнего дидактизма и публицистичности:

Знать, из горького опыта
Не выходит хорошего:
Что не продано – пропито,
Что не пропито – брошено.

Что не взято – отравлено,
У потомков украдено…
Если сказано правильно,
Ты прости меня, Родина…

Отказывается от роли судьи и Сергей Борисов, с творчеством которого уральский читатель познакомился в 1980 г., а в 90-е гг. одна за другой увидели свет три новых книги стихов поэта. «Сама собой проистекла, / Мордуя рощи и лощины, / Эпоха битого стекла / И непотребной матерщины», – так оценивает Борисов свое время.

Традиционная поэзия Южного Урала представлена разными именами и направлениями. Среди них достаточно редкое – поэтическая публицистика. Творчество Сергея Семянникова, который появился на поэтическом небосклоне в конце 80-х гг., а достиг пика своей популярности

в 90-е гг., свидетельствует о том, что поэтическая публицистика существует и сегодня.

В современной литературе Удмуртии достаточно продуктивно работает поколение поэтов, которое заявило о себе в 1970–80-е гг.

Николай Байтеряков формально к этому поколению не принадлежал, был самым старшим из них, прошел войну. Автор ряда поэм на сюжеты удмуртской мифологии. Перевел на удмуртский язык стихи С. Есенина, творчество которого было ему особенно близко, а также произведения других русских поэтов.

Владимир Владыкин – двуязычный поэт-этнограф, пишет свои произведения на удмуртском языке, создавая затем авторские переводы на русском.

Анатолий Демьянов – поэт большого лирического дарования. В 70-е гг. работал в газете «Комсомолец Удмуртии». В период обостренного давления на литературу со стороны власти покидает Ижевск, обосновывается в Кезском районе, где живет до сих пор. По собственному полушутливому выражению, в годы застоя он «ушел в травы».

Маргарита Зимина – поэтесса из села Грахово, в годы перестройки была членом группы «Апрель», выделившейся из союза писателей. Выпустила три сборника стихотворений: «О несуетном поговорим», «Лирика», «Эти вечные темы». В последнем в разделе «переводы» представлены переводы на русский язык стихов удмуртской поэтессы Ашальчи Аки. Ныне живет в Камбарке.

Герасим Иванцов – начинал в литературном объединении «Радуга» при Ижевском мотозаводе. Окончил литературный институт, создал ряд замечательных стихотворений, в которых отразились философские размышления об эпохе 70–80-х гг., о времени и человеке. В определенном смысле представляет интеллектуальную ветвь удмуртской поэзии.

Бардовская поэзия – это ещё одна линия, без которой трудно представить поэтический ландшафт уральского ре-

гиона. В Челябинске долгое время существовал один из самых сильных в стране клубов самодеятельной песни (КСП). На ильменские фестивали в Челябинск по приглашению клуба приезжали Юрий Визбор, Александр Городницкий, Александр Дольский, Борис Вахнюк, Татьяна и Сергей Никитины, Дмитрий Сухарев и многие другие. Лариса Коробицына, Юрий Трахтенберг, Михаил Вейцкин многое сделали для создания той особой творческой атмосферы, которая сформировала целое созвездие авторов и исполнителей. Один из них – Олег Митяев, популярнейший бард сегодняшней России. Им создана песня, ставшая гимном бардовского движения, с ней он дебютировал на VII Ильменском фестивале («Изгиб гитары жёлтый ты обнимешь нежно…»).

Лирика Олега Митяева разнообразна: мотивы дороги, встреч и расставаний («Дорога», «Давай с тобой поговорим», «Фрагмент», «Оттолкнётся от перрона» и др.), исторические темы («Печали каменного пояса», «Провинциальная история», «На торговой площади», «Ермак», «Провожала казачка» и др.), военная тема, интимная лирика, городские мотивы.

Еще одна силовая линия, формирующая современное поэтическое пространство, это метареализм или метаметафоризм. Большинство исследователей творчества уральского поэта Виталия Кальпиди соотносит его тексты именно с этим направлением.

Метареализм отслаивает от слов привычные, устоявшиеся значения, придает им новую многозначность, однако не порывает с существующим языком искусства, более того, В. Кальпиди, например, достаточно серьезно замечает: «Вот Пушкину не нужен логопед, а мы до наглости косноязычны». Иронически переосмысливается этот мотив в стихах челябинского поэта Дмитрия Кондрашова («Тавтология»). Абсурдность и разорванность картины мира, трагическое мироощущение человека рубежа веков, попытка диалога с хаосом наиболее полно отразились в творчестве метареа-

листов и концептуалистов. Момент утраты Слова, замещение его молчанием, немотой, пустотой фиксируют многие поэты этого направления. Точно выразил это Дмитрий Бавильский: «Вначале было Слово. А в конце / Не стало ничего…».

Заключение

Отечественная словесность – явление целостное и единое. В ней нет сибирских, уральских, поволжских и других автономий. И в то же время, поскольку российские регионы столь вариативны по своим природным, климатическим, этническим и экономическим условиям, говоря о российской литературе, с необходимостью нужно вести речь о единстве многообразия.

Русское в художественной словесности исторически складывалось именно из московского, питерского, смоленского, донского. Этот баланс разноречия обусловлен, с одной стороны, единым литературным языком, национальными традициями, общегосударственными ценностями и приоритетами, а с другой стороны – отчетливыми особенностями географического положения, местного диалекта, быта, хозяйственного уклада, позволяющими говорить о региональном самосознании.

В XX веке, по мере развития в стране газетно-журнального дела, книгоиздания и книготорговли, а также постепенного (в дооктябрьскую пору), а затем стремительного (в 1920–30-е гг.) изживания массовой неграмотности литературная жизнь стала – при сохранении центростремительного вектора – прорастать и в глубине России. «Областной принцип, – как еще в 1925 г. писал П. Н. Сакулин, – идет на убыль, и его значение обратно пропорционально росту культуры»[80].

Безусловно, существенную роль в «пробуждении» провинции сыграли бурные социальные катаклизмы XX века. Именно повышенная социальная ориентированность

[80] Сакулин П. Н. Наука о литературе, ее итоги и перспективы. XV. Синтетическое построение истории литературы. М., 1925. С. 40.

уральской литературы на протяжении почти всего XX в. ощущалась в качестве ее особой черты. Отсюда – осмысление труда как ценностной меры личности, как сферы реализации индивида в любых социальных обстоятельствах. Литературные реалии Урала открыто несут в себе этот смысловой акцент, будь то произведения П. Бажова или Б. Ручьева, или стихи М. Пилипенко, автора «Уральской рябинушки».

«Он в час тревоги – твердый, как металл, / А в дни веселья песнями встревожен, / Я в этом городе мечтал / Характером быть на него похожим», – эти строки, посвященные Нижнему Тагилу, написаны Леонидом Вилкомиром (1912–1942). Словно предчувствуя судьбу многих в своем поколении, в стихах он демонстративно сблизил такие понятия, как труд и бой.

Перемены в духовной жизни страны в период «оттепели» не могли не сказаться в работе писателей-уральцев. В Свердловске в пору либерализации общественных процессов начал выходить журнал «Урал» (первый редактор – Олег Коряков), что, несомненно, стимулировало активность местных литературных сил. Надежды на «социализм с человеческим лицом» не смогли претвориться в реальность. «Оттепель» сменилась «застоем», но те годы не стали застойными в литературе.

В годы перестройки уральская литература обогатилась новыми именами. Они сразу же вызвали далеко не региональный интерес тем, что олицетворяли собой созвучную масштабным переменам эстетическую и социально-психологическую новизну.

Время еще расставит здесь свои акценты, другие исследователи пропишут новые силовые линии литературы «последнего рубежа» веков и тысячелетий. Поэтому наш проспект не завершен – он обрывается на страницах «черновика», который набело переписывают все участники литературной жизни и ее «ингредиенты», а главное – само время и создаваемая им литература.

Творческий коллектив

Зоя Сергеевна Антипина – зав. лабораторией городской культуры и СМИ каф. журналистики Пермского гос. университета.

Владимир Александрович Блинов – канд. технич. наук, профессор каф. строительной экологии Уральской гос. архитектурно-художественной академии.

Леонид Петрович Быков – доктор филол. наук, заведующий каф. русской литературы XX века Уральского гос. университета.

Игорь Евгеньевич Васильев – доктор филол. наук, профессор каф. русской литературы XX века Уральского гос. университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Екатерина Владимировна Гарник – магистрант филологического факультета Уральского гос. университета.

Нелли Сергеевна Журавлева – канд. историч. наук, доцент каф. истории России Южно-Уральского гос. университета.

Юлия Владимировна Клочкова – канд. филол. наук, доцент каф. филологии СУНЦ Уральского гос. университета.

Илья Владимирович Козлов – канд. филол. наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, преподаватель каф. русской литературы XX века Уральского гос. университета.

Мария Аркадьевна Литовская – доктор филол. наук, профессор каф. русской литературы XX века Уральского гос. университета, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Валентин Петрович Лукьянин – канд. филос. наук, литератор, критик.

Татьяна Николаевна Маркова – доктор филол. наук, профессор каф. литературы и методики преподавания литературы Челябинского гос. педагогического университета.

Анна Манасовна Меньщикова – учащаяся 11 класса СУНЦ Уральского гос. университета.

Юлия Сергеевна Подлубнова – канд. филол. наук, доцент каф. русского языка Уральского гос. технического университета – УПИ.

Алла Георгиевна Прокофьева – доктор педагогич. наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики литературы Оренбургского гос. педагогического университета, зав. научно-исследовательской краеведческой лабораторией.

Юлия Николаевна Серго – канд. филол. наук, доцент каф. истории русской литературы XX века и фольклора Удмуртского гос. университета.

Лидия Михайловна Слобожанинова – канд. филол. наук, критик.

Татьяна Александровна Снигирева – доктор филол. наук, профессор каф. русской литературы XX века Уральского гос. университета, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Елена Константиновна Созина – доктор филол. наук, зав. отделом истории русской литературы Института истории и археологии УрО РАН, профессор каф. русской литературы Уральского гос. университета.

Людмила Ивановна Стрелец – канд. педагогич. наук, доцент каф. литературы и методики преподавания литературы Челябинского гос. педагогического университета.

Литературная жизнь Урала XX века:
литературоведческая концепция
музейной экспозиции

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института истории и
археологии УрО РАН и Ученым советом
Объединенного музея писателей Урала

Ответственные редакторы:
д. филол. н. Т. А. Снигирева, д. филол. н. Е. К. Созина
Компьютерная верстка: А. И. Явшев

Подписано в печать 20.03.2008
Формат 60x84. Усл. п.л.
Тираж 50 экз. Заказ

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4